

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

Трофимов Артем Александрович

**РАЗВИТИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ,
СОДЕРЖАЩИХ S, В ГРЕКО-АРМЯНО-ИНДОИРАНСКОМ АРЕАЛЕ**

Специальность 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание»

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент В. К. Казарян

Москва – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. БИКОНСОНАНТНЫЕ НАЧАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ СТРУКТУРЫ *Ps-	14
1.0. Вступление	14
1.1. Начальный кластер *ps-	17
1.1.1. *pseh ₂ - ‘тереть’	17
1.1.2. *pseu- ‘дуть’	19
1.1.3. *pseud- ‘лгать, обманывать’	21
1.2. Начальный кластер *ts-: *(t)sel- ‘красться’	22
1.3. Начальный кластер *Ks-	23
1.3.1. *kseh ₁ - ‘гореть’, *kseh ₁ ro- ‘горящий, горячий; сухой’ / *Kser- ‘сухой’	23
1.3.2. *ksed- ‘разрезать, нарезать’	35
1.3.3. *ksud ^h - < *g̃s-ud ^h - ‘голод’	36
1.3.4. *ksulom- ‘древесина, столб’	36
1.3.5. Производные от корня *kes- ‘резать, чесать’ с нулевой ступенью: *ksen- ‘чесать шерсть’, *kseu- ‘скоблить, точить’, *ksuróm ‘бритва’	40
1.3.6. *ksiHrom ‘молоко, сыворотка’	42
1.3.7. *ksëu- (skëu-) ‘чихать’	43
1.3.8. *kseub ^h - ‘колебаться’	44
1.3.9. *kseud- ‘дробить; маленький’	45
1.3.10. *ks-én-uo- < *g ^h s-én-uo- ‘чужеземец, гость’	53
1.3.11. *k ^u sep- ‘ночь’	54
1.4. Выводы	68
ГЛАВА 2. ТРИКОНСОНАНТНЫЕ НАЧАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ СТРУКТУРЫ *PsC-	73
2.0. Вступление	73
2.1. Начальные кластеры *pst- / *tsp- (?) / *bzd-	75
2.1.1. *pstëñ-o- ‘женская грудь’	75
2.1.2. *psteuH- ? / *tspeuH- ? / *spieyH- ? ‘плевать’	86
2.1.3. *pster- ‘чихать’	89
2.1.4. *bzdV- ‘пускать ветры’	91
2.2. Начальный кластер *ksn-: *ks-neu- ‘точить, заострять’	94
2.2.1. Лат. pouācula ‘бритва’	96
2.2.2. *ksneus- ‘чихать’	101
2.3. Начальный кластер *Ksu-	102
2.3.1. *(k)sueks ‘шесть’	102
2.3.2. *(k)suej- / *(k)suej̃sd- / *(k)suej̃g ^h l- ‘шипеть, свистеть; играть на музыкальном инструменте’	104
2.3.3. *(k)suejd- ‘молоко’	105
2.3.4. *(k)suej̃p- / *(k)suej̃b- ‘бросать, швырять’	107
2.3.5. *k ^u sp-ent- ‘ночь’	109
2.4. Выводы	120
ГЛАВА 3. НАЧАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ СТРУКТУРЫ *zV ^(h) -	123
3.0. Вступление	123
3.1. *(h ₁)s-d ^h í 2 л. ед. ч. акт. императива ‘будь’	129
3.2. *zg ^u es(h ₂)- ‘гасить’	135
3.3. Нулевые ступени корня *seg ^{(u)h} - ‘выносить, переносить’	137
3.4. Нулевая ступень корня *seġ ^h - ‘хватать, овладевать’	139
3.5. *zg ^{uh} - ‘вы’ (косвенная основа)	141
3.6. Нулевая ступень корня *seg- ‘вешать, прикреплять; касаться’	144
3.7. *sġ ^h -jé/ó- ‘мазать, умащать’	145

3.8. Закон Зибса	146
3.9. Выводы	152
ГЛАВА 4. ДРУГИЕ ТИПЫ КЛАСТЕРОВ	154
4.0. Вступление	154
4.1. Кластеры, состоящие из двух глухих смычных	154
4.1.1. Начальные кластеры структуры *TK-	155
4.1.2. И.-е. *(d)kmtóm ‘сто	163
4.1.3. Начальные кластеры структуры *KT-	166
4.1.4. Начальные кластеры *tp- и *pt-	169
4.1.5. Начальный кластер *rk- и и.-е. *k(u)uón- ‘собака’	174
4.1.6. Нулевые ступени корней структуры *PeP-	176
4.1.7. Выводы	183
4.2. Начальные кластеры структуры *TN-	184
4.2.1. Производные корни *dem- ‘строить’	186
4.2.2. Производные корни *d ^h emH- / *d ^h meH- ‘дуть’	190
4.2.3. Выводы	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
БИБЛИОГРАФИЯ	202
Словари	202
Издания текстов	207
Специальная литература	208

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению ряда начальных консонантных сочетаний¹, содержащих s-, в праиндоевропейском языке и в греко-армяно-индоиранском диалектном ареале. Речь идет о начальных би- и триконсонантных кластерах структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)- (P – любой глухой смычный, C – любой согласный, B^(h)- – любой звонкий смычный). Для исследования выбраны именно начальные кластеры по той причине, что в рассматриваемом нами диалектном ареале конец слова претерпел столь значительные изменения, что достоверная реконструкция этапов данного изменения труднодостижима, а развитие инлаутных сочетаний согласных в целом представляет целый ряд значительных по объему отдельных тем. Также диссертация касается таких общих вопросов, как силлабификация и аблаут в праязыке и в указанном диалектном ареале.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что пристальное изучение индоевропейского слогообразования в целом и допустимых начальных кластеров в праиндоевропейском началось относительно недавно. В то же время достоверная реконструкция и интерпретация правил праиндоевропейской силлабификации и допустимых начальных, срединных и конечных кластеров праязыка может в значительной мере улучшить понимание таких важных проблем, как аблаут и структура корня. Такая ситуация делает необходимой тщательное рассмотрение имеющегося языкового материала и его сравнительно-историческую интерпретацию.

Научная новизна исследования заключается в том, что, как будет показано в разделе, посвященном истории данного вопроса, тема, заявленная

¹ В работе на правах синонимов употребляются понятия «консонантное сочетание», «сочетание согласных» и «(консонантный) кластер».

в диссертационном исследовании, специально не затрагивалась в научной литературе.

Цель работы состоит в изучении вопроса о том, существовали ли начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)- в праязыке или они являются исключительной особенностью греко-армяно-индоиранского диалектного ареала.

На пути к достижению указанной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Рассмотреть все возможные случаи появления кластеров структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)- в реконструируемых праформах.

2. Уточнить существующие этимологии и реконструкции прафом.

3. Определить, какие из них могут относиться к праязыковому состоянию, а какие должны считаться диалектной инновацией.

4. Установить взаимосвязь допустимости или запрета названных начальных кластеров с общей структурой праиндоевропейского слога и моделями аблаута.

5. Установить, являются ли консонантные сочетания, содержащие s, уникальными в праязыковой системе, или их развитие параллельно развитию других типов праиндоевропейских начальных кластеров.

Объектом исследования послужили реконструируемые корни и лексемы, которые содержали начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)-. Также рассматривались корни и лексемы структуры *PP- и *TN- для выяснения их типологического сходства или различия с основным объектом исследования.

В качестве **материала исследования** привлекались следующие источники:

1) Этимологические словари индоевропейских языков, а именно [IEW 1959], [MA 1997], [LIV 2001], [NIL 2008];

2) Этимологические и описательные словари древнеиндийского языка, а именно [Uhlenbeck 1898-99], [KEWA 1956-1980], [EWAia 1992; 1996], [Böhtlingk-Roth 1855-1875], [Monier-Williams 1899], [Grassman 1873];

3) Этимологические и описательные словари иранских языков, прежде всего [Bartholomae 1904], [Horn 1893], [Абаев 1958-1989], [Стеблин-Каменский 1999], [Cheung 2007];

4) Этимологические и описательные словари древнегреческого языка – [Voisacq 1916], [GEW 1960-1970], [DELG 1968-1980], [Beekes 2010], [LSJ 1996], в том числе микенского греческого – [Георгиев 1955], [ППСГЯ 1986], [DM 1985-1993];

5) Этимологические словари армянского языка, а именно [Hübschmann 1897], [НАВ 1971-1979], [Jahukjan 2010], [Martirosyan 2010];

6) Этимологические и описательные словари других индоевропейских языков;

7) Авторитетные издания текстов на древних индоевропейских языках;

8) Монографии зарубежных и отечественных исследователей;

9) Статьи в специальных журналах.

Теоретической базой исследования послужила реконструкция праиндоевропейского языкового состояния, произведенная М. Майрхофером в первом томе «Индоевропейской грамматики» под редакцией Е. Куриловича [IG 1986]. В тех случаях, когда наши взгляды не совпадают с отраженными в указанной работе и других исследованиях, это специально оговаривается. Что касается современных фонологических теорий, в рамках которых в настоящее время ведется исследование структуры слога в индоевропейских языках (стоит прежде всего назвать теорию оптимальности), мы сознательно абстрагируемся от их применения в данной работе. Такое решение объясняется следующими соображениями: построение матрицы ограничений в рамках теории оптимальности производится в современных языках на основании значительного лексического корпуса, в случае же праязыка всегда

круг реконструируемых лексем ограничен, поэтому требуется предварительная работа по уточнению этимологии праформ, чему и посвящена наша работа. Кроме того, хотелось бы, чтобы наше описание было свободно от того или иного рода дедуктивных положений. В связи с этим основным **методом**, используемым в диссертации, стал классический сравнительно-исторический метод.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые предлагается считать некоторые начальные кластеры, которые традиционно реконструируются на праязыковой уровень, диалектной особенностью. Данное положение предполагает, что для дальнейшей реконструкции индоевропейской силлабификации и аблаута требуется внимание к диалектной дистрибуции реконструируемых праформ.

Практическая значимость диссертационного исследования видится нам в следующем: его результаты могут послужить для разработки теоретических и пропедевтических работ и учебных курсов по индоевропейской сравнительно-исторической фонетике, особенно в таких важных ее разделах, как силлабификация, структура корня и аблаут. Кроме того, поскольку значительная часть работы посвящена этимологизации материала, полученные результаты могут использоваться при составлении этимологических словарей различных индоевропейских языков, прежде всего индоиранских и греческого.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на нескольких научных конференциях: на IX Международной конференции по армянскому языкознанию (Санкт-Петербург, 7-9 ноября 2012 г.), на VIII Международной научной конференции «Современные методы сравнительно-исторических исследований» (Москва, сентябрь 2013 г.), на ежегодной конференции молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2013 г.), на XVII-х и XVIII-х чтениях, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского

(Санкт-Петербург, 24–26 июня 2013 г. и 23–25 июня 2014 г.). Тезисы докладов были опубликованы в сборниках материалов вышеперечисленных конференций. По теме диссертации подготовлены три публикации в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ [Трофимов 2014а; Трофимов 2014б; Трофимов 2014в].

Положения, выносимые на защиту:

1. Начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)- были запрещены в праиндоевропейском. Соответственно, в праязыке корни структуры *Pes-, *PesC- и *seB^(h)- не могли образовывать нулевые ступени в абсолютном начале слова.

2. В праязыке действовал закон Зибса, предполагавший звуковой переход *sB^(h)- > *sP^(h)-.

3. В греко-армяно-индоиранском диалектном ареале произошла инновация, в результате которой в перечисленных языках появились начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)-, а корни структуры *Pes-, *PesC- и *seB^(h)- получили возможность образовывать нулевые ступени в приступе первого слога словоформы.

4. В праязыке существовал запрет и на другие виды начальных кластеров, в частности, структуры *PP- и *TN-, которые также появляются в греческом, армянском и индоиранских языках (а *PP- также во фригийском) как ареальная инновация.

5. Максимальный индоевропейский слог мог состоять из двух согласных в приступе и двух – в коде². Биконсонантные последовательности

² В работе используются термины «приступ» и «кода», соответствующие употребляемым в английском языке терминам onset и coda. В этом мы следуем работе [САЛ 2009]. В русском языке употребляются и другие соответствия: например, «инициали» и «финали» в работе [Князев 1999], «начала» и «концы» в работах [Панфилов 1973; Панфилов 1980]. Термины «финаль» и «инициаль» не употребляются в нашей

подчинялись в целом принципу восходящей звучности и, соответственно, представляли собой ограниченный класс.

6. Триконсонантные начальные кластеры были запрещены в языке за возможным исключением кластеров *sPR- и *HPR-.

7. При реконструкции праиндоевропейского слогообразования и слоговой структуры необходимо обращать внимание на диалектную дистрибуцию реконструируемых праформ.

8. Нулевые ступени некоторых корней не могли встречаться в абсолютном начале слова в праиндоевропейском, но стали допустимы в определенных диалектных ареалах.

9. в греко-армяно-индоиранской общности присутствуют надежные изоглоссы не только в сфере морфологии и лексики, но и в области силлабификации, а значит, шире – фонетики и фонологии.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Краткое изложение истории вопроса.

Строение праиндоевропейского слога и правила индоевропейской силлабификации, как было отмечено выше, достаточно долго являлось маргинальной областью исследования в сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков. Только недавно, главным образом в 21 веке, данная тема стала самостоятельным предметом исследования в индоевропеистике.

Представляется важным рассмотреть основополагающие достижения прошлого в исследованиях, так или иначе затрагивавших данную тему.

В 19 веке было сделано несколько открытий, которые в определенной степени относятся к рассматриваемой проблеме.

работе, поскольку устойчиво ассоциируются с языками Юго-Восточной Азии, термины же «начало» и «конец» требуют постоянного уточнения и поэтому достаточно неудобны.

В работах У. Уитни и Э. Зиверса [Whitney 1865; Sievers 1881] было впервые сформулирован принцип восходящей звучности (Sonority Sequencing Principle). Данное правило, акустическое по своей природе, предполагает, что слог в языках мира в идеальном случае строится следующим образом: «степень сонорности сегментов увеличивается от начала (инициали, onset) к ядру (слоговому элементу, nucleus) слога и уменьшается от ядра к его концу (финали, coda)» [Князев 1999: 86]. Данное правило универсально и действует с определенными ограничениями во всех естественных языках; порядок сегментов по возрастанию звучности таков: «(согласные} глухие взрывные – звонкие взрывные – глухие аффрикаты – звонкие аффрикаты – глухие фрикативные – звонкие фрикативные – носовые – плавные – глайды – (гласные) верхнего – среднего – нижнего подъема» [там же]. Как показывают современные исследования праиндоевропейского слогаобразования, в праязыке данное правило действовало достаточно строго, но с определенными ограничениями [Kobayashi 2004: 41-44; Keydana 2012].

Э. Зиверс сформулировал важный закон, касающийся поведения глайдов в позиции после согласного в древнеиндийском и готском языках. Автор сформулировал свой закон следующим образом:

«В (древне)индийском безударные *i* и *u* перед гласным имеют консонантную природу после краткого и вокалическую – после долгого, вне зависимости от положения ударения в слове» [Sievers 1878: 129].

В последующие полтора столетия закон Зиверса стал самым изучаемым явлением, непосредственно связанным с индоевропейской ссиллабификацией. Поскольку литература по вопросу чрезвычайно обширна и данный закон не является предметом диссертации, мы сошлемся на [Collinge 1985: 159-174] и последнюю по времени монографию, посвященную закону Зиверса, [Barber 2013].

В 1913 году выходит книга Э. Готьо «Конец слова в индоевропейском», где автор занимается проблемой допустимых конечных согласных и групп в праязыке и в дочерних группах [Gauthiot 1913].

Также в первой половине 20 века появляется монография, целиком посвященная слоговой структуре праиндоевропейского и отдельных индоевропейских языков, прежде всего греческого. Это книга Э. Германа «Слогообразование в греческом и в других индоевропейских языках» [Hermann 1923]. Его работа во многом посвящена проблеме слогаделения в праязыке и языках-потомках и процессам ассимиляции в месте слогораздела, поэтому основное достижение данного исследователя – формулировка правила, согласно которому в праиндоевропейском звуковая последовательность -VCCV- всегда делится на слоги как -VC.CV- даже в том случае, если -CCV- является допустимым слоговым приступом [Hermann 1923: 351-357; Byrd 2010: 28]. Тем не менее, содержание его работы этим не исчерпывается: так, Э. Германн уделяет внимание закону Зиверса в различных языковых группах и делает некоторые частные замечания о некоторых начальных кластерах греческого [Hermann 1923: 201-202] и других языков, а также праязыка в целом [Hermann 1923: 364-366].

А. Мейе в 1934 году в 7 издании своего «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» (русский перевод вышел в 1938 году) посвятил слогу целую главу, пусть и небольшую по объему [Мейе 1938: 149-157]. В ней он сделал 5 важных замечаний относительно порядка силлабификации в праязыке при последовательности из двух сонантов:

«1. Между двумя согласными после краткого слога или в начальном слоге слова первый сонант бывает согласным, второй – гласным.

2. Между согласной после краткого слога и гласной первый сонант – гласная, второй согласная.

3. После гласной, перед согласной или в конце слова первый сонант – согласная, второй – гласная.

4. Между двумя гласными первый сонант становится вторым элементом дифтонга, а второй – согласной.

5. В начале слова – общего правила нет» [Мейе 1938: 156-157].

Й. Шиндлер заметил, что первые четыре правила Мейе можно объединить в одно, которое было сформулировано автором следующим образом: «сонанты становятся слоговыми между неслоговыми сегментами или между неслоговым сегментом и границей словоформы в порядке с конца слова» [Schindler 1977b: 56]. Данное важное и емкое правило сегодня является общепризнанным и в значительной степени помогает как при реконструкции отдельных праформ, так и аспектов праиндоевропейской морфонологии.

Наконец, начиная с 1970-х гг., появляются исследования, в которых должное внимание начинает уделяться слоговым явлениям в приступе первого слога словоформы в древних индоевропейских языках. Е. Д. Панфилов в двухтомной монографии «Фонологические слоги классической латыни» [Панфилов 1973; Панфилов 1980] предлагает исчерпывающую модель латинского слога, в том числе допустимых кластеров приступа и коды (в терминологии автора – «начало» и «конец» слога [Панфилов 1973: 5]). Д. Стериате в своей диссертации, посвященной силлабификации в древнегреческом и древнеиндийском, отводит значительную роль исследованию допустимых начальных кластеров и правил редупликации [Steriade 1982].

В настоящее время проблема праиндоевропейской силлабификации разрабатывается прежде всего в работах М. Кобаяши, Г. Кейданы и Э. Берда. Все эти исследователи работают в рамках теории оптимальности, о ней [Prince-Smolensky 2004; Kager 1999; SOT 2003]. В своих работах каждый из исследователей затрагивал проблему начальных кластеров в языке. Что касается начальных кластеров структуры sP(R)-, современные исследователи

считают начальный праиндоевропейский *s- внеслоговым (extrasyllabic) [Kobayashi 2004: 41-44] или «полуслоговым» (semisyllabic) [Keydana 2012].

Диссертация Э. Берда [Byrd 2010] посвящена полному описанию индоевропейской силлабификации. В ней исследователь в числе прочего приводит полный список возможных начальных и конечных праиндоевропейских кластеров с примерами [Byrd 2010: 163-168]. Показательно, что в его списке присутствуют начальные кластеры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)-, которые и являются основным объектом нашего исследования. При этом Г. Кейдана, в отличие от Э. Берда, считает невозможной реконструкцию начальных кластеров структуры *PsC- [Keydana 2012: 230-231].

Глава 1.

Биконсонантные начальные кластеры структуры *Ps-.

1. 0. Вступление

Одна из отличительных особенностей греко-армяно-индоиранского ареала в отношении спيرانта s-, которая сразу обращает на себя внимание, заключается в том, что в начале слова допускаются сочетания согласных, в которых наблюдается последовательность Ps- (где P – любой глухой смычный).

В древних индоиранских языках засвидетельствовано несколько различных начальных биконсонантных сочетаний, вторым элементом которых является фонема, продолжающая и.-е. *s. К ним относятся:

Др.-инд. ps в корне *psā- ‘жевать’, др.-инд. psāti ‘жуёт’;

Др.-инд. ts- в корне tsar ‘красться’ < *tsel-, др.-инд. tsáratī ‘крадется, подползает’;

И.-ир. *ks > др.-инд. kṣ- / авест. и др.-перс. xš-, в ряде случаев происходящие из *ks-; например, kṣurá- ‘бритва’, этимологически родственно греч. ξυρόν ‘бритва’ и ξύω ‘скоблить, полировать’.

В греческом существуют начальные консонантные группы ks- и ps-, обозначаемые особыми буквами греческого алфавита ξ и ψ. Для ряда слов происхождение из *ks- не подвергается сомнению (ср. ξύω ‘скоблить, полировать’, где нач. ξ- с исторической точки зрения является нулевой ступенью праиндоевропейского корня *kes-). В случае со словами, начинающимися на ψ-, столь же бесспорных случаев нет, но некоторые этимологии заслуживают внимания, в том числе сопоставление *pseu- ‘дуть’ : др.-инд. á-psu- ‘бездыханный’ и греческие лексемы ψύχω ‘дуть’, ψύχη ‘дуновение, дыхание; дух, душа’, восходящие к и.-е. *b^hes- ‘дуть’.

Древнеармянский язык ввиду поздней письменной фиксации не оставил непосредственных свидетельств о существовании подобного рода биконсонантных начальных кластеров, но они предположительно реконструируются для праармянского на основании сопоставления с греческими и индоиранскими соответствиями. Две наиболее надежные этимологии предполагают соотнесение арм. *sut* ‘ложь’ с греч. ψεύδω, ψεύδομαι ‘лгать, обманывать’ [Clackson 1994: 168-169] и арм. *sołim*, аор. *sołec‘eay* ‘ползти, пресмыкаться; красться’ с др.-инд. *tsárati* ‘крадется, подползает’.

Подобная ситуация в греко-армяно-индоиранском диалектном ареале заметно отличается от наблюдаемой в других языковых группах. Почти во всех европейских языках начальные сочетания вида Ps- находятся под запретом. С большой долей вероятности они реконструируются только для определенного этапа развития славянских и албанского языков (например, алб. *hiŋgë* ‘сыворотка’ сравнивается с др.-инд. *kṣīrám* ‘молоко’, а праслав. **хидь* – с др.-инд. *kṣudrá-* ‘маленький; бедный, нищий’), причем основным их источником считается метатеза, но никак не нулевые ступени некоторых корней [Орел 1997: 5-6]. Данный вопрос и соответствующие этимологии будут также рассмотрены в этой главе.

Кроме того, любопытно отметить регулярное отсутствие -ps и -ts в исходе индоевропейских глагольных корней: в обратном списке «Словаря индоевропейских глаголов» не засвидетельствовано ни одного случая [LIV 2001: 709]. Корней, заканчивающихся на -Ks, относительно немного. Это может говорить о том, что в праязыке подобные кластеры могли повсеместно устраниться на стадии, предшествующей его распаду.

Этимологические словари и сводные работы по индоевропеистике обычно приводят реконструкции с начальными консонантными сочетаниями, в которых -s- располагается на втором месте после смычного. Подобное решение, тем не менее, обычно подробно не аргументируется, хотя

основанием для реконструкции таких кластеров в большинстве случаев служат исключительно греческие и индоиранские данные.

В последней по времени работе, посвященной проблеме реконструкции индоевропейского слогаобразования (и, соответственно, начальных, срединных и конечных кластеров), Э. Берд реконструирует следующий ряд начальных сочетаний согласных вида Ps-:

*ps-, *ks-, *k^hs- [Byrd 2010: 164].

В доказательство правомерности реконструкции каждого из этих кластеров автор приводит по одному примеру, соответственно:

*pseh_x- ‘тереть’ (греч. ψῆν (инф), ψήχω ‘тереть, гладить’);

*kseu- ‘брить’ (греч. ξύω ‘скоблить, полировать’, др.-инд. kṣṇáuti ‘заостряет, точит’);

*k^hsep- ‘темный, темнота; ночь’ (др.-инд. kṣar- ‘ночь’, авест. xšar- ‘ночь’) [Byrd 2010: 167].

Поскольку в основном подобные кластеры реконструируются на основании греческих, армянских и индоиранских данных, встает закономерный вопрос: являются ли греко-армяно-индоиранские начальные кластеры с -s-, следующим непосредственно за первым в слове смычным, характерной инновацией этого ареала или, напротив, унаследованной чертой? Кроме того, окажется ли это архаичной особенностью рассматриваемой группы индоевропейских диалектов или характерной инновацией, будет правомерным исследование причин подобного положения вещей на фоне других ареалов.

В связи с этим требуется подробное этимологическое рассмотрение всех лексем в греческом, древнеиндийском, авестийском и армянском, которые непосредственно содержат начальные консонантные сочетания с s во второй позиции и в которых такой s может быть достоверно реконструирован в результате сравнения с родственными языками.

Из рассмотрения будут исключены те случаи, когда подобные сочетания имеют другое происхождение, то есть когда в праформе не содержится индоевропейская фонема *s. К подобным относятся такие случаи, как др.-инд. kṣ- < *d^hǵ^h- (в kṣam- ‘земля’ и т. д.).

Засвидетельствованные в исследуемых языках корни и лексемы будут располагаться в следующем порядке: начинающиеся на ps-, ts-, k̂s-, ks- и, наконец, *k^hs-. В пределах обозначенных будут идти сначала те, которые встречаются во всех трех языковых группах, затем обнаруживающие соответствия между двумя группами, и, наконец, встречающиеся только в одной из групп.

Возможных случаев соответствия между всеми тремя группами крайне мало, что во многом обусловлено фрагментарностью унаследованного лексикона армянского языка.

1. 1. Начальный кластер *ps-

1. 1. 1. *pseh₂- ‘тереть’

*pseh₂- ‘тереть’ – др.-инд. psāti ‘жуёт, поедает’; греч. ψῆν (инф.), ψήχω ‘тереть, гладить’, ψόχω ‘растирать’, ψᾶω ~ ψαίω ‘тереть’; алб. fshij ‘мести, вытирать’ [МА 1997: 490 (*b^hes-); IEW 1959: 145-146 (*b^hes-)].

Корень *pseh₂- объяснялся рядом исследователей как суффиксальное расширение *b^hs-eh₂- индоевропейского корня *b^hes- ‘жевать’, от которого образован древнеиндийский глагол bābhasti ‘жуёт’ [IEW 1959: 145-146; МА 1997: 490]. Другой возможный анализ, принадлежащий М. Мейер-Брюггеру, – *ps-eh₂-, где *ps- является нулевой ступенью от корня *pes-, восстанавливаемого на основании хетт. pes(s)-zi ‘тереть, скрести’ [DELG supp. 2009 apud Beekes 2010: 1666].

Ни первое, ни второе решение нельзя считать абсолютно достоверным в связи с семантическим расхождением рассматриваемых лексем; более того,

схожесть формы и значения с рядом других греческих слов ($\psi\acute{\alpha}\omega$ ‘касаться, трогать’, $\psi\acute{\iota}\omega$ ‘тереть’) может говорить о заимствованном характере глагола $\psi\acute{\eta}\chi\omega$ и связанных с ним форм [Beekes 2010: 1666]. С другой стороны, и в заимствованном характере греческих когнатов не может быть уверенности: $\psi\acute{\alpha}\omega$ достаточно удалено по значению от $\psi\acute{\eta}\chi\omega$ и других форм, которые теоретически могли бы относиться к корню *pseh₂-, а $\psi\acute{\iota}\omega$ – поздно засвидетельствованный глагол, возможно, образованный под влиянием $\psi\acute{\alpha}\iota\omega$.

Албанское слово, привлекаемое Д. Адамсом для сопоставления с остальными рассматриваемыми формами, очевидно, имеет другое происхождение. Глагол fshij ‘мести, вытирать’ необходимо рассматривать как приставочный, вероятно, префиксом был *vi-, тот же корень наблюдается в слове shij ‘молотить’ [Orel 1998: 104]. Надо отметить, что все албанские слова, содержащие начальное сочетание fsh-, образовались похожим образом:

fshâj ‘вздохнуть’ < праалб. *pušanja (ср. рус. пыхать);

fshat ‘деревня’ < лат. fossātum ‘пов’ или из *ambhi-sed- (и.-е. *sed- ‘сидеть, селиться’) или из *ambhi-sek-ti (и.-е. *sek- ‘сечь, резать’, здесь в значении ‘пахать’);

fshëh ~ mshef ‘прятать’ < приставка f- (*vi-) + праалб. *skepska (и.-е. *sker- ‘смотреть’)

fshikë ‘пузырь, волдырь’ < лат. uēsīca ‘пузырь’ [Demiraj-Dayan 1997: 173-174; Orel 1998: 104].

Ю. Покорный, а вслед за ним с сомнением Д. Адамс привлекают для сравнения названия песка в нескольких европейских языках: лат. sabulum ‘песок’, греч. $\psi\acute{\alpha}\mu\omicron\varsigma$ ‘песок’, др.-в.-нем. sant, др.-англ. и совр. англ. sand ‘песок’. Подобное сопоставление ввиду неясности реконструкции общей праформы (*(p)sam- / *sab-) и несвойственного обычным индоевропейским образованиям вокализма *a скорее свидетельствует о субстратном происхождении данных лексем. Именно так трактуются данные слова в

новейших этимологических словарях [de Vaan 2008: 531; Beekes 2010: 1660-1661]³.

В свете вышеприведенных этимологических соображений данная греко-индоиранская изоглосса весьма вероятна, хотя и не абсолютно достоверна. По крайней мере, в древнеиндийском трудно представить себе другой источник начального ps-, нежели индоиранское сочетание структуры *Ps-. Если приведенное сопоставление справедливо, оно свидетельствует в пользу распространения начального сочетания *ps- только в пределах греко-армяно-индоиранской диалектной общности.

1. 1. 2. *pseu- ‘дуть’

*pseu- ‘дуть’ – др.-инд. á-psu- ‘бездыханный’; греч. ψύχω ‘дуть’, ψῦχή ‘дуновение, дыхание; дух, душа’; к и.-е. *b^hes- ‘дуть’ – др.-инд. babhasti ‘дует’, bhástrā- ‘воздуходувный мех’; тох. В pās- ‘шептать’ [MA 1997: 72; IEW 1959: 146; ГИ 1984: 156].

Существует мнение, согласно которому греческие лексемы являются заимствованными [Beekes 2010: 1671-1672]. Некоторые исследователи даже называют конкретный источник – северокавказские языки, прежде всего абхазо-адыгские (ср. адыг., каб., убых. psa, абх. a-psə, абаз. psə ‘дыхание,

³ В свою очередь, существует проблема соотношения греческих же слов ἄμαθος, ἄμμος и ψάμαθος ‘песок’ с ψάμμος [DELG: 1285; Beekes 2010: 1660]. Есть распространенное мнение, согласно которому ψάμαθος производно от ἄμαθος, а ἄμμος – от ψάμμος. Вероятно, прав Р. Бекес, утверждающий, что подобное решение не основано ни на чем, кроме обсуждаемой слабой индоевропейской этимологии греч. ψάμμος [Beekes 2010: 79-80]. Также существует предположение, согласно которому все рассматриваемые лексемы восходят к субстратному прагреч. *sam- ‘песок’, а разница в анлауте обусловлена особым, «чуть более сильным» произношением начального субстратного σ- [Deroo 1956: 183]. Так это или нет, все греческие формы сомнительны в праиндоевропейской перспективе, в связи с чем не могут служить доказательством наличия или отсутствия начальной группы согласных *ps- в языке.

душа') [Николаев 1985: 72]. Основанием для такого решения считается слабость индоевропейской этимологии. С. Л. Николаев, ссылаясь на этимологический словарь Й. Фриска, утверждает, что греческое ψῦχή 'душа' «и.-е. этимологии не имеет» [там же; GEW II 1970: 1142]. Стоит все-таки отметить, что Й. Фрииск упоминает о сопоставлении ψῦχή с индоевропейским корнем *b^hes- [GEW II 1970: 1142]. При наличии индоевропейской этимологии, пусть и не самой надежной, потребность в сопоставлении греческих слов с северокавказскими, на наш взгляд, отпадает.

Что касается аргументов Р. Бекеса, они основаны не на конкретном сопоставлении греч. ψῦχή и родственного ему глагола с данными соседних языков, а на сомнении в существовании корня *b^hes- в индоевропейском праязыке на основании того, что он засвидетельствован в таком виде только в древнеиндийском [Beekes 2010: 1672]. Подобный подход едва ли оправдан. Многочисленные вхождения в «Словаре индоевропейских глаголов» убедительно доказывают, что глагольные корни, имеющие хорошую этимологию, могут сохраниться в виде основ непрямых глаголов всего в одном древнем языке. Хороший пример – и.-е. *h₂eh₁- 'быть горячим', представленный в виде непрямых глаголов только в палайском языке (речь идет о палайских глагольных формах hāri, hānta 'быть горячим'), но дающий общеиранское название огня *ā-t(ə)r и производную основу *h₂eh₁-s- 'быть сухим, сушить' в ряде других индоевропейских языков [LIV 2001: 257]. Что касается формальной стороны, в фонетическом облике древнеиндийского глагола нет ничего, что могло бы указывать на заимствованный характер, а восходить др.-инд. *bhas- не может ни к чему другому, кроме и.-е. *b^hes-. Наконец, у древнеиндийских форм есть вероятная тохарская параллель в виде тох В. rās- 'шептать'.

В связи с этим нет нужды сомневаться в возможности образования производного корня *ps-eϥ-, представленного в греческом и древнеиндийском языках. Данный корень, а, соответственно, и начальный

кластер *ps- в нем, очевидным образом не распространен за пределами греко-армяно-индоиранского ареала.

1. 1. 3. *pseuḍ- ‘лгать, обманывать’

*pseuḍ- ‘лгать, обманывать’ – греч. ψεύδω, ψεύδομαι ‘лгать, обманывать’, ψυδρός ‘лживый, неправдивый’, арм. sut, род. п. stoy ‘ложь’ [Clackson 1994: 168-169].

Дж. Клэксон считает данное сопоставление важной греко-армянской изоглоссой. Следуя за предположением, высказанным в работе [Taillardat 1977], исследователь связывает греко-армянское *pseuḍ- с рассмотренным в предыдущей главе греко-индоиранским *pseu- ‘дуть’. Это предположение привлекательно, так как существуют примеры сходного семантического развития в ряде языков. Например, существует французское выражение *vendre du vent* ‘давать ложные обещания’ (букв. ‘торговать ветром’); в немецком слово *windig* ‘ветренный’ имеет также значение ‘сомнительный’, а англ. *windy* означает не только ‘ветренный’, но и ‘болтливый, хвастливый’ [Taillardat 1977 apud Clackson 1994: 168]. Также семантическое развитие ‘дуть’ > ‘лгать’ наблюдается и в греческом эпосе: словосочетание ἀνεμόλια βάζειν (Il. 4. 355) ‘лгать’ буквально можно перевести как ‘говорить ветренное’ [DELG 1968-1980: 1288].

Р. Бекес скептически относится к данной идее, однако его скептицизм базируется исключительно на предположении, что формы с видом корня ψυθ- отражают прегреческое чередование δ / θ [Beekes 2010: 1664]. Тем не менее, возможна и другая трактовка, предполагающая два различных индоевропейских расширителя корня *pseu-, а именно *d- и *d^h- [DELG 1968-1980: 1288]. Единственная формальная проблема – ограниченное количество в греческом и других индоевропейских языках параллельных образований с похожими расширителями *d- и *d^h-.

Таким образом, греко-армянская основа *pseuḍ- может быть образована от разбивавшегося выше корня *pseu- ‘дуть’. Начальное сочетание согласных *ps- в данной праформе не выходит за пределы греко-армяно-индоиранской диалектной общности.

1. 2. Начальный кластер *ts-: *(t)sel- ‘красться’

*(t)sel- ‘красться’ – др.-инд. tsárati ‘крадется, подползает’, tsáru- ‘крадущийся зверь’, авест. sruuant- ‘крадущийся’; арм. sořim, aop. sořec ‘ay (< *t-sol-) ‘ползти, пресмыкаться; красться’; алб. shligë ‘змея’; др.-ирл. selige (eDIL seilche) (<*selekjo-) ‘черепаха, улитка’, совр. ирл. seilide (*selnti-) ‘улитка’; лит. selù ~ sėlinu, sėlinti ‘красться, тихо шагать’; прагерм. *stelan ‘красть(ся)’: гот. stilan ‘красть’, др.-исл. stela ‘красть’, др.-англ. stelan ‘красть(ся)’ [MA 1997: 141; IEW 1959: 900; Kroonen-Lubotsky 2009].

Корень *sel- ‘красться’ надежно реконструируется для праязыка. Уникальный начальный кластер *ts- наблюдается только в древнеиндийском, армянском и, возможно, германском, если прагерм. *stelan ‘красться’ действительно этимологически родственно др.-инд. tsárati. В такой ситуации, кажется очень вероятным предположение о том, что индоевропейский корень *tsel- «изначально был композитом с именной основой на первом месте (от которой остался только *t-) и аористным корнем *sel- ‘приходить в движение’» [Kroonen-Lubotsky 2009: 239].

Ввиду уникальности начального кластера *ts- и ограниченного распространения форм с начальным t- в рассматриваемом корне разные ученые подозревали в данном начальном *t- остаточный элемент еще одной морфемы. Так, П. Г. Холлифилд считает, что *t- родственно греч. ἔτι ‘еще, более’ и лат. et ‘и’ [Holliefield 1980: 24], а М. Майрхофер полагает, что начальный t- в корне *tsel- может восходить к и.-е. *(H?)d- ‘на, к’, представленному лат. ad ‘к’ и готской приставкой at- с аналогичным значением [EWAia I 1992: 687].

Кажется, есть еще один возможный кандидат для первой основы данного композита: это корень **teh*₂- ‘красть(ся)’, выпадение гласной и ларингала в котором могло быть обусловлено сокращением в композитах. Впрочем, настаивать на данной этимологии ввиду наличия других возможных сближений, приведенных выше, не представляется возможным.

Анализ данного корня показывает, что нет необходимости реконструировать начальный кластер **ts*- для праиндоевропейского уровня.

1. 3. Начальный кластер **Ks*-

1. 3. 1. **kseh*₁- ‘гореть’, **kseh*₁*ro*- ‘горящий, горячий; сухой’ / **Kser*- ‘сухой’

**kseh*₁- ‘гореть’, **kseh*₁*ro*- ‘горящий, горячий; сухой’ – др.-инд. *kṣāyati* ‘жжет, сжигает’, *kṣāgá*- ‘горящий, пылающий’, *kṣātmá*- ‘сгоревший дотла, высушенный; слабый’; греч. *ξηρός* ‘сухой’, греч. эпич. *ξηρόν* ‘сухое (место), суша’; арм. *č’or* ‘сухой’; тох. А *ksār* ‘утром’; лат. *serēnus* ‘ясный (о небе)’, *serescō* ‘делать сухим, сушить’; др.-в.-нем. *serawēn* ‘исчезать, уменьшаться, слабеть’, ср.-в.-нем *serben* ‘вянуть’ [МА 1997: 170; IEW 1959: 625].

Прежде чем начать исследование данного набора когнатов, представленного нами на основе двух индоевропейских этимологических словарей, следует указать, что праязыке реконструируется несколько глаголов со значением ‘быть сухим, сохнуть, сушить’ и производных от них прилагательных со значением ‘сухой’. Существуют три пары «глагол-прилагательное», претендующие на праязыковой статус:

1) глагольный корень **h*₂*eh*₁*s*- ‘быть сухим, сохнуть’⁴: тох. АВ *ās*- ‘сохнуть’, лат. *āreo*, *-ēre* ‘быть сухим; испытывать жажду’ [МА 1997: 170; LIV 2001: 257-258];

⁴ Этот глагольный корень, в свою очередь, произведен от и.-е. **h*₂*eh*₁- ‘гореть’, об этом ниже.

Производное от него прилагательное *h₂susos ~ *h₂soṣos: др.-инд. suṣ- ‘сохнуть’, авест. haōš- ‘засыхать, вянуть (о растениях)’, греч. αῦρος ‘сухой’ (< *ahuhos < *h₂susos, алб. thaj и стар. диал. thanj ‘сухой’ (< *sausniō-), лат. sūdus ‘сухой, ясный’, др.-англ. sēar ‘сухой’, др.-прусск. sausai, лит. saūsas ‘сухой’, ст.-слав. соухъ ‘сухой’ [МА 1997: 170; Lubotsky 1985].

2) глагольный корень *ters- ‘сохнуть; сушить’: др.-инд. tṛṣyati ‘испытывает жажду’, греч. τέρσομαι ‘сохнуть’, арм. t‘agramim ‘вянуть’, алб. ter ‘сохнуть, засыхать’, лат. torreō, -ēre ‘сушить; жарить’, др.-исл. þerra ‘сушить’;

Производное прилагательное *tṛsús / *tṛstos ‘сухой’: др.-инд. tṛṣú- ‘жадный’, авест. taršu- ‘сухой’, лат. torrus (позднее torris) ‘головня’, др.-ирл. tart ‘засуха, жажда’, др.-англ. þurra ‘сухой, иссохший’ [МА 1997: 170].

3) глагольный корень *sek- ‘иссякать, сушиться’: др.-инд. sáscati ‘иссякает’, греч. ἕσκειτο II. 17, 696 ‘иссяк, утих’ (?)⁵, др.-англ. sengan ‘опалить, жечь’, лит. senkù, sèkti ‘иссякать, истощаться; убывать, мелеть’, ст.-слав. и-саче ‘высох’, и-сжчти ‘высушивать’ [LIV 2001: 523-524];

Производное прилагательное *si-skus: авест. hišku- ‘сухой’, лат. siccus ‘сухой; жаркий, ясный’, др.-ирл. sesc ‘бесплодный (о животных)’, валл. hysb ‘сухой’ [МА 1997: 170].

Кроме упомянутых праиндоевропейских лексем, в ряде работ реконструируется прилагательное *k̂seh₁ro- ‘горящий, горячий; сухой’⁶. Оно считается производным от глагольного корня *k̂seh₁- ‘гореть’.

⁵ Обычно принимается чтение ἕσκειτο; тогда данная форма относится к ἔχω ‘держат, иметь’.

⁶ Начальный палатальный *k̂- восстанавливается Ю. Покорным из-за сравнения др.-инд. kṣāyati ‘жжет, сжигает’ с армянскими словами с‘av ‘боль’, с‘asnum ‘сердиться, злиться’, а др.-инд. kṣāmá – с арм. с‘amak ‘суша’ [IEW 1959: 625]. Такое мнение, по всей видимости, базируется на стандартном армянском звуковом переходе *sk̂- > с‘ в презентном глагольном суффиксе *ŝke/o- (ср. hars‘anem ‘спрашивать’ < *pṛ(k̂)-ŝke/o [Beekes 2003: 198]). Согласно современным представлениям, арм. с‘ является

Нужно отметить, что отношения между всеми приведенными здесь когнатами, на основании которых принимается реконструкция *k̂seh₁- и *k̂seh₁ro-, не представляются до сих пор совершенно ясными, что и побуждает нас подробнее заняться этой проблемой.

Исследование отношений между всеми предполагаемыми когнатами уместно начать с рассмотрения этимологических решений, предлагавшихся для греческих форм. Это обусловлено, прежде всего, тем, что именно греческие слова занимают центральное место в этимологических исследованиях, на основании которых реконструируется анализируемое прилагательное *k̂seh₁ro- со значением 'сухой': когнаты из других языков принимаются или отвергаются различными авторами в связи с соответствием или несоответствием с греческими лексемами.

Соответственно, первое, что необходимо сделать – рассмотреть отношения между греч. ξηρός 'сухой', греч. эпич. ξερόν 'сухое (место), суша'.

Еще в античности считалось, что данные слова этимологически связаны. Того же мнения придерживаются современные ученые, см. [Beekes 2010: 1035-1036]. Подобное предположение связано с определенными формальными трудностями. Если исходная форма – ξηρός 'сухой' и возводима к праформе *kseh₁ro-, то ξερόν – результат немотивированного эпического сокращения. Если же исходно слово ξερόν, и оно должно реконструироваться как *ksero-, то долгота в употребительном слове ξηρός труднообъяснима, поскольку подобная продленная ступень ничем не обусловлена. Можно также восстанавливать параллельные формы *kseh₁ro- и *ksh₁ro-, но подобный аблаут тем более не поддается объяснению.

Подобная ситуация заставляла ряд ученых разделять эти греческие лексемы.

закономерным рефлексом как *ŝk̂, так и *sk (например, с'elum 'расщеплять' < *skelH- [там же]), поэтому однозначная реконструкция начального палатального в рассматриваемом корне не поддерживается никакими имеющимися данными.

Прежде всего, для греч. ξερὸν уже давно предлагались внутригреческие соответствия. Это слова χέρσος ‘сухой, твердый’, ἡ χέρσος ‘суша, материк; берег’ и глосса σχερός: ἀκτή, αἰγιαλός ‘морской берег’. Первое слово обычно этимологически связывается с др.-инд. hárṣate, hṛṣyati ‘радуется’, лат. horreō, -ēre ‘стоять дыбом, щетиниться’ [Boisacq 1916: 1056; GEW II 1970: 1089-1090; DELG 1968-1980: 1255; Beekes 2010: 1626-1627].

Ф. Шпехт обнаружил примечательную параллель в гомеровском употреблении греч. ξερὸν ‘сухое (место), суша’ и ἡ χέρσος ‘суша, материк; берег’:

ρόχθει δὲ μέγα κῦμα ποτὶ ξερὸν ἠπειροῖο (Od. 5. 402)

Шумит большая волна у суши берега;

οὐτ’ οὖν κύματα μακρὰ κυλινδόμενα ποτὶ χέρσον (Od. 9. 147)

И не большие волны, накатывающиеся на сушу [Specht 1939: 201].

Нетрудно удостовериться, что мы имеем дело с взаимозаменяемыми синонимами, похожими по форме. Ф. Шпехт указывает на существующие примеры метатезы греческого σ в пределах слова⁷ и предлагает считать слово χέρσος производным от ξερὸν, соответственно, отказываясь от этимологии, связывающей χέρσος с др.-инд. hárṣate ‘радуется’ и другими вышеупомянутыми когнатами. Он также отвергает традиционное сравнение греч. ξηρός ~ др.-инд. kṣārá-, но принимает сопоставление греч. ξερὸν ~ лат. serēnus, serēscō. Исследователь привлекает к сравнению с ξερὸν и χέρσος также σχερός: ἀκτή, αἰγιαλός [Specht 1939: 202-203]. Итак, Ф. Шпехт видит деривационную связь между рассматриваемыми греческими лексемами следующим образом:

ξερὸν ~ serēnus > χέρσος (путем метатезы) > σχερός.

⁷ Например, нов.-греч. σμίγω ‘смешивать(ся), соединять(ся); встречать(я); вступать в брак’ при греч. μίσγω ‘мешать, смешивать’; греч. ψύλλα ‘блоха’ < *b^hsulja наряду с лит. blusà ‘блоха’, ст.-слав. блъха ‘то же’ [Specht 1939: 202].

Другую позицию занимает Р. Хирше. В своем исследовании, посвященном глухим придыхательным в индоевропейских языках, он предположил, что исходной в паре $\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma \sim \xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ является как раз первая лексема, а вторая получена путем метатезы [Hiersche 1964: 218]⁸. Данная точка зрения основана на сопоставлении $\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ с германскими формами, обозначающими берег, в том числе др.-англ. *scoge* и совр. англ. *shore* 'берег', и возведении греческого слова к праформе * $\sigma\kappa\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ ⁹ [там же]. Схематически можно изобразить такую деривационную схему:

$\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma > \xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ (путем метатезы) & $\chi\acute{\epsilon}\rho\sigma\omicron\varsigma$.

Сходный анализ соотношения этих трех слов был предложен Р. Джанко. По его мнению, возведение Р. Хирше слова $\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ к праформе * $\sigma\kappa\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ должно быть отвергнуто как ненадежное, однако именно оно, по его мнению, является исходным в паре $\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma \sim \xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ [Jancko 1979: 21]. Связь $\chi\acute{\epsilon}\rho\sigma\omicron\varsigma$ с двумя этими словами исследователь считает проблематичной с формальной точки зрения, хотя оно и кажется более привлекательным, чем этимология, предполагающая родство с германскими когнатами [там же].

Суммируя приведенные предложения, можно сделать три вывода:

- 1) Этимологическое родство слов $\chi\acute{\epsilon}\rho\sigma\omicron\varsigma$ и $\xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ однозначно доказывается их употреблением в одних и тех же контекстах;
- 2) $\xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ может быть исконной формой в том случае, если верно сопоставление этого слова с лат. *serēnus*;
- 3) невозможно сказать что-то определенное о характере связи слов $\chi\acute{\epsilon}\rho\sigma\omicron\varsigma$ и $\sigma\chi\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ друг с другом, однако нельзя исключать возможности, что они связаны между собой и с $\xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$.

⁸ В подтверждение возможности этой метатезы автор приводит такие примеры, как др. $\sigma\kappa\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma : \xi\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma$ 'меч' [там же].

⁹ Факультативный переход * $sk-$ > греч. $\sigma\chi$ с появлением придыхания в результате воздействия начального $s-$ является, по мнению Р. Хирше, закономерным явлением, распространенным не только в греческом, но и в древнеиндийском и армянском.

4) греч. ξερόν ‘суша’, скорее всего, не является этимологически связанным с греч. ξηρός ‘сухой’.

Теперь необходимо рассмотреть внешние этимологии, предлагавшиеся для рассматриваемых греческих лексем.

1) Во-первых, греч. ξηρός ‘сухой’ уже давно напрямую связывается с др.-инд. kṣāgá- ‘горящий, пылающий’, производным от глагола kṣāyati ‘жжет, сжигает’ [Fick 1868: 53; IEW 1959: 625; KEWA I 1956: 288].

2) Другие возможные когнаты – лат. serēnus ‘ясный (о небе)’, serescō ‘делать сухим, сушить’, др.-в.-нем. serawēn ‘исчезать, уменьшаться, слабеть’ признаются рядом этимологов более вероятными параллелями для греческого существительного ξερόν ‘суша’ (а также и к прилагательному ξηρός, которое при подобном подходе признается производным от ξερόν) [Beekes 2010: 1035-1036].

3) К сближению греческих форм ξηρός и ξερόν с латинской и германскими когнатами в определенной степени примыкает сопоставление с арм. չ‘or ‘сухой’ [Martirosyan 2010: 546].

4) Ю. Покорный в «Индоевропейском этимологическом словаре» добавляет к названным древнеиндийским, латинским, германским и армянской формам тох. A ksär ‘утром’ [IEW 1959: 625].

Рассмотрим по очереди все эти предположения.

На первый взгляд, самым надежным является сопоставление древнегреческих и древнеиндийских форм. Прилагательные ξηρός ‘сухой’ и kṣāgá- ‘горящий, пылающий’ точно соответствуют друг другу с формальной точки зрения. Возможность сравнения греч. ξ- с др.-инд. kṣ- доказывается таким бесспорным соответствием, как греч. ξυρόν ‘бритва’ : др.-инд. kṣurá- ‘бритва’. Что касается семантики, то развитие значения ‘жечь, гореть’ > ‘сухой’ хорошо засвидетельствовано в индоевропейских языках, особенно в таком распространенном корне, как *h₂eh₁s- ‘быть сухим, сохнуть’. В

«Словаре индоевропейских глаголов» к стандартному переводу в скобках добавлено ‘сушить (путем накаливания)’. Более того, корень h_2eh_1s- предположительно возводится к $*h_2eh_1-$ ‘быть горячим’ [LIV 2001: 257-258]. Особенно наглядно выявляется двойная семантика этого глагола в латинском языке, где есть два производных от этого корня глагола, $\bar{a}re\bar{o}$ ‘быть сухим’ и $arde\bar{o}$ ‘гореть’¹⁰. Кроме того, в ряде индоевропейских традиций, в том числе и в латинской, от рассматриваемого корня образуются имена со значением ‘очаг, алтарь’; к их числу относятся хетт. $hassa-$ ‘жертвенный очаг’, лат. $\bar{a}ra$, умбр. asa , оскск. $aasa\acute{i}$ (локатив) ‘алтарь’, др.-исл. $arinn$ ‘очаг’ [Надь 2002: 200-201]. Подобное семантическое развитие наблюдается в собственном производном древнеиндийского корня, а именно в прилагательном $k\check{s}\bar{a}m\acute{a}-$ ‘высушенный’. Соответственно, кажется привлекательной реконструкция на основании греческих и древнеиндийских данных индоевропейского глагольного корня $*kseh_1-$ ‘гореть’, от которого образуется имя $*kseh_1ro-$ ‘горящий, горячий; сухой’.

Однако среднеиндийские данные, очевидно, противоречат данной этимологии. В пали продолжением др.-инд. $k\check{s}\bar{a}yati$ ‘жжет, сжигает’ является глагол $j\check{h}\bar{a}yati$ [Uhlenbeck 1898-99: 70-71; EWAia I 1992: 430], что указывает на начальный кластер вроде $*d^hg^{uh}$ -: древнеиндийский глагол $k\check{s}\bar{i}\check{n}\acute{a}ti$ ‘разрушает’, одно из производных которого, $k\check{s}\bar{i}\check{n}\acute{a}-$ ‘исчезнувший, исчезающий, убывающий’, переходит в пали в $j\check{h}\bar{i}na$, является когнатом греч. $\phi\theta\acute{i}\nu\omega$ ‘губить’ и восходит к праформе $*d^hg^{uh}e\grave{i}$ - [LIV 2001: 150-152; MA 1997: 150; EWAia I 1992: 430]. Интересно, что от корней $k\check{s}\bar{i}-$ ‘разрушать’ и $k\check{s}\bar{a}-$ ‘жечь, гореть’ образуются практически омонимичные каузативы, $k\check{s}\bar{a}r\acute{a}yati$ ‘уничтожает’ и $k\check{s}\bar{a}r\acute{a}yati$ ‘сжигает’, причем последний встречается в пали в фонетическом облике $j\check{h}\bar{a}reti$. Как кажется, наиболее вероятная этимология

¹⁰ Несмотря на то, что $arde\bar{o}$ часто считается производным от прилагательного $\bar{a}ridus$ ‘сухой’, Г. Надь приводит убедительные аргументы против подобного решения [Надь 2002: 204].

для др.-инд. *kṣāyati* ‘жжет, сжигает’ приводится в «Словаре индоевропейских глаголов», где для др.-инд. *kṣā* реконструируется праиндоевропейская основа **d^hg^{uh}-eh₁-*, являющаяся производной от корня **d^heg^{uh}-* ‘жечь, сжигать’ (др.-инд. *dāhati* ‘жжет, сжигает’, ст.-слав. жегж, жеши ‘жечь’ и т. д.) [LIV 2001: 133-134].

Таким образом, сопоставление греч. *ξηρός* ‘сухой’ с др.-инд. *kṣāyati* ‘жжет, сжигает’ и производными несостоятельно с фонетической точки зрения.

Вторая серия предполагаемых когнатов, лат. *serēnus* ‘ясный (о небе)’ с производными и др.-в.-нем. *serawēn* ‘исчезать, уменьшаться, слабеть’, формально могут быть сопоставлены прежде всего с *ξερόν* ‘суша’, более редкой эпической формой. Данное сопоставление предполагает переход и.-е. *ks-* > лат. / прагерм. *s-*. Однако, как было показано выше, с формальной точки зрения подобное сопоставление оказывается проблематичным, поскольку слово *ξερόν* может быть правдоподобно объяснено как полученное путем метатезы из *σχερός*: *ἀκτή*, *αἰγιαλός*. Впрочем, как уже было сказано выше, данное объяснение не может считаться доказанным.

Данная формальная трудность – не единственная. С точки зрения внутрилатинской деривации для лат. *serēnus* кажется наиболее вероятным предполагать праформу вроде **ser-es-no-s*, наподобие *aēnus* ‘медный, бронзовый’ < **aies-no-s* [Pokrowskij 1897: 426] или *terrēnus* ‘земляной, земной’ < *ters-es-no-s*, *egēnus* ‘бедный, нуждающийся; скудный’ < *eg-es-no-s* [DELL 2001: 617]. При таком анализе лат. *serēnus* должно быть образовано от имени существительного **seros* / род. п. **seresos* с вероятным значением ‘сухость’, подобно прилагательным *aēnus*, *terrēnus* и *egēnus*¹¹, которые образованы от подобных имен существительных. В то же время в греческом

¹¹ В латинском сохранился только глагол *egeo* ‘нуждаться’, однако прилагательное *egēnus* возводится к утраченному имени **egus* < **egos*, *-es* ‘нужда’ [DELL 2001: 192; de Vaan 2008: 186].

в качестве сравнения мы имеем стандартные тематические имена без каких-либо следов s-основы. Наконец, сопоставление *serēnus* ~ ξερόν требует праязыковой реконструкции **kser-*, и тогда продленная ступень **ksēr-* в более употребительном слове ξηρός ‘сухой’ предстает, как уже было замечено выше, немотивированной [Beekes 2010: 1036].

Итак, формальные основания рассматриваемой этимологии зыбки, но и не позволяют решительно отвергнуть сопоставление ξερόν ~ *serēnus* ~ *serawēn* исключительно на основании несоответствия в способе образования основ греческой и латинской лексем и возможной, но не однозначно верной внутригреческой этимологии для ξερόν. Такое положение заставляет уделить внимание семантической стороне данной этимологии.

Лат. *serēnus* означает прежде всего ‘ясный (о небе)’, но целый ряд употреблений указывает на вероятное первоначальное значение ‘сухой’ [DELL 2001: 616-617]. В частности, при употреблении в качестве эпитета к *nubes* ‘облака’ данное слово служит синонимом для латинских прилагательных *siccus* и *āridus* ‘сухой’ и антонимом для *pluuuus* и *imbricus* ‘дождливый’ [Pokrowskij 1897: 425].

К прилагательному *serēnus* примыкает глагол *serēscō* ‘сохнуть’. Это слово наиболее близко к греч. ξηρός и ξερός по значению и встречается в литературе только у Лукреция в следующем контексте:

*Denique fluctifrago suspensae in litore vestis
uuescunt, eaedem dispansae in sole serescunt.*
(Lucr. De rerum naturae I. 305-306).

Наконец, одежды, вывешенные на морском берегу, разбивающем волны,

Сыреют, и они же, распростерты на солнце, сохнут (перевод наш).

Еще в античности слово считалось производным от *serēnus*. У Нонния Марцелла про данное слово сказано следующее: «*serescit positum pro siccatur,*

quod serenitas sicca sit»¹² (Non. 175, 4) [Maltby 1991: 562]. Впрочем, сами слова *serēnus* и *serēnitās* сопоставлялось античными грамматиками с глаголом *serō*, *sēuī* ‘сеять’, причем они полагали, что именно прилагательное *serēnus* является источником последнего, а не наоборот. У Исидора Севильского эта этимология мотивируется следующим образом: «*serere ... uocatum, quia hoc sereno caelo faciendum est, non per imbres*»¹³ (Isid. Orig. 17, 2, 6) [Maltby 1991: 562]. Данное сопоставление, безусловно, невозможно рассматривать всерьез в рамках современной науки, что не мешает, впрочем, связывать *serēscō* и *serēnus*.

Такая реконструкция первоначального значения прилагательного *serēnus* и его производного *serēscō* является весомым доводом в пользу родства с греч. ξηρός ‘сухой’, однако, как было указано, по формальным соображениям данное соответствие невозможно. В то же время семантика ξηρόν ‘суша, берег’ очевидным образом расходится с семантикой латинского прилагательного. Таким образом, А. Эрну и А. Мейе справедливо замечают, что «вся группа (сравниваемых форм) неясна и недостаточно определена, как по значению, так и по форме» [DELL 2001: 617].

Все приведенные соображения доказывают, что сопоставление *serēnus* ~ ξηρόν лишено надежной почвы и не может быть принято.

Др.-в.-нем. *serawēn* ‘исчезать, уменьшаться, слабеть’ в литературе, посвященной индоевропеистике, иногда переводится просто ‘become dry’, ‘сохнуть’. Например, именно такой перевод предлагается в книге П. Схрейвера «Рефлексы праиндоевропейских ларингалов в латинском» [Schrijver 1991: 338] и в недавней монографии Н. Зэра «Рефлексы праиндоевропейских ларингалов в кельтском» [Zair 2012: 144]. В словаре Ю.

¹² «(Слово) *serescit* ‘сушится, сохнет’ употребляется в значении *siccatur* ‘сохнет’, потому что *serenitas* ‘ясная погода, ясность’ является сухой».

¹³ «*serere* ‘сеять’ говорится так, потому что данное действие (сев) следует производить при ясном небе, а не во время дождя».

Покорного предлагается перевод ‘trocken werden, tabescere, languere, marcere’. Однако в словарях древневерхненемецкого языка значения ‘сохнуть’ и ‘сушить’ не засвидетельствовано. Г. Кёблер переводит *serawēn* как ‘schwinden, sich verzehren, dahinschwinden, kraftlos werden, mutlos werden, schlaff werden’ (‘убывать, чахнуть, исчезать, слабеть, впадать в уныние, становиться вялым’) [Köbler 1993: 153]. Другие лексикографические источники также указывают подобные значения, например, в «Хронологическом словаре немецкого лексикона 9 века» указываются значения ‘kraftlos warden; verwelken, schlaff werden’ (‘слабеть; вянуть, становиться вялым’) [ChWdW9 2008: 720]. Соответственно, если значение ‘сохнуть’ и может быть приписано этому глаголу, оно определено не является изначальным. Скорее всего, речь идет о реконструкции Ю. Покорным изначальной семантики данного глагола в свете индоевропейских параллелей и ср.-в.-нем. *serben* ‘вянуть’, являющимся продолжением др.-в.-нем. *serawēn*. Такое решение представляется не самым удачным в свете того, что латинские лексемы, как показано выше, не могут являться надежными когнатами, а для соотнесения с этим корнем древневерхненемецкого слова нужно исходить из гипотетического перехода *ks- > герм. s- и объяснить расширение -ц-. Данные соображения позволяют нам весьма решительно отделять древневерхненемецкое слово от греч. ξερόν ‘суша’ и, тем более, от прилагательного ξηρός ‘сухой’.

Арм. չոր ‘сухой’ давно сравнивается с греч. ξηρός ‘сухой’, ср. [Bartholomae 1891: 23; Hübschmann 1897: 485]. Несмотря на совпадение значений, с формальной точки зрения данную этимологию сложно назвать надежной. Основными защитниками этой этимологии являются исследователи, которые реконструируют корень *kser-, привлекая для сравнения лат. *serēnus* и др.-в.-нем. *serawēn* [Zair 2012: 144], однако в свете изложенных выше соображений ясно, что латинская и древневерхненемецкая лексемы не относятся к греч. ξηρός и ξερόν. Тем более, не существует

никаких существенных соображений, доказывающих, что более редкое слово ξερόν исходно по отношению к ξηρός. С другой стороны, есть армянское слово č'ir 'сушеный фрукт', засвидетельствованное впервые в средневековом глоссарии, и оно могло бы восходить к *ksēro- и быть ближе к ξηρός [Martirosyan 2010: 546].

Но основная проблема сопоставления этих армянских и греческих слов – спорный статус перехода *ks > арм. č', заставляющая некоторых ученых отвергать сопоставление арм. č'or с греч. ξηρός и ξερόν по фонетическим соображениям [Olsen 1999: 965]. Г. Мартиросян, напротив, считает переход *ks- > č' - закономерным армянским развитием по правилу ruki, однако он располагает, по существу, единственным примером такого рода [Martirosyan 2010: 710]. Можно сделать вывод, что сравнение арм. č'or 'сухой' с греч. ξηρός возможно, хотя и не может быть строго доказано.

Тох. А ksär 'утром' не может служить когнатом греческим и индоиранским лексемам ввиду значительного семантического сдвига и наличия более правдоподобного этимологического объяснения. На наш взгляд, Й. Хильмарссон справедливо сравнивает тох. А ksär 'утром' с тох. В ksartse 'на рассвете, ранним утром' и далее – с герм. *gestra(z) 'завтра' и другими индоевропейскими когнатами, возводящимися данное к праформе *ǵ^hd^hiestro- [Hilmarsson 1991: 121-130]. Д. Адамс в этимологическом словаре тохарского В предпочитает возводить тохарские лексемы к праформе *ǵ^hd^his-г, что, разумеется, не влияет на суть данной этимологии [Adams 2013: 262-263].

Анализ всех предлагаемых когнатов показывает, что в большинстве своем приводимые соответствия неверны – это касается древнеиндийских, латинских, германских и тохарской форм. Соответственно, реконструкция праязыкового глагола *kseh₁- 'гореть' и произведенного от него прилагательного *kseh₁ro- 'горящий, горячий; сухой' невозможна. Надо отметить, что подобный вывод хорошо согласуется с тем фактом, что в

индоевропейском праязыке, по всей видимости, имелось три прилагательных со значением ‘сухой’, указанных в начале данной статьи.

Что касается возможной этимологии греч. ξηρός ‘сухой’, остается только в определенной степени сомнительное соответствие греч. ξηρός ‘сухой’ ~ арм. ջօր ‘то же’. Подобный анализ убеждает нас в том, что корень *Kser- ‘сухой’, который можно восстановить в лучшем случае на основании греческих и армянских данных, является поздней диалектной изоглоссой и не может быть с уверенностью экстраполирован на праиндоевропейский уровень.

Данный вывод позволяет подвергнуть сомнению тождество греч. ξ- ~ лат. s- ~ герм. *s- и усомниться в возможности реконструкции праязыкового начального кластера *Ks-.

1. 3. 2. *k̂sed- ‘разрезать, нарезать’

*k̂sed- ‘разрезать, нарезать’ – др.-инд. kṣad- ‘разрезать (пищу); подавать на стол, раскладывать блюда’, kṣádman- ‘(сервировочный) нож’; авест. šanman- ‘клинок, острие’ [EWaia I 1992: 442].

Фонетическое соответствие др.-инд. kṣ- ~ авест. š- служит основанием для реконструкции и.-е. *k̂s- или t̂k̂¹⁴ [там же]. Наиболее вероятной этимологией, по-видимому, следует считать возведение индоиранского корня к и.-е. *k̂s-ed- < *k̂es- ‘резать, рубить’ (др.-инд. śásati ‘режет, рубит’) [там же], не тождественному с корнем *kes- ‘резать, чесать’ с велярным гуттуральным. Соответственно, начальный кластер *k̂s- в данном случае с большой вероятностью представляет собой нулевую ступень корня.

Поскольку за пределами индоиранской группы языков корень *k̂sed- надежно не засвидетельствован, невозможно с уверенностью возвести его к праязыковому состоянию.

¹⁴ Рефлексы кластеров структуры *TK- и подобных подробно разбираются в 4-й главе.

1. 3. 3. **ksud^h* - < **gs-ud^h* - ‘голод’

**ksud^h* - < **gs-ud^h* - ‘голод’ – др.-инд. *kṣudh-* ‘голод’, *kṣodhuka-* ‘голодный’, *kṣudhyati* ‘голодает’, авест. *šud-* ‘голод’ [Seebold 1982-1983: 36; EWAia I 1992: 434-435].

В своей статье, посвященной отражению праязыковых лабиовелярных в хеттском анлауте Э. Зебольд, в частности, разбирает хетт. *kast-* ‘голод’ как один из когнатов хеттского глагола *kist-* ‘по(гаснуть)’, в свою очередь традиционно относимому к и.-е. **g^hes-* ‘гасить’¹⁵. Наряду с бесспорно родственными тох. А и тох. В *kest* ‘голод’ исследователь приводит в качестве когнатов др.-инд. *jásuri-* ‘голодный (о волке или орле)’ и др.-инд. *kṣudh-* ‘голод’, авест. *šud-* ‘голод’, при этом последние при такой трактовке должны восходить к **gs-ud^h* - [Seebold 1982-1983: 36].

Такая этимология в принципе возможна, особенно если учитывать наличие индоиранского суффикса *-udh-* [там же], хотя и не может считаться несомненной. Этимологическая связь хеттских, тохарских и индоиранских слов с и.-е. **g^hes-* ‘гасить’ спорна (очевидно, что в данном случае необходимо уточнение характера начального гуттурального), но для анализа др.-инд. *kṣudh-* и авест. *šud-* ‘голод’ не является существенной.

Как бы то ни было, если предложенная Э. Зебольдом этимология индоиранских лексем со значением ‘голод’ и является верной, фонетический переход и.-е. **ks-* > др.-инд. *kṣ-*, авест. *š-* и сам начальный кластер структуры **Ks-* ограничивается исключительно индоиранскими данными.

1. 3. 4. **ksulom* ‘древесина; столб’

**ksulom* ‘древесина; столб’ – греч. *ξύλον* ‘обработанная древесина; строевой лес, балки; дубина; деревянная колода’, *ξύλινος* ‘деревянный’; гот.

¹⁵ Данный корень будет разобран в 3-й главе (в особенности греч. *σβέννυμι* ‘гасить’).

saúls ‘столб, колонна’ (< герм. *(h)sula-), др.-исл. sūl(a), др.-англ. sýl, др.-в.-нем. sūl ‘столб, колонна’ (< герм. *sūlo-); др.-прусс. sulis ‘палка, шест’, лит. šūlas ‘деревянный столб, шест’, лит. диал. šūlinis ‘колодец’ (< ‘сделанный из деревянных бревен’); рус. шúло ‘столб ограды’ (< *k̂seulo-) [МА 1997: 441].

Данное сопоставление, как и предыдущее, заслуживает особенного внимания: греческая, германские и балто-славянские лексемы действительно производят впечатление родственных как по форме, так и по значению. И все же его нельзя назвать абсолютно достоверным. Как справедливо замечает Р. Бекес, «отношение между славянскими, балтийскими и германскими словами стало предметом пространных обсуждений, но едва ли было достаточно объяснено» [Beekes 2010: 1038]. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые аспекты отношений между предполагаемыми европейскими когнатами.

Славянские формы с большой вероятностью представляют собой балтийские заимствования, поскольку при праформе *k̂sulom и.-е. *k̂s- должно было бы дать в славянском х- или s-, а *и перешло бы в ъ. Предположение же о том, что славянские слова опираются на праформу *k̂seulo- [МА 1997: 441], помогает решить проблему фонетического развития, но выглядит сомнительно.

Соответствие типа прус. s ~ лит. š может говорить и о балтийской праформе *k̂uli-/ *k̂ulo-, которая в определенной степени напоминает др.-инд. śūlā ‘копье, дротик’ (и родственные ему арм. slak ‘копье, пика, кинжал’ и др.-рус. соулица ‘метательное копье, дротик’). Любопытно, что в таком авторитетном источнике, как «Балто-славянский словарь» Р. Траутмана [Trautmann 1923], балто-славянская параллель вообще не приводится.

Германские и балтийские лексемы весьма точно совпадают по значению и морфологии. В связи с этим можно даже ставить вопрос о заимствовании из балтийских не только в славянские, но и в германские языки.

Таким образом, не лишено смысла предположение о том, что балты (и, возможно, параллельно с ними германцы) заимствовали данное слово из языка доиндоевропейского населения Европы, а славяне (и, возможно, германцы) заимствовали его, в свою очередь, у балтов. Это особенно вероятно по той причине, что существуют и другие названия столба, бревна или балки, а также других деревянных изделий, встречающиеся исключительно в германо-балто-славянском ареале или в более широкой европейской диалектной зоне, включающей также италийские и кельтские языки. Можно привести такие примеры:

**stulba-* / **stulpa-* ‘столб’ – др.-исл. *stolpi* ‘колонна, столб’, лит. *stuļpas* (наряду со *stuļbas*) ‘столб’, др.-рус. *стълбъ* ‘столб’ [Trautmann 1923: 290-291] – германо-балто-славянская изоглосса;

masdos* (mazdos*) ‘столб, мачта’ – лат. *mālus* ‘мачта’ (< **mādos* < **mazdos*); др.-ирл. *matan* ‘дубина’, ср.-ирл. *maide* ‘столб’ (< **maite* < **mazdios*); др.-англ. *mæst* ‘мачта’, др.-в.-нем. *mast* ‘столб’, лит. *māstas* ‘мачта, столб’, рус. мостовая [МА 1997: 441] – древнеевропейская изоглосса;

**perg-* ‘столб; крыльцо’ – лат. *pergula* ‘крыльцо’; др.-исл. *forgr* ‘столб, шест’; лит. *rérgas* ‘челн’ (выдолбленный из ствола дерева), ст.-слав. *прагъ* ‘порог’¹⁶ [МА 1997: 441-442] – латино-германо-балто-славянская изоглосса;

**b^hgū-* / **b^hgē-* ‘бревно; мост’ – галл. *brīva* ‘мост’; прагерм. **bruwjō(n)* ‘мост’ (др.-англ. *bruc3*, совр. англ. *bridge* ‘мост’), также др.-исл. *brú* (< **brōwō*); праслав. **brъvьno* ‘бревно’, **brъvь* / **brъva* ‘бревно, мостик’ (др.-

¹⁶ Альтернативную семантическую реконструкцию индоевропейских производных корня **perg-* предложил В. Л. Цымбурский. Он добавляет к перечисленным формам греч. *πύργος* (< **porgo-*; **o* > *u* по закону Каугилла) и выказывает предположение, что «эти образования передают надстроечность и пристроечность обозначаемых объектов, их вознесенность над основным сооружением или комплексом сооружений либо выдвинутость его вовне, но, возможно, также отражают и древнюю, защитную, «бойничную» функцию таких надстроек и пристроек» [Цымбурский 2002: 200-201].

рус. брѣвь, брѣвь ‘бревно’, сербохорв. брв ‘мостик, перекладина’, болг. диал. бръв ‘дерево, положенное поперек реки, мостик’; польск. bierzwa ‘бревно’, укр. бѣрва ‘мостик, перекладина’) [IEW 1959: 173; Orel 2003: 58; ЭССЯ-3 1976: 172] – кельто-германо-славянская изоглосса;

*strēlā ‘стрела’: др.-в.-нем. strāla ‘стрела, копье’ (< прагерм. strēlō), праслав. *strělā ‘стрела’ [Trautmann 1923: 289] – германо-славянская изоглосса.

Также нельзя исключить возможности, что германские и славянские слова не связаны между собой, ведь в индоевропейских языках лексемы для наименования столбов и балок крайне многочисленны. В «Энциклопедии индоевропейского языка и культуры» приводится 19 праформ в статье «Post» (‘столб, свая’) [МА 1997: 441-442], при этом даже такой список нельзя считать абсолютно исчерпывающим ввиду того, что в нем, в частности, не отмечена приводимая выше германо-балто-славянская изоглосса *stulba- / *stulpa-.

Греческое слово ξύλον ‘полено, дрова’, напротив, в значительной степени отличается по семантике. Возможно, оно, хотя и не является прямым дериватом глагола ξύω ‘скоблить, полировать’, но испытало вторичное воздействие с его стороны [DELG 1968-1980: 767] и называет разные виды обработанной древесины, в то время как европейские лексемы имеют конкретное значение, не сопоставимое напрямую с греческим.

Приведенные соображения свидетельствуют в пользу отделения греч. ξύλον от форм европейских языков. В таком случае для европейских языков начальное сочетание *k̂s- или *ks- не восстанавливается.

1. 3. 5. Производные от корня *kes- ‘резать, чесать’ с нулевой ступенью: *kses- ‘тесать’, *ksen- ‘чесать шерсть’, *kseu- ‘скоблить, точить’, *ksuróm ‘бритва’

*kses- ‘тесать’: др.-греч. ξέω ‘тесать, обтесывать’ [Boisacq 1916: 678; GEW 1960-1970: 335-336; DELG 1968-1980: 765; Beekes 2010: 1035].

В отнесении греч. ξέω к и.-е. *kes- ‘резать, чесать’ (ст.-слав. чесати ‘чесать’) все исследователи единодушны. В основном греческое слово трактуется как происходящее от основы *ks-es-; Э. Швицеру принадлежит менее вероятное альтернативное объяснение ξέω < *kes-ō- с дальнейшим переходом в s-основу *k(e)s-es- [Schwyzer 1939: 269, 329]. Близких формальных параллелей за пределами греческого языка нет.

*ksen- ‘чесать шерсть’: др.-инд. kṣan- ‘чесать шерсть’, греч. ξαίνω (< *ksñi-) ‘чесать шерсть; прясть, ткать’ [EWAia I 1992: 423].

Греческое слово ξαίνω традиционно увязывается с ξύω ‘скоблить, полировать’ и ξέω ‘тесать, обтесывать’ [Boisacq 1916: 677; GEW 1960-1970: 332-333; DELG 1968-1980: 763; Beekes 2010: 1033]. Тем не менее, образование данной формы представляется спорным. Теоретически ξαίνω может восходить к *ksñi-: именно так трактуется это слово Э. Буасаком [Boisacq 1916: 677] и, например, Ф. Кейпером [Kuiper 1937: 85]. В то же время в остальных вышеперечисленных этимологических словарях скорее отдается предпочтение версии, согласно которой ξαίνω содержит формант -áivω подобно терминологически близкому греч. ύφáivω ‘ткать’ (где ύφ- является нулевой ступенью и.-е. *цeb^h- ‘ткать, прясть’).

Др.-инд. kṣan- в значении ‘чесать шерсть’ употребляется только с предлогом vi- и должно быть отделено по соображениям семантики от др.-инд. kṣanoti ‘вредит, губит’, греч. κτείνω ‘убивать’ (< *tken- ‘бить, вредить’) и может являться наиболее близким именно греч. ξαίνω (< если из *ksñ-i-) [Hoffmann 1992: 816; EWAia I 1992: 423].

За пределами индоиранской и греческой групп редкая производная основа *ks-en- не встречается.

*kseu- ‘скоблить, точить’, *ksuróm ‘бритва’ – греч. ξύω ‘скоблить, полировать’, в древнеиндийском корень зарегистрирован с инфиксом kṣṇáuti ‘заостряет, точит’, см. главу про начальное сочетание *ksn-; др.-инд. kṣurá ‘бритва’, греч. ξυρόν ‘бритва’ [МА 1997: 510, 478; IEW 1959: 585-586]

По всей видимости, рассматриваемый глагольный корень является производным от и.-е. *kes- ‘чесать’. Впрочем, соответствие др.-инд. kṣ- ~ греч. ξ- однозначно подразумевает реконструкцию начального кластера *ks-, а он может образоваться только как нулевая ступень какого-либо корня. Как показывает анализ, который будет приведен ниже в главе про триконсонантные начальные кластеры структуры *PsC-, в том числе *ksn-, др.-инд. kṣṇáuti не имеет никаких других надежных когнатов за исключением греч. ξύω и других родственных греческих форм.

Название бритвы *ksuróm также представляет собой очевидную греко-индоиранскую параллель. Единственное затруднение касается семантики: для греко-индоиранской изоглоссы сложно обосновать точное значение ‘бритва’. Согласно археологическим свидетельствам, первые бритвы появляются в Египте и Месопотамии между 3000 и 2500 гг. до н. э., а в центральной Европе распространяются только после 2000 г. до н. э., а предки греков и индоиранцев явно были связаны еще до 2500 г. до н. э. [МА 1997: 478]. Соответственно, для греко-индоиранского *ksuróm вероятна реконструкция первоначального значения ‘нож’, каковую и предлагают Д. Адамс и Дж. Мэллори в статье «Бритва» из «Энциклопедии индоевропейской культуры» [там же].

Таким образом, корень kseu- ‘скоблить, точить’ является, одним из наиболее надежных свидетельств возможности соответствия др.-инд. kṣ- ~ греч. ξ- и его предположительно инновативной природы. Кроме того, он имеет хорошую внешнюю этимологию, что также следует признать важным

обстоятельством. Корень *kes- хорошо представлен в индоевропейских языках, включая хеттский (ср. хетт. kis- ‘резать’), но нулевая ступень от него образована только в греческом и древнеиндийском. Подобное совпадение вряд ли можно считать совершенно случайным.

1. 3. 6. *ksiHrom ‘молоко, сыворотка’

*ksiHrom ‘молоко, сыворотка’ – др.-инд. kṣīrám ‘молоко’; ср.-перс. šīr, йидга xšīra, мундж. xšīr, осет. æхсыг ‘молоко’; алб. hīrrë ‘сыворотка’ [МА 1997: 382; ГИ 1984: 122-123; 550; Demiraj-Dayan 1997: 202-203; Orel 1998: 149].

В данном случае имеется индоиранско-албанская изоглосса, в определенной степени напоминающая диалектное *sueid- ‘молоко’, о котором пойдет речь ниже. Этимология албанского слова не является единственной¹⁷: лексему hīrrë ‘сыворотка’ сопоставляли с целым рядом других индоевропейских предполагаемых когнатов. Все основные предположения перечислены в работе [Orel 1998: 149]. Особенно привлекательными кажутся альтернативы, предложенные Э. Лиденом, который предлагает сравнивать hīrrë с совр. исл. skyr, совр. норв. skyr skjør, швед. диал. skyr, дат. skør ‘свернувшееся молоко, простокваша’ [Lidén 1933: 9], а также Э. Хэмпом, сравнивавшим рассматриваемое слово с албанским же urdhë и реконструировавшим праформу *s̆kerHina- [Orel 1998: 149]. Как одинаково вероятную альтернативу рассматривают этимологию Лидена Демирай и Дайан [Demiraj-Dayan 1997: 203]. Также необходимо упомянуть мнение А. Лубоцкого, который склонен считать и.-ир. kṣīra- ‘молоко’ заимствованием [Lubotsky 2001: 311] и, следовательно, сомневается в правомерности сопоставления др.-инд. kṣīrám ‘молоко’ и алб. hīrrë ‘сыворотка’.

¹⁷ Сама она принадлежит Х. Педерсену [Pedersen 1895: 45; Pedersen 1900: 277].

Даже если и принимать сравнение с др.-инд. *kṣīrām* и иранскими формами, невозможно утверждать, что в праиндоевропейском в этом слове наличествовал начальный кластер **ks-*. Дело в том, что начальный *h-* в албанском является одним из закономерных рефлексов и.-е. **sK-*, причем некоторые исследователи предполагают, что путем метатезы [Orel 2000: 97-98]. Соответственно, не исключено, что в индоиранских языках и в албанском произошла параллельная независимая метатеза первоначального индоевропейского сочетания **sk-*¹⁸. Особенно вероятно такое решение в том случае, если и.-е. **ksiHrom* относится к корню **skej-(d-)*, представленному лит. *skiedžiū, skiesti* ‘разбавлять, разжижать’ [MA 1997: 382; IEW 1959: 921].

Приведенный анализ показывает, что реконструкция начального **ks-* на праиндоевропейском уровне сомнительна. Метатеза **sk- > *ks-* в данном слове могла произойти как одновременно в индоиранских и праалбанском, так и только в индоиранских.

1. 3. 7. **ksǣu-* (**skǣu-*) ‘чихать’

ksǣu-* (skǣu-*) ‘чихать’ – др.-инд. *kṣāuti* ‘чихает’, *kṣuta-* ‘чихание’; старолит. *skiaudžu, skiaudėti* ‘чихать’, лтш. *škauju, škaut* ‘чихать’; слав. **къхнѣти* и **сьхати >* ц.-слав. *къхнѣти* ‘чихнуть’, рус. *чихать* [MA 1997: 133; IEW 953; Trautmann 1923: 266].

Если даже данное сопоставление правильно, оно не позволяет с уверенностью реконструировать начальный кластер: метатеза могла произойти как в балтийских языках, так и в древнеиндийском. Вторая версия кажется более вероятной, потому что в балтийских языках скорее стоило бы ожидать простого упрощения начальной группы согласных.

В отношении славянских **къхнѣти* и **сьхати*, **сьхнѣти* невозможно сказать определенно, относятся ли они к древнеиндийским и балтийским

¹⁸ Проблема метатезы вида **sK- > *Ks-* в праалбанском и праславянском будет отдельно рассмотрена в конце главы.

формам; в этом сомневается Ю. Покорный, говоря, что славянские формы «намного сильнее отклоняются» от остальных [IEW 1959: 953]. Не включает их в сопоставление Р. Траутманн [Trautmann 1923: 266], а в «Этимологическом словаре славянских языков» слову приписывается звукоподражательный характер [ЭССЯ-13 1987: 176]. Однако, если предполагать *s-mobile* и расширение корня, можно полагать, что исходной формой была бы **(s)kus-нец-*, и в таком случае славянский анлаут соотносится в первую очередь с балтийским, а не с индоиранским.

Кроме того, нельзя не согласиться с мнением Д. Адамса, что в данном случае речь может идти о независимых ономатопоэтических образованиях [МА 1997: 133], и в таком случае древнеиндийский глагол также оказывается единственной формой с начальным **ks-*.

Вывод из рассмотрения всех вышеприведенных форм следующий: древнеиндийское *kṣāuti* ‘чихает’ представляет еще один пример самостоятельного появления начального сочетания **ks-* в индоиранской группе языков.

1. 3. 8. **kseub^h-* ‘колебать(ся)’

**kseub^h-* ‘колебать(ся)’ – др.-инд. *kṣúbhyati*, *kṣóbhate* ‘колеблется, дрожит, трясется’, *kṣobhayati* ‘приводит в движение’, авест. *xšaob-* ‘прийти в движение, прийти в возбужденное состояние’, перс. *āšuftan* ‘приводить в движение’; слав. **хубати* ‘колебаться’, чеш. *chubati* ‘сомневаться’, *chyba* ‘ошибка, проступок’, польск. *chybać* ‘мчаться; колыхать’, сербохорв. *хиба* ‘сомнение, ошибка’, укр. *хиба́ти* ‘колебать, шатать’ [МА 1997: 509; IEW 1959: 625; ЭССЯ-8 1981: 153-155].

Данная этимология надежна, потому что вышеприведенные индоиранские и славянские когнаты сходны по форме и значению. Авторы соответствующей статьи (**хубати*) в «Этимологическом словаре славянских

языков» приводят другие возможные когнаты: лит. *skubùs* ‘поспешный’¹⁹, гот. *af-skiuban* ‘отвергать’, др.-в.-нем. *scioban*, нов.-в.-нем. *schieben* ‘двигать’ [ЭССЯ-8 1981: 154]. На основании этого сравнения предлагается возводить *хубати к *skub(a)ti. Кроме того, глаголу *хубати родственны формы *šibati, *šibiti ‘бить, ударять’ < *χiub- < *skiub- [там же]. Данная этимология также впервые предложена А. Брюкнером, но он приводит только семантически близкие производные корня *šib-, а именно рус. ошибка, ошибиться и польск. *szybki* ‘быстрый’ [Brükner 1923: 233-234].

На наш взгляд, в отношении семантики между *šibati, *šibiti и такими образованиями, как рус. ошибка, нет непреодолимой дистанции. По всей видимости, для объяснения специфического значения *šibati, *šibiti можно исходить из семантического развития ‘колебаться, двигаться’ > ‘колебать, двигать’ > ‘ударять’.

Итак, праслав. *хубати соотносится, с одной стороны, с индоиранскими формами, в которых присутствует начальный кластер *ks-; с другой стороны, славянские и индоиранские формы имеют этимологические параллели с начальным кластером sk- в балтийских и германских языках. В таком случае вполне вероятно предполагать, что в индоиранских языках и славянских независимо друг от друга произошла метатеза, в то время как литовское слово *skubùs* и германские глаголы сохраняют первоначальный распространенный индоевропейский анлаут *sk-.

Можно сделать вывод, что в данном корне следует реконструировать начальный кластер *sk-, а не *ks-.

1. 3. 9. *kseud- ‘дробить; маленький’

*kseud- ‘дробить; маленький’ – др.-инд. *kṣódati* ‘толочь, дробить’, *kṣudrá-* ‘маленький; бедный, нищий’, авест. *xšudra-*, *xšudra-* ‘жидкий; жидкость; семенная жидкость, мужское семя’ и *xšusta-* ‘жидкий, размокший;

¹⁹ Сравнение принадлежит А. Брюкнеру [Brükner 1923: 233].

плавленный (о металле)»; ст.-слав. хоудь ‘мелкий, ничтожный, скудный’, рус. худой, чеш. chudý ‘бедный, неимущий’, ‘худой, тощий’, ‘плохой, скверный’, чеш., словацк. chud(e)rlavý, польск. chuderlawy ‘худощавый’, укр. худорба ‘худоба’ и остальные многочисленные родственные лексемы в других славянских языках с подобной семантикой [Derksen 2008: 205; ЭССЯ-8 1981: 112-113].

Согласно «Этимологическому словарю славянских языков», приведенную традиционную этимологию первым выдвинул А. А. Потебня [Потебня 1891], а несколькими годами позже ее независимо предложил Х. Педерсен в своей знаменитой статье «Индоевропейский s в славянском» [Pedersen 1895: 60], см. [ЭССЯ-8 1981: 112-113].

Ряд ранних этимологий был неудачен. Сравнение праслав. *хидь с арм. хип ‘маленький’, гот. haups ‘низкий’, предложенное А. Мейе, должно быть признано неудачным, поскольку предполагает реконструкцию и.-е. *kh [ЭССЯ-8 1981: 113]. Сближение же праслав. хидь с уже рассматривавшимся выше древнеиндийским корнем kṣudh- ‘быть голодным’²⁰ (др.-инд. kṣodhuka- ‘голодный’, kṣudhyati ‘голодает’), принадлежащее В. Махеку [там же], не может быть признано удовлетворительным ввиду того, что иранское соответствие, мл.-авест. šuda- ‘голод’, указывает на реконструкцию палатального гуттурального [EWAia I 1992: 434-435]. Кроме того, древнеиндийский корень скорее связан с хетт. kāšt- / kišt- ‘голод’, тох. А kašt, тох. В kest ‘голод’, вед. jásurī- ‘голодный (о волке или орле)’ и может реконструироваться в виде *ḡs-ud^h- [Seebold 1982-1983: 36].

Если приведенная этимология верна, праславянская форма должна продолжать прототип *ksoud-. Подобное чередование не мотивировано, но теоретически возможно. Оно могло бы также доказываться вероятными когнатами в литовском – skaudùs ‘болезненный, больной’, skurdùs ‘скудный,

²⁰ См. 1.3.3.

бедный, убогий' [ЭССЯ-8 1981: 112-113]. Тем не менее, несмотря на формальное совпадение др.-инд. *kṣud-r-a-* ~ слав. **xud-r-*²¹ ~ лит. *sku-r-dùs*, балтийские лексемы предпочтительнее отделять от рассматриваемых индоиранских и славянских когнатов. Дело в том, что прилагательное *skaudùs* образовано от глагола *skaudėti* 'болеть', который сравнивается Э. Френкелем с литовским же *skùsti* (*skundù, skundaũ*) 'уствовать, заболеть' и [Fraenkel II 1965: 798], а акцентуация литовских форм предполагает реконструкцию **skeud^h-*, что исключает как связь с греч. *σκυδαίνω, σκυζομαι* 'сердиться' и *σκυθρός* 'сердитый, мрачный, угрюмый' [Beekes 2010: 1360], так и родство с др.-инд. *kṣódati* 'толочь, дробить' и праслав. **xudъ*. Лит. *skurdùs* 'скудный, бедный, убогий' также является производным от глагола *skuĩsti* 'нуждаться', который связывается с лит. *skeĩsti* < и.-е. **skerd^h-* с полной ступенью чередования [Fraenkel II 1965: 803, 823; Smoczyński 2007: 569].

Итак, все предполагаемые балтийские когнаты скорее являются вторичными производными от глагольных корней и не имеют по-настоящему древних внешних связей.

Необходимо коснуться и проблемы акцентуации славянских форм. Рассматриваемая нами праформа однозначно реконструируется с циркумфлексом и акцентной парадигмой *с*. В этом отношении она напоминает праформу слов, содержавших и.-е. **d^h*: ср. **rûdъ* (а. п. *с*)

²¹ В польск. *chuderlawy* 'худошавый', чешск. *chudrlavý* 'то же', укр. *худерлявий, худорлявий* 'худошавый', *худорба* 'худоба'. Особая близость подобных форм с др.-инд. *kṣud-r-a-* впервые отмечена еще А. А. Потебней [Потебня 1891: 121]; также исследователь полагает, что прилагательное **suxъ* 'сухой' имело *о*-основу и *г*-основу в праславянском на основании польск. *sucherlawy* 'сухошавый', укр. *сухорлявий* 'то же' [там же]. Нам представляется, что речь идет в лучшем случае об аналогическом влиянии польск. *chuderlawy* и родственных форм. Более того, возможно, что **-r-* не было в праформе, а приведенные образования являются собственно польскими, чешскими и украинскими (в украинском они могут быть заимствованы из западнославянских языков).

‘красный, рыжий’ < *(h₁)roudh-. В то же время по закону Винтера в подобных случаях закономерен акут. Данная метатония, однако, может объясняться действием правила Мейе [Derksen 2008: 206], соответственно, акцентные характеристики данного слова не имеют решающего значения для реконструкции праформы.

Более проблемной представляется семантическая реконструкция.

В славянских языках засвидетельствовано четыре основных значения для слов, продолжающих праслав. *xudъ:

- 1) плохой²², злой, дурной (древнерусский, полабский, современные южнославянские и восточнославянские языки);
- 2) худой, тощий, слабый (о теле) (западославянские языки);
- 3) маленький (старославянский язык);
- 4) бедный, нищий, представитель социальных низов (старославянский, древнерусский, полабский, западославянские языки)²³.

Тот факт, что в старославянских памятниках в основном представлены последние два значения [ССЯ IV 2006: 803-804], может служить весомым аргументом в пользу родства славянских и индоиранских форм. Тем не менее, дистрибуция значений в современных славянских языках явно указывает на первоначальную семантику ‘слабый, худой; плохой, злой’. Также подобная реконструкция значения для праславянского слова подтверждается тем фактом, что уже в старославянском сравнительная степень хоуждии употребляется только в значении ‘худший’. Известно такое употребление и в других славянских языках, в том числе в русском. Сравнительная степень с подобной семантикой свидетельствует в пользу исконности значений ‘слабый, худой; плохой, злой’. Употребление же слова хоудъ в старославянских памятниках в значениях ‘маленький’ и ‘бедный’

²² От этого значения развиваются побочные: др.-рус. худыи ‘некрасивый’, совр. рус. худой ‘дырявый’.

²³ При распределении значений мы опирались на данные 8 выпуска ЭССЯ.

может объясняться особенностями перевода с греческого. Особенно вероятно подобное соображение в свете того, что славянское слово обычно используется для перевода таких греческих лексем, как сравнительная степень ἑλάσσων ‘меньший’, которая, вообще говоря, может иметь и значение ‘худший’ [LSJ 1996: 528]. В этой связи необходимо отметить, что древнерусский язык, напротив, знает в основном 1 и 4-е значения, а 3-е, свойственное старославянскому узусу, встречается исключительно в книжных памятниках, язык которых подвержен старославянскому влиянию [Срезневский III 1912: 1417-1419].

Теперь при помощи иранских данных следует уточнить семантику древнеиндийских слов, с которыми обычно связывают праслав. *хидѣ. Стоит отметить, что иранские слова, принадлежащие к семейству глагола kšódati ‘толочь, дробить’, имеют специфическую семантику, которая связана с водой/ жидкостью. Она отражена в иранских производных данного глагола, авест. xšudra-, xšudra- ‘жидкий; жидкость; семенная жидкость, мужское семя’ и xšusta- ‘жидкий, размокший; плавленный (о металле)’ [Bartholomae 1904: 555; EWAia I 1992: 439]. Эти данные позволяют говорить о семантическом развитии ‘дробить’ > ‘делать жидким’ и ‘дробить’ > ‘порция, капля’ > ‘маленький, крохотный’. В славянских же языках подобная мотивация не прослеживается. При этом как раз в славянском и ряде других индоевропейских языков можно найти примечательную семантическую параллель: рус. жидкий также означает ‘тонкий’ в словосочетаниях вроде «жидкая борода»; греч. μαρός ‘тонкий’ имеет армянскую параллель manr ‘маленький’; наконец, распространенное в индоевропейских языках слово со значением ‘тонкий, редкий’ (лат. rārus, лит. rėtas ‘редкий’, рус. редкий, др.-инд. vi-rāla- ‘разрозненный, скудный, редкий’²⁴) [Buck 1949: 890-891]. Что касается перехода ‘дробить’ > ‘маленький’ (и наоборот), то он обычен и

²⁴ Для древнеиндийского слова данная этимология ненадежна, см. [KEWA I 1956: 219], где слово признается «необъясненным».

встречается, например, в русском языке: дробить > дробь (или наоборот?), кроха > крошить.

Единственная точка соприкосновения в семантике праслав. *хидѣ и др.-инд. kṣudrá- – это круг значений, связанный с низким социальным и экономическим статусом, но это как раз может быть независимым развитием в славянских и древнеиндийском, поскольку семантические переходы ‘маленький’ > ‘бедный’ и ‘плохой, злой’ > ‘бедный’ одинаково тривиальны.

Соответственно, праслав. *хидѣ стоит переводить как ‘слабый, худой; плохой, злой’. Значение ‘маленький’ для ст.-слав. хоудѣ носит исключительно книжный характер, не встречается в других славянских языках (кроме древнерусского, где оно появляется в результате старославянского влияния) и не должно восстанавливаться на праязыковой уровень. Скорее всего, это же касается и значения ‘бедный, нищий’, которое могло развиваться независимо в различных славянских идиомах. Более того, славянское прилагательное *хидѣ необходимо отделять от индоиранских форм ввиду семантики, ведь они имеют различные первоначальные значения. Таким образом, с семантической точки зрения этимология Поттебни-Педерсена представляется неправдоподобной.

С семантической точки зрения выглядит более удачной этимология праслав. *хидѣ, предложенная В. В. Ивановым. Он верно заметил, что «семантическая сторона этой традиционной этимологии сомнительна, как и фонетические соотношения, ей предполагаемые» [Иванов 2008: 545], что и заставило его искать альтернативные возможности для этимологизации праславянского прилагательного. Исследователь предположил, что хидѣ может быть заимствованием из скифского *fud (осет. fud / fud ‘плохой, злой, дурной’). Примечательно, что данное осетинское прилагательное имеет такое же основное значение, как праслав. *хидѣ, кроме того, «семантические обертоны русск. худой ‘тощий’ сопоставимы с аналогичным значением осет. fud-х_ауз ‘дурно выглядящий, истощенный’» и «русская пословица нет худа

без добра близка к осет. *fyd*, *horz aem ma sdzur* ‘ни плохого, ни хорошего ему не говорите’» [там же]. Также сравнительная степень *fyddær* ‘хуже’ чаще образуется от этого слова, нежели от иронского *ævzær* и дигорского *læğuz* ‘плохой’ [Абаев 1958: 489].

Тем не менее, семантическая близость и похожие словообразовательные модели не отменяют двух проблем фонетического порядка.

Во-первых, неочевидна фонетическая субституция скиф. **f* > праслав. **x*, предполагаемая В. В. Ивановым, поскольку в германских заимствованиях наблюдается субституция **f* > **p*. Существует два примера, при этом один из них абсолютно надежен: праслав. **postь* ‘пост (воздержание)’ < прагерм. **fast-* ‘то же’ [Pronk-Tiethoff 2013: 142-143] и праслав. **pergunja-* ‘неприступное убежище’ (?) < прагерм. **fergunjō* ‘горный хребет’ [там же: 158-159]. Что касается второго слова, существуют версии о его исконности в славянских языках [Иванов-Топоров 1974: 6-9], однако предположение о заимствовании из германских с присоединением праславянского суффикса **-unji* также выглядит возможным. В принципе, можно было бы полагать, что данные заимствования из германского относятся к другому временному срезу, а предполагаемая В. В. Ивановым субституция **f* > **x* происходила в праславянском раньше или позже. С другой стороны, положительные примеры, которые доказывали бы такую точку зрения, отсутствуют.

Праслав. **xalōga* ‘ограда, тын’ в конечном счете восходит к греч. *φάλαγξ* ‘фаланга, ряд воинов в строю’²⁵, но здесь, как показал А. Лома, речь идет о вероятном скифском посредстве: прямым источником праславянской лексемы автор считает скиф. **xalanga* [Лома 2000: 91]. Подкрепляется данное мнение тем соображением, что в скифском и родственных языках

²⁵ Необходимо указать на тот факт, что в греческом *φ* начинает произноситься как [f] в первые века новой эры [Allen 1968: 20-23].

происходит совпадение праиранских спирантов *f, *θ и *χ в *χ (или *h) [там же: 90-91].

Во-вторых, проблематичен вокализм корня. Можно было бы ожидать праслав. *u (*ou) только в том случае, если бы в иранской праформе был бы дифтонг, ср. праслав. *guna / *gun'a 'определенная одежда' < ир. *gaunūā 'цветная, крашенная (шерсть)' [ЭССЯ-7 1980: 176]. Но осет. fyd / fud возводится к ир. *rū-ta- 'гнилой' (от глагола *rū- 'гнить') [Абаев 1958: 490; Cheung 2002: 190], соответственно, при заимствовании из более раннего источника в славянском получили бы *у, более позднего – *ь (например, праслав. *хъмель < ~ осет. хумællæg / хумællæg 'хмель' < ир. *hauma-aryaka- 'арийский хом' [ЭССЯ-8: 143-145; Абаев 1989: 261]).

Итак, как ни привлекательна этимология В. В. Иванова семантически, она не может быть принята по фонетическим причинам.

Мы думаем, что верное решение нащупал А. С. Мельничук, сравнивая *хидь прежде всего с праславянским же *хуль 'хилый, слабый' [Мельничук 1968: 214-215]. Тем не менее, кажется, что уверенное возведение автором этих двух прилагательных к корню *kes- 'чесать, резать' [там же], как и к любому другому индоевропейскому корню (для слов с начальным *х- в праславянском есть не так уж и много надежных внешних соответствий), невозможно. Поэтому ниже мы постараемся сосредоточиться на славянском материале.

Слово *хуль, очевидно, связано с глаголами *хулити и хулити 'наклонять', однако не представляется возможным установить, какое из них служит производным, а какое – дериватом. Соответственно, вероятное первоначальное значение *хуль – 'косой, кривой', отсюда 'слабый, увечный'. Такое значение может развиваться и в значения праслав. *хидь 'слабый, худой; плохой, злой'. Объединить формально эти слова можно на славянской почве, предположив, что существовал глагольный корень *хи- / *ху- 'быть кривым' (?), от которого образовывались основы *хи-d- и *ху-l- (l-

причастие?), а также *хi-l-*. Последняя, вероятно, появилась позднее двух других. Похожие отношения объединяют, например, рус. будущий и рус. былой. Версия А. С. Мельничука о том, что эти слова восходят к индоевропейским основам с разными расширителями **ksou-d-* и **ksū-l-* [Мельничук 1968: 214], кажется менее привлекательной.

Дальнейшие связи внутри славянских языков и – шире – индоевропейских, представляются проблематичными.

Столь же изолированными являются в таком случае и индоиранские формы с начальным **ks-*.

Это значит, что для праязыка корень **kseud-* ‘дробить; маленький’ не реконструируется.

1. 3. 10. **ks-én-uo-* < **g^hs-én-uo-* ‘чужеземец; гость’

**ks-én-uo-* < **g^hs-én-uo-* ‘чужеземец; гость’ – греч. ξένφος (микен. *ke-se-pu-wo*) ‘чужеземец; гость; человек, связанный с кем-либо договором гостеприимства, друг’; в полной степени корень **g^hes-* / **g^hos-* представлен с вероятным суффиксом *-ti* в лат. *hostis* ‘чужеземец; неприятель’, *hospēs* < **hosti-pe/ot-s* ‘чужеземец; оказывающий гостеприимство, хозяин’, гот. *gasts* ‘гость’, ст.-слав. гость ‘то же’, гос-подь < **gostь-podь* ‘хозяин, господин’ [МА 1997: 249; NIL 2008: 173; Boisacq 1916: 677-678; GEW II 1970: 333-334; DELG 1968-1980: 764-765; Beekes 2010: 1034].

Данная этимология была предложена еще в 19 веке. Формальные особенности подробно рассматривал К. Бругманн: он пришел к выводу, что форма **g^hs-én-uo-* образована от исчезнувшего презенса **ξενφω* (ср. греч. *ἰκάνω* ‘приходить’ < **ἰκ-ανφω*), подобно тому, как др.-инд. *-inva-s* ‘заполняющий, распространяющийся’ образовано от *ínvati* ‘продвигаться, укреплять’ [Brugmann 1892: 172-174].

Э. Бенвенист в своей работе «Словарь индоевропейских социальных терминов» показал, что за латинским и греческим словами скрываются

аналогичные понятия, предполагающие наличие у праиндоевропейцев обычая обмена подарками, который в антропологии получил название «потлач» [Бенвенист 1995: 77-79]. Данное обстоятельство говорит в пользу рассматриваемой этимологии; впрочем, сам Э. Бенвенист не считает данные лексемы родственными [там же].

Составители этимологических словарей греческого языка обсуждают данное сопоставление на первом среди предлагавшихся этимологий [Boisacq 1916: 677-678; GEW II 1970: 334] или вообще упоминают только его [DELG 1968-1980: 764-765; Beekes 2010: 1034]. При этом Й. Фриск считает, что подобное сопоставление «возможно только путем механического и произвольного членения (слова ξένος)» [GEW II 1970: 334]; П. Шантрен, отмечая идентичность значений греч. ξένος и лат. hostis, установленную Э. Бенвенистом, тем не менее, говорит о «невозможности произвести отвечающее правилам сближение» [DELG 1968-1980: 765].

Можно констатировать, что данное сближение семантически безупречно, однако морфологическое членение слова, предполагаемое этим сопоставлением, выглядит неправдоподобно, особенно если учесть, что приходится оперировать такими формами, как незасвидетельствованный презенс *ξενϝω.

Таким образом, в обсуждаемой этимологии греч. ξένος нельзя быть уверенными. В то же время, если она даже и верна, фонетический переход *g^hs- > ξ- и сам начальный кластер структуры *Ks- ограничиваются только греческим языком.

1. 3. 11. *k^user- ‘ночь’

*k^user- ‘ночь’ – др.-инд. kṣar-, авест. xšar-, xšarā-, xšarar- / xšaran- ‘ночь’; греч. ψέφας ‘тьма’ [MA 1997: 394; IEW 1959: 649].

Данный вид корня напрямую засвидетельствован только в греческом и индоиранских языках, однако предполагается, что его нулевая ступень *k^usp-

нашла отражение в хетт. *isrant-* и, возможно, в праиндоевропейском обозначении ‘вечера’, если верна реконструкция **ǵe-k^hsp-er-*, предложенная Й. Шиндлером [Schindler 1969: 166-167], или реконструкция праиндоевропейской фразы **ǵeiks ksper* ‘время – ночь’, принадлежащая Э. Хэмпу [Hamp 1970: 482-483]. Хеттское слово и название вечера будут рассмотрены в главе про триконсонантные кластеры структуры **PsC-*.

В иранской группе языков лексемы *х̥сар-*, *х̥сарā-*, *х̥сарar-* / *х̥сарan-* служат основным названием ‘ночи’ в самый древний период, то есть в авестийском (встречается уже в Гатах с основой *х̥сарā-*: Y. 44, 5) и древнеперсидском (DB I, 20) языках. Единственное слово, производное от другой праиндоевропейской основы со значением ‘ночь’, **nek^ht-* / **nok^ht-*, встречающееся в авестийском – прилагательное *ura-nahtar-* ‘граничащий с ночью’ (V. 7, 79). Также иранская основа **nahta(r)-* оставила следы в ваханском языке, известном сохранением целого ряда архаичных черт, в виде лексемы *naṽd* ‘ночь’, ‘ночью’ и ряда ее производных, в том числе *naṽdín* ‘засветло, на рассвете’, *naṽduṽrk* ‘ночной полив’ (где *uṽrk* – ‘вода’) и *naṽdərwoṽr* ‘сутки’ (где *-rwoṽr* – ‘день’) [Стеблин-Каменский 1999: 242].

Напротив, в Ригведе слова *nák-* f. (RV 7, 71, 1), *nákti-* f. (RV 2, 2, 2) и *nákta-* n. g / f. du. ‘ночь’ (RV 1, 73, 7; RV 7, 2, 6; RV 10, 70, 6) < и.-е. **nek^ht-* / **nok^ht-* хорошо засвидетельствованы и достаточно употребительны, при этом параллельно с ними используется и слово *kṣar-*. Примечательно, что ведийские лексемы, образованные от основы **nek^ht-* / **nok^ht-*, употребляются исключительно по соседству со словом *uṣas-* ‘заря’, причем в таком сочетании рассматриваемые понятия всегда являются персонифицированными, а также составляют двандва *naktoṣas dual*. ‘Ночь и Ушас’ (например, RV 1, 13, 7; RV 9, 5, 6; всего употребляется 5 раз в Ригведе) и *uṣásā-nákta* ‘Ушас и Ночь’ (например, RV 1, 122, 2; 1, 186, 4; всего порядка 10 раз в Ригведе) и мыслятся составителями гимнов Ригведы как две сестры (похожие представления наблюдаются на славянской почве) [Топоров

2005a: 205; Топоров 2005b: 173-174]. Лексема *kṣar-* также засвидетельствована в составе формульных сочетаний подобного типа в тексте Ригведы: вед. *kṣara usrā́ / kṣara usrā́śca* ‘ночами и зорями’ (RV 6, 52, 15; 7, 15, 8) ~ авест. *ušā ... xšarāčā* ‘заря ... и ночь’ (Y. 44, 5); вед. *kṣarābhir āhabhiśca* ‘ночами и днями’ (RV 4, 53, 7).

Сопоставление др.-инд. *kṣar-* ~ авест. *xšar-* предполагает, что в индоиранском определенно существовало корневое имя **kṣar-*. Также выглядит как архаичное образование иранская гетероклитическая основа **kṣapar-* / **kṣaran-* / **kṣarn-*. Само наличие r/n-гетероклизы и аблаута в парадигме указывает на достаточно древнее происхождение. Что касается староавестийского гапакса *xšarā-*, то в данном случае, по всей видимости, в авестийском произошел переход в другое склонение в связи с женским родом существительного, обозначающего ‘ночь’.

Подобная ситуация теоретически может указывать на равноправный статус основ **nakt-* и **kṣar-* в праиндоиранском языке. Данное соображение важно для нас и будет обсуждаться подробнее после рассмотрения предполагаемых внешних когнатов индоарийских и иранских слов, восходящих к и.-ир. **kṣar-*.

Греч. ψέφας ‘тьма’ начали соотносить с индоиранским обозначением ‘ночи’ достаточно давно. Например, данное сопоставление приводится уже в первом издании «Словаря индоевропейского праязыка» А. Фика [Fick 1868: 53]. Тем не менее, в правильности этой этимологии можно усомниться по трем причинам:

1) у слова ψέφας существуют существуют возможные внутригреческие соответствия, причем достаточно многочисленные: это и κνέφας ‘сумерки’, и δνόφος/ γνóφος ‘мрак, темнота’, ζόφος ‘темнота, запад’ (и, если сюда, ζέφυρος ‘западный ветер’) а также глоссы Гезихия ψάφα· κνέφας и σεῖφα· σκότηα. Κρηῆτες. [DELG 1968-1980: 1288; GEW II 1970: 1133; Furnée 1972: 325, 346];

2) Основа греческой лексемы не совпадает с индоиранским корневым именем;

3) нетривиально соответствие и.-ир. р ~ греч. ф.

Что касается первого пункта, если приведенные внутригреческие параллели действительно верны, они однозначно указывают на субстратное происхождение греч. ψέφας. Однако установить точные взаимоотношения всех указанных форм сложно ввиду того, что звуковые чередования вроде кв ~ δν ~ ψ неизвестны в других словах, относящихся к «прегреческому» слою [Beekes 2010: 722]. Связь же между ψέφας и ψάφα· κνέφας с ζόφος и ζέφυρος может основываться на чередовании ψ ~ βz, имеющем параллели в таких случаях, как -ζάπφης/ -ζάπφος ‘ясный, мудрый (?)’ (в слове ἀρχιζάπφης/ ἀρχιζάπφος, титул служителя культа в Делосе) ~ *ψαφής ‘ясный, очевидный; достоверный’ > σαφής ‘то же’, сюда же личное имя Ψάπφω > Σαπφώ; также Hes. σαυκρόν· ἀβρόν ‘нежный’, Hes. σαυκρόποδες· ἀβρόποδες ‘со слабыми ногами’) ~ *ζαυκός в Hes. ζαυκίτροφον· το σεμνόν ‘почитаемый’ [Furnée 1972: 325]. Тем не менее, примеры, приводимые Э. Фурне, далеки от ясности.

Таким образом, однозначно утверждать, что ψέφας – слово из догреческого субстрата, невозможно, хотя этой возможности нельзя исключить.

Не высказывая свое отношение к гипотезе о субстратном происхождении рассматриваемой лексемы, А. С. Николаев в своей монографии, посвященной праиндоевропейскому именному образованию, попытался объяснить основу на -ας и проблему придыхательного. Согласно мнению исследователя, происхождение ас-основы в данном слове может объясняться собирательным суффиксом -h₂-:

*k^usep- ‘ночь’ > *k^usep-h₂ ‘ночи, ряд ночей’ > *k^usep-h₂-s ‘одна ночь’ [Николаев 2010: 134].

Подобным же образом автором (а также до него А. Нуссбаумом) объясняются и другие греческие ас-основы, например:

*doru-/ *deru- ‘дерево’ (акростатическое имя) > *druh₂- ‘деревья вообще, дерево как материал’ > *druh₂-s ‘одно дерево’ (греч. δρῦς ‘дуб’) [Николаев 2010: 144];

*ker- ‘рог’ > *ker-h₂- ‘рог (как материал)’ (мик. ke-ra) > *ker-h₂-s ‘один рог’ [Nussbaum 1986: 149-152; Николаев 2010: 138, 174].

С морфологической и семантической точек зрения объяснение А. С. Николаева правдоподобно и может быть принято. Впрочем, если слово κνέφας ‘сумерки’ не является родственным, а сблизилось с изначальным корневым именем (*ψέπ-ς (?) < *k^hsep-), по формально-семантическим причинам, именно оно могло повлиять на последнее, превратившееся в результате в ψέφας. Однако фонетическая сторона рассматриваемой этимологии менее ясна.

Придыхание глухого смычного в греческом языке А. С. Николаев объясняет соседством со вторым ларингалом и приводит в подтверждение своей точки зрения несколько случаев с аналогичным развитием:

σχάω ‘рассекать, вскрывать’ < *skh₂-éje/o-, ср. др.-инд. -chuyáti ‘срезает (кожу)’²⁶, авест. 2 лицо множ. ч. медиального императива [paítī] siiōdūm ‘отрежьте, вырежьте; устраните’ (Y. 48. 7);

Ὀρεσθ- vs. Ὀρεστ(ᾶ)- ‘Орест’ < *(h_{1/3}eres-)stéh₂-s, -sth₂-és;

κα/οθαρός ‘чистый’, κα/οθαίρω ‘очищать’ ~ др.-инд. < śithirá- ‘неплотный, рыхлый, мягкий’, śratharyáti ‘становиться неплотным, рыхлым, мягким’ < *kr̥th₂ró-, *kr̥th₂r̥-je/o- (*kroth₂ró-, *kroth₂er-je/o- ?) с диссимилятивным выпадением первого /r/;

πλάθανος ‘лист для печения’;

ἀστεμφής ‘неподвижный, непоколебимый’ < *ŋ-stembh₂-;

σφήν / *σφᾶν ‘клин’ < *sph₂ēn, ср. совр. англ. spoon, герм. *spēnu-;

πένθος ‘скорбь’ < *k^henth₂-e/os-.

²⁶ Этот ведийский глагол употребляется исключительно с префиксами ánu- и ā- [Kulikov 2000: 273; Kulikov 2001: 493-494].

И, наконец, 2 sg. perf. -θα [Николаев 2010: 133].

Приведенные примеры, тем не менее, неоднородны.

Во-первых, большинство из них касается трактовки греч. θ-. Однако уже с давних пор исследователи предполагают, что древнеиндийскому th-регулярно соответствует греч. τ, а не θ. Данная гипотеза опирается на следующие примеры:

Др.-инд. ṛṭhu-ka- ‘теленок’ : греч. πόρτις ‘телица, теленок’;

Др.-инд. ásthāt ‘встал’ (3 л. ед. ч. аориста) : греч. ἔσθη ‘то же’;

Др.-инд. -iṣṭa- : греч. -ιστο-, показатель превосходной степени;

Др.-инд. ásthī- ‘кость’ : греч. ὀστέον ‘то же’;

Др.-инд. sthagayati ‘покрывает’ : греч. στέγω ‘покрывать’;

Др.-инд. ṛṭhú- ‘широкий’ : греч. πλατύς ‘то же’;

Авест. raθana- ‘широкий, просторный’ : греч. πετάννυμι ‘простирается, расстилается’;

Др.-инд. ránthās- ‘путь’ : греч. πόντος ‘море’;

Др.-инд. saturdayá- ‘четвертый’ : греч. τέταρτος ‘то же’.

Примеры цитируются в данном порядке по работе [Frisk 1936: 42]. Автор ссылается на А. Мейе [Meillet 1898: 276f] как на исследователя, собравшего все эти примеры в своей статье.

Вышеприведенный список, в котором практически все этимологии безупречны, показывает, что примеры М. Петерса и других ученых, приводимые А. С. Николаевым, могут быть подвергнуты сомнению на основании куда более надежных этимологий, показывающих, что в греческом языке не происходил переход $*tH_xVC > t^hVC$. В этом можно убедиться сравнив доказательную силу аргументов обеих сторон.

Попытка М. Петерса, поддержанная, в том числе, М. Майрхофером [Maurohofer 2005: 112-113] и А. С. Николаевым, объяснить τ в и греч. πλατύς ‘широкий’ по аналогии с πλατάμων не может быть признана безусловно удачной: в данном случае аналогия распространяется с производных форм на

производящее прилагательное. Напротив, объяснение аналогией окончания -θα представляется более вероятным ввиду того, что в греческом существовали широко распространенные окончания -σθε, -σθαи и -θ²⁷, во всех из которых θ так или иначе восходит к и.-е. *d^h- [Frisk 1936: 43; Rix 1992: 239, 248], а также существует другой пример соответствия греч. τ ~ др.-инд. th в аффиксах превосходной степени и порядковых числительных. Объяснение же τ в глаголе στᾱ- ‘стоять’ (στᾱ- < *steh₂-, но σθ- < *sth₂V- в косвенных падежах личного имени Ὀρεσθεύς vs. Ὀρέστης) вообще кажется необходимым только в том случае, если этимология данного антропонима бесспорна. Сопоставление κα/οθαρός ‘чистый’ ~ др.-инд. śithirá- ‘неплотный, рыхлый, мягкий’ также не является однозначным ввиду того, что в греческом есть чередование ο / α, которое может быть прегреческим [Furnée 1972: 343; Beekes 2010: 615], а также нужно предполагать дополнительные преобразования: диссимиляцию двух г в древнеиндийском и семантический переход, который нельзя назвать само собой разумеющимся [Beekes 2010: 615]. Наконец, соотнесение греч. πένθος ‘скорбь’ и производящего глагола πάσχω ‘страдать, терпеть’ с лит. kenčiù, kentėti ‘терпеть, страдать’ и др.-ирл. céisid, césaid ‘терпит, страдает’ сталкивается со значительными сложностями при реконструкции общей праформы. Предложенная в «Словаре индоевропейских глаголов» праформа *k^uend^h- [LIV 2001: 390] очевидным образом вступает в противоречие с запретом на встречаемость в пределах индоевропейского корня глухих и звонких придыхательных, что делает ее неприемлемой. Другая возможность – реконструировать праформу *k^uent^h- с пряязыковым глухим придыхательным (об этом ниже). Наконец, возможно, что греч. πένθος и πάσχω образованы от корня *b^hend^h- ‘связывать’ с семантическим переходом ‘быть связанным’ > ‘страдать’ [Beekes 2010: 1156].

²⁷ Впрочем, объяснение аналогией облика личных окончаний глагола в принципе подозрительно, ниже будет рассмотрена возможность реконструкции и.-е. *t^h-.

Соответственно, можно считать доказанным фактом, что $th < th_2$ - в древнеиндийском регулярно соответствует греч. τ.

Кроме вышеприведенных соответствий, существует несколько заслуживающих внимания этимологий, которые свидетельствуют в пользу существования отдельного от сочетания *tH индоевропейского *t^h:

Греч. 2 л. ед. ч. перф. -θα – др.-инд. -tha;

Греч. μάθος ‘битва, схватка (в том числе животных)’ – др.-инд. mánthati ‘добывать огонь с помощью деревянных палочек; взбивать масло; мешать, шевелить’, лат. mentula ‘половой член’ (?), лит. mentùris ‘мешалка, болтушка’, ст.-слав. масти ‘мутить, смущать, тревожить’, рус. мотать(ся);

Греч. ἐπίρροθος ‘помощник’, греч. ῥοθέω ‘шуметь’, в эпосе ‘приходить к кому-либо с шумом’ = ‘приходить на помощь с шумом’ (?) – др.-инд. ratha ‘возничий на колеснице’, лат. rota ‘колесо’, др.-ирл. roth ‘колесо’, нов.-в.-нем. Rad ‘колесо’, алб. greth ‘обруч, обод колеса; круг’, в качестве предлога с аблативом ‘рядом, около, вокруг; о(б)’;

Окончание 2 л. ед. ч. пасс. аор. -θης – др.-инд. окончание 2 л. ед. ч. мед. аор. -thās, возможно, 2 л. ед. ч. -tha в др.-ирл. berthа ‘ты (при)нес’;

Греч. ἀσκηθής ‘здоровый, невредимый’ – гот. skafis (ср. р.), др.-исл. skaði ‘вред’, др.-ирл. scaith, scáth ‘тень’;

Греч. πάσχω ‘страдать, терпеть’ – лит. kenčiù, kentėti ‘терпеть, страдать’ и др.-ирл. céisid, césaid ‘терпит, страдает’, праформа *k^uent^h-;

Греч. λανθάνω ‘быть скрытым, незамеченным; оставаться в тайне от кого-либо’ – лат. lateō, -ēre ‘скрываться, прятаться; быть неизвестным’ [Широков 1983а: 32-33; de Decker 2010: 5-7].

Приведенные данные являются сильным аргументом в пользу реконструкции индоевропейской фонемы *t^h. Безусловно, для глагольных окончаний объяснение по аналогии с какими бы ни было другими формантами существенно слабее, чем предположение о пофонемном соответствии с аналогичными окончаниями родственных языков. Кроме того,

практически тождественная семантика греч. $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ и $late\bar{o}$, $-ēre$ не позволяет современным исследователям отвергать его, но заставляет искать различные пути объяснения лат. $-t-$ (например, Р. Бекес считает, что латинский глагол является деноминативом от незасвидетельствованного деноминатива $*lato-$ ‘скрытый’ [Beekes 2010: 831]). Впрочем, случай соответствия $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega \sim late\bar{o}$, $-ēre$ еще может объясняться на основании корня вроде $*leh_2-$, поскольку в греческом существуют похожие по фонетическому формы (в частности, $\mu\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$), в которых однозначно реконструируется $*-d^h-$. В то же время этимологическое сближение греч. $\acute{\alpha}\sigma\kappa\eta\theta\acute{\eta}\varsigma$ с германским обозначением вреда отвергается Р. Бекесом уже только на основании только того, что « θ не соответствует готскому β » [Beekes 2010: 151]. Естественно, в таком случае приходится выбирать с достоверной с семантической точки зрения этимологией и фонетическими законами, априори не предусматривающими наличие глухих придыхательных в языке. Кажется, методологически верен первый путь, особенно если учесть, что на основе фонемы $*t^h-$ два индоевропейских глагольных окончания получают прямое объяснение без привлечения дополнительных факторов. Таким образом, представляется весьма вероятным, что в языке существовала фонема $*t^h-$, и второе возможное соответствие – это др.-инд. $th \sim$ греч. θ .

Этимологии слов $\sigma\chi\acute{\alpha}\omega$ и $\sigma\phi\acute{\eta}\nu$, безусловно, верны, но это ничего не доказывает. Начальные кластеры структуры $s +$ глухой придыхательный в древнеиндийском и греческом – особый случай. Невозможно утверждать, что придыхание в подобных начальных кластерах является следствием ларингала: они могут трактоваться в рамках закона Зибса: др.-инд. $skh-$ / греч. $\sigma\chi-$ $< *s\acute{g}^h-$ [Kuryłowicz 1956: 378]. Эти и подобные им формы будут подробно проанализированы в главе 3.

Реконструкция $*\eta-stembh_2-$ для слова $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\mu\phi\acute{\eta}\varsigma$ ‘неподвижный, непоколебимый’ вызывает подозрение тем, что реконструируется звонкий

непридыхательный *b*, а также не учтена возможность реконструкции **ṛ-stemb^hh₂-*: для сравнения, М. Майрхофер реконструирует для др.-инд. *stambhⁱ*- ‘укреплять, защищать’ именно праформу **stemb^hh₂-* [Mayrhofer 2005: 80].

Наконец, надежные примеры развития индоевропейского сочетания **rH* не в начале слова после **s-* в древнеиндийском довольно малочисленны и не дают однозначной общей картины:

Др.-инд. *śaphá-*, авест. *safa-* ‘копыто’, др.-в.-нем. *huof* ‘копыто’, возможно, рус. копыто [EWAia II 1996: 608; Mayrhofer 2005: 114];

Др.-инд. *raphita-* ‘раненый’ (< **(H_x)reph₂-*) наряду с др.-инд. *ráras-* ‘недуг, недостаток’ [Mayrhofer 2005: 11];

Др.-инд. *pitar-* ‘отец’ < **ph₂ter* ‘отец’ [Mayrhofer 2005: 118];

Др.-инд. *ṛibati* ‘пьет’ < **pV-ph₃-ti* [Mayrhofer 2005: 61, 115].

В греческом у этих слов нет никаких соответствий с *φ*, поэтому единственным оставшимся аргументом в пользу закономерности развития **k^hser-h₂-s* > *ψέφας* является сближение др.-инд. *śaṅkhá-* ‘раковина, моллюск’ с греч. *κόγχος, κόγχη* ‘то же’ [Mayrhofer 2005: 113]. Естественно, данный аргумент нельзя признать надежным по той причине, что речь идет о развитии сочетания гуттуральный + ларингал, а в интересующем нас слове содержится губной. Кроме того, соответствие др.-инд. *kh* ~ греч. *χ* теоретически может указывать на и.-е. **k^h*, однако нет примеров, которые могут доказать или опровергнуть такую реконструкцию. Впрочем, если греч. *κόγχος, κόγχη* действительно является когнатом греч. *κόχλος* ‘пурпурная улитка, багрянка’, можно предполагать прегреческий характер этих лексем, при этом похожее по форме древнеиндийское слово также может объясняться заимствованием из того же или близкого источника [Furnée 1972: 278; Beekes 2010: 728].

Также в греческом есть слова, прямо противоречащие возможности перехода **rH* > *φ*, в частности, *σπάω* ‘тянуть, тащить’ < **(s)ph₂-jé-*, родственное арм. *hanem* [IEW 1959: 982; LIV 2001: 575] и греч. *σπάθη* ‘бердо;

лопатка; широкий меч’, сопоставляемое с др.-инд. sphya- ‘лопатка’ < и.-е. *sph₂-ijo- [EWAia II: 779; Mayrhofer 2005: 82].

Таким образом, вопреки мнению А. С. Николаева, невозможно считать сопоставление греч. ψέφας ~ др.-инд. kṣap- «несомненным», поскольку древнегреческий переход *pH > φ не подтверждается надежным материалом.

В заключение необходимо также упомянуть о старой этимологии, согласно которой к рассматриваемым индоиранским и греческой лексемам относится также лат. serer ‘темный; неясный, сомнительный’, sererum (noctis) ‘сумерки’ и serpusculum ‘сумерки’ [Fick 1868: 53]. Сходное по существу предположение высказывалось в отношении родства латинских слов с греч. κνέφας [WH 1938: 289], при этом фонетические отношения между рассматриваемыми формами признаются авторами словаря неясными. Представляется, что подобные сопоставления не могут быть доказаны в рамках наших представлений о латинских звуковых переходах (в частности, ротацизм не распространяется в латыни в других случаях на кластеры, содержащие s), что заставляет отказаться от сомнительных сопоставлений с греческими формами и постулировать праформу *krep-es-, которую, к сожалению, невозможно связать с какими-либо известными индоевропейскими когнатами ввиду отсутствия корня *Krep- с соответствующим значением [de Vaan 2008: 143].

Таким образом, др.-инд. kṣap- ‘ночь’ и авест. хṣар- ‘то же’ могут быть изолированными образованиями, еще одну возможную этимологическую параллель к которым может представлять только хетт. ispan- ‘ночь’; характер отношений между хеттской и индоиранскими лексемами будет рассмотрен ниже.

Самый главный вывод, полученный нами в результате анализа индоиранских и греческих форм – они не могут быть с абсолютной уверенностью увязаны между собой, соответственно, индоиранская

праформа может выглядеть и как *k^hsep-, и как *Ksep-²⁸. Данный вывод будет использован нами в главе о триконсонантных начальных кластерах структуры *PsP-, где будет подробно рассмотрена хеттская лексема, сравниваемая с индоиранским обозначением ночи, *ispant-* ‘ночь’.

Единственная проблема, о которой мы упоминали в начале данной главы и которая остается необъясненной – наличие архаичной г/n-гетероклизы в авестийском языке при ее отсутствии в древнеиндийском. Одно наличие параллельных форм *xšara-* / *xšapan-* в авестийском может указывать на праязыковое происхождение основы *k^hsep-r / *k^hsep-n, несмотря на тот факт, что в индоарийской группе нет никаких ее следов, а также вне зависимости от того, родственно ли хеттское слово *ispant-* иранским лексемами. Тем не менее, подобные формы могут иметь другое объяснение.

В древнеиранском существует ряд параллельных форм на -ar/ -an, для которых есть этимологические соответствия в родственных языках, но при этом для многих из этих образований на основании данных других индоевропейских языков, в том числе и древнеиндийского, г/n-гетероклизу восстановить невозможно. Приводимый ниже список основан на примерах, рассматриваемых в классической работе Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» (указываются только те формы, в которых чередование г/n надежно засвидетельствовано внутри иранских языков):

Авест. *zafar-*, *zafan-* ‘пасть, рот (у созданий Аримана)’ – пехл. *zafar-*, перс. *dahan* ‘то же’, др.-инд. *jāmbha-* ‘зуб, рот, челюсть; укус’, совр.-в.-нем. *Kiefer* ‘челюсть’;

Авест. *tasar-* (ср. р.) ‘течение, берег’, прилагательное *tasan* ‘текущий, бегущий’;

²⁸ Если греческое слово не связано с древнеиндийским и авестийским, не исключено происхождение индоиранских лексем из начального кластера структуры *TK-.

Авест. xšarar- (ср. р.), xšaran- ‘ночь’ – др.-инд. kṣar- (корневое имя), греч. ψέφας ‘тьма’ (?), хетт. isrant- ‘ночь, вечер’ (< *Ksp-en-t) (?);

Авест. danar- ‘доля’ наряду со сложным прилагательным (tarō)-dānan- ‘превышающий одно dānan-’;

Авест. aīiar-, aīian- (ср. р.) ‘день’;

Авест. uguθbar-, uguθban- (ср. р.) ‘кишки’;

Авест. gāzar-, gāzan- / gašn- (ср. р.) ‘порядок, мера’ – лат. rēg- ‘править, направлять’, др.-инд. gājāni (лок. ед. ч.) ‘управление’ (RV. 10, 49, 4);

Авест. karšuar-, karšuan- (ср. р.) ‘область’, образованное посредством -var/n- от karš- ‘делить, разделять’;

Авест. θanuuar-, θanuuan- ‘лук’ – др.-инд. dhanvan (ср. р.) ‘лук’ с чередованием dh-/ th-;

Авест. *miθuar-, *miθuan отражено прилагательными miθbara-, miθbana- ‘подобранный под пару, спаренный’ – др.-инд. mithuná- ‘то же’;

Авест. sax^var- и sāx^van- (ср. р.) ‘план, порядок’, из sanh- ‘объявлять’;

Авест. baēuar-, baēuan- ‘10000’ [Бенвенист 1955: 34-46].

На наш взгляд, можно подозревать, что в целом ряде случаев параллельные г/п-формы иранских языков являются не праязыковым архаизмом, а групповой инновацией. Особенно правдоподобно такое решение выглядит для форм, не имеющих надежных когнатов в других группах, в частности, авест. uguθbar-, uguθban- ‘кишки’ и baēuar-, baēuan- ‘10000’, а также для слов, производных от иранских корней, karšuar-, karšuan- ‘область’ и sax^var- и sāx^van- ‘план, порядок’. Привлекает внимание достаточно частое использование суффикса -var/n- в подобных иранских образованиях.

Более того, иранские параллельные формы с г/п-основами оформлены не так, как ведийские, в которых чередование встречается внутри именной парадигмы и у которых есть соответствия с таким же чередованием в других индоевропейских языках:

Вед. *ásṛ-k*, род. п. *asnás* ‘кровь’ – хетт. *eshar*, род. п. *eshanas*, арх. лат. *aser*, лтш. *asins* ‘то же’;

Вед. *yákr-t*, род. п. *yaknás* ‘печень’ – греч. ἥπαρ, род. п. ἥπατος, лат. *iesur*, род. п. *iesinoris* (< **iecinis*) ‘то же’;

Вед. *údhār*, род. п. *údhnas* ‘вымя’ – греч. οὔθαρ, род. п. οὔθατος ‘то же’.

Точно такой же случай в виде реликта сохранился в староавестийском:

Авест. *huuarə* (Y. 32, 10), род. п. *x^vəng* (< **s^uen-s*) (Y. 44, 3; 50, 10) ‘солнце’ – др.-инд. *súvar*, род. п. *sūras*, гот. *sauil* (ср. р.) и производное *sunnō* (ж. р.) ‘то же’ (правда, речь идет об l/n-гетероклизе).

Соответственно, авестийские формы могут и не являться бесспорным случаем праязыковой r/n-гетероклизы. Для них следует искать другие возможные объяснения.

Для лексем, обозначающих временные и пространственные понятия, в частности, это касается *aiiar-* / *aiian-* ‘день’²⁹, *xšāra-* / *xšāran-* ~ *xšāfn-* ‘ночь’, *karšuuar-*, *karšuuān-* ‘область’ и т. п. можно предполагать делокативное происхождение [Николаев 2010: 42]. Весьма возможно, что локативы, заканчивающиеся на -r и -n, сохранялись в праиндоиранском (например в авестийском имеется уже упоминавшаяся основа *nahtar-* ‘ночь’, вероятно, из **nahtar* ‘ночью’; кроме того, локативы на -er / -en встречаются в древнеиндийском и авестийском: вед. *vásar* ‘весной’, авест. *zəmarə* ‘в земле’), и делокативные образования рассматриваемого нами типа, дающие параллельные r/n-основы в древнеиранском, в ряде случаев являются уже не индоевропейским, но индоиранским явлением.

Все вышесказанное, особенно на фоне неясных этимологических связей ряда рассмотренных иранских лексем, дает основания заключить, что авестийская основа *xšāra-* / *xšāran-* ~ *xšāfn-* ‘ночь’ может рассматриваться

²⁹ Впрочем, еще давно отмечается сходство этой авестийской основы (стар.-авест. вин. п. *aiiarə* (Y. 43, 7), млад.-авест. род. п. мн. ч. *aiiān* (Y. 57, 17; 57, 31)) с др.-инд. *áhar-*, род. п. мн. ч. *áhnām* ‘день’ [Bloomfield 1895: 423].

как производная по отношению к унаследованному из индоиранского корневому имени *kšar ‘ночь’. Таким образом, с хеттской лексемой isrant- может надежно сравниваться только последнее. В данном случае ничего нельзя уверенно сказать о праязыковом статусе начального кластера, который может восходить на индоиранской почве к нулевой ступени неизвестного нам индоевропейского корня.

1. 4. Выводы

Анализ материала показывает, что начальные консонантные кластеры ps- и ts- были определенно запрещены в праязыке. Только в греко-армяно-индоиранском диалектном ареале находятся формы, для которых можно реконструировать подобные сочетания согласных. Этимологические связи греческих, древнеиндийских и армянских слов в случае с начальным кластером *ps- показывают, что данный кластер представляет собой нулевую ступень корней структуры *B^(h)es- (где *B^(h)- – любой губной смычный), которая запрещалась в праязыке и стала разрешена на определенной стадии развития греческого, армянского и индоиранских языков. Стоит отметить, что расширение сферы употребления аблаута, унаследованного из праязыка, известно ряду групп индоевропейских языков, в том числе и рассматриваемым нами языкам греко-армяно-индоиранского ареала. Так, в германских языках унаследованный аблаут получает в сильных глаголах значительное большее распространение, чем в праязыке [Mailhammer 2007]. Удвоенный перфект с о-ступенью корня встречается только в древнегреческом и индоиранских языках, что может говорить в пользу его диалектной природы [Kocharov 2012]. Многочисленные редуцированные формы древнеиндийского частично унаследованы из праиндоевропейского, а частично представляют собой индоиранские или индоарийские новообразования [Kulikov 2005: 431].

Уникальный случай начального кластера *ts- объясняется по-другому: корень *tsel-, который может быть реконструирован прежде всего на основании данных древнеиндийского и армянского языков, был образован с помощью сложения корня *sel- с другой морфемой. Первый элемент данного композита точно неизвестен. Данная идея сама по себе не нова: ввиду уникальности начального кластера *ts- и ограниченного распространения разные ученые подозревали в начальном *t- этого корня остаточный элемент еще одной морфемы. Так, П. Г. Холлифилд считает, что *t- родственно греч. ἔτι ‘еще, более’ и лат. et ‘и’ [Holliefield 1980: 24], а М. Майрхофер полагает, что начальный t- в корне *tsel- может восходить к и.-е. *(H?)d- ‘на, к’, представленному лат. ad ‘к’ и готской приставкой at- с аналогичным значением [EWAia I 1992: 687].

Несколько менее однозначные выводы возможно сделать относительно начальных кластеров структуры *Ks-. Ряд форм можно объединить по их характеру с формами, начинающимися на *ps-. Речь идет о корне *kseu- ‘скоблить, точить’ и его производном *ksuróm ‘бритва’. Данный глагольный корень, по всей видимости, произведен от *kes- ‘чесать’, при этом образованные от него формы ограничиваются греческим и индоиранскими языками.

Две формы характеризуются неясным происхождением; тем не менее, по распространению они ограничены греко-армяно-индоиранским диалектным ареалом, что свидетельствует в пользу того, что они могут примыкать к вышеперечисленным случаям с начальными кластерами *ps- и *Ks-. Корень *Ksēr- ‘сухой’, распространенный в лучшем случае в греческом и армянском, не имеет надежных связей за пределами данных языков. Аналогично имя *Ksep- ‘ночь’ распространено в таком виде в индоиранских и, с небольшой долей вероятности, греческом языках. Дальнейшие возможные внешние связи этого корня будут рассмотрены в следующей главе.

Наконец, ряд форм, начинающихся на кластеры структуры *Ks-, встречаются в другом диалектном ареале: вторая инновация охватывает индоиранские и, с большой степенью вероятности, праславянский и праалбанский. Она заключается в нерегулярной метатезе сочетаний вида *sK- в ряде корней, к которым относятся *ksiHrom ‘молоко, сыворотка’, *ksěṭ- (*skěṭ-) ‘чихать’ и *kseṭ^h- ‘колебать(ся)’.

Вопрос о том, действительно ли начальный *x- в праславянском и h- в албанском является обязательно результатом метатезы с типичным развитием *s > *h по правилу руки, нельзя назвать однозначным. Не исключено, что в славянском и в албанском мог происходить непосредственный переход *sk- > *x-. Например, весьма вероятно, что именно такой переход имеет место в случае праславянского начального триконсонантного кластера *skl-, дающего начальное сочетание согласных *xl- (праслав. xľěbь ‘хлябь’ наряду с лит. skleĩbti ‘соскользнуть, поскользнуться’ [Derksen 2008: 202; ЭССЯ-8 1981: 32-33]).

Таким образом, в отношении начальных биконсонантных кластеров структуры *Ps- в разобранных нами праформах *pseh₂- ‘тереть’, *pseṭ- ‘дуть’, pseṭd- ‘лгать’, *(t)sel- ‘красться’, *Ksěr- ‘сухой’, *kseṭ- ‘скоблить, точить’, *ksuróm ‘бритва’ и, с долей сомнения, в праформе *Ksep- ‘ночь’ можно с большой долей уверенности говорить об их инновационном происхождении в пределах греко-армяно-индоиранского диалектного ареала.

Инновативная природа начальных кластеров в приведенных основах доказывается тем, что все эти основы – производные (только для праформ *Ksěr- ‘сухой’, *Ksep- ‘ночь’ не представляется возможным установить происхождение ввиду отсутствия дальнейших этимологических связей), то есть исследуемые кластеры представляют собой нулевые ступени корней, известных в полной ступени в различных группах индоевропейских языков. В исходе образуемых таким образом в греческом, армянском и индоиранских языках основ располагаются суффиксы, представленные в большинстве

случаев глайдами, ларингалами и плавными. Единственное исключение – *Ksep- ‘ночь’, где используется нестандартная для такого рода суффиксов фонема *p.

Важно отметить, что для праармянского засвидетельствован один надежный случай начального кластера *ps- и сомнительный, но возможный – начального кластера *Ks- (арм. sut ‘ложь’, родственное греч. ψεύδω, ψεύδομαι ‘лгать, обманывать’; арм. ը՛օր ‘сухой’ арм. ը՛ից ‘сушеный фрукт’, предположительно являющиеся когнатами греч. ξηρός ‘сухой’), что доказывает именно греко-армяно-индоиранскую природу появления нулевых ступеней от корней вида *Pes-. Что касается возможного вхождения в данную группу других языков, прилегающих к этому ареалу (фригийский, фракийский и т. д.), то в этом отношении невозможно что-то утверждать по причине отсутствия данных.

Второй ряд инновативных образований, содержащих только начальное сочетание *ks-, ограничен индоиранскими, славянскими и албанским языками, к ним относятся *ksiHrom ‘молоко, сыворотка’, *ksēu- (*skēu-) ‘чихать’ и *kseub^h- ‘колебать(ся)’.

Надо сказать, что в приведенных результатах настораживает только малочисленность надежно восстанавливаемых случаев, особенно это касается форм с предполагаемой нерегулярной метатезой *sK- ~ *Ks-. Такая ситуация, однако, может иметь разумное объяснение: во-первых, необходимо принимать во внимание тот факт, что некоторые из групп языков, в которых наблюдаются изучаемые инновации, обладают только скудными остатками праязыкового лексического фонда. Это утверждение касается, прежде всего, албанского и армянского языков. Во-вторых, надо отметить, что в греческом и древнеиндийском немало слов с начальными кластерами структуры *Ps- с

неясной этимологией³⁰. То же можно сказать и о праславянских лексемах, начинающихся на *х-. В-третьих, мы не можем утверждать, что для рассматриваемых групп диалектов могут быть реконструированы общие праязыки, соответственно, речь идет об инновациях, проходивших в ряде контактирующих языков; распространение данных инноваций могло быть различным в разных группах, ими охваченных.

Таким образом, главный вывод из первой главы – в праязыке не было начальных кластеров структуры *Ps-, на них действовали правила ограничения. При этом необходимо отметить, что последовательность *Ns- допускалась: например, она присутствует в упоминавшемся выше слове *h₂susos ~ *h₂soṡsos ‘сухой’.

³⁰ Например, греч. ζίφος ‘меч’, др.-инд. kṣibasti- ‘слон’. Полный список греческих слов с неясным происхождением можно найти в этимологических словарях на буквы Ξ и Ψ, древнеиндийских – в словарях М. Майрхофера на букву К [KEWA I 1956: 284-295; EWAia I 1992: 421-440].

Глава 2.

Триконсонантные начальные кластеры структуры *PsC-.

2. 0. Вступление

Помимо биконсонантных кластеров структуры *Ps-, возможность реконструкции которых на праиндоевропейский уровень рассматривалась в первой главе, для праязыкового уровня предлагаются реконструкции с триконсонантными смычными структуры *PsC-.

Э. Берд реконструирует 5 триконсонантных начальных кластеров для праиндоевропейского состояния: *pst-, *bzd-, *ksn-, *ksu-, *k^usp- [Byrd 2010: 148].

*psten- ‘женская грудь; сосок’ (авест. fštāna- ‘женская грудь’; греч. Нес. στῆμιον στῆθος ‘грудь’; арм. stin, род. п. stean ‘женская грудь’);

*bzdV- ‘пускать ветры’ (греч. βδέω ‘пускать ветры’; слав. *bъzděti / *ръzděti ‘пускать ветры’);

*ksneṣ- ‘точить, заострять’ (др.-инд. kṣṇāuti ‘заостряет, точит’);

*ksueṣb^h- ‘бросать, швырять’ (?³¹);

*k^uspent- ‘ночь’ (хетт. ispan- ‘ночь’) [Byrd 2010: 167].

Стоит отметить, что, как и в случае с рассмотренными выше биконсонантными начальными сочетаниями согласных структуры *Ps-, реконструкция кластеров подобного типа с тремя согласными в большой степени опирается на данные языков греко-армяно-индоиранского ареала. В индоиранских языках напрямую засвидетельствованы следующие начальные триконсонантные кластеры:

И.-ир. *pst (авест. fšt- в слове fštāna- ‘грудь’);

³¹ По всей видимости, имеется в виду корень, который рассматривается нами в главе *(k)sueṣr- / *(k)sueṣb- ‘бросать, швырять’; он отражен, в частности, в др.-инд. kṣipāti ‘бросает, швыряет’, авест. xšuuīβra- ‘быстрый’.

И.-ир. *ksn- > др.-инд. kṣṇ- / авест. xšn-, др.-инд. kṣṇáuti ‘заостряет, точит’, авест. xšnu- ‘быть довольным; доставлять удовольствие’;

Ир. и инд.-ар. *ksv- (авест. xšuu- в xšuuāš- ‘шесть’, xšvīd- ‘молоко’ и других словах);

Авест. xšm- в ряде косвенных падежей местоимения 2 лица множественного числа (в именительном падеже – uīš).

В греческом и армянском языках триконсонантные кластеры подобной структуры на синхронном уровне невозможны, однако есть веские основания полагать, что в прагреческом и праармянском они были представлены или хотя бы могли быть представлены. Например, греч. βδέω ‘пускать ветры’ восходит к *βδδέω < *bzd-es-ō, где начальная последовательность *bzd- представляет собой нулевую ступень и.-е. *pezd- с тем же значением. В то же время арм. stin, род. п. stean ‘женская грудь’ является когнатом авест. fštāna- ‘женская грудь’ и, соответственно, может иметь праформу с триконсонантным кластером.

Необходимо отметить, что не все исследователи считают подобные реконструкции возможными. Например, Г. Кейдана придерживается следующего мнения: «Как можно видеть из структур корня и явлений, связанных с законом Зиверса, максимальный допустимый начальный кластер в праиндоевропейском состоял из двух сегментов ... Единственное исключение, реконструируемое с правдоподобием – это трехсложные s-кластеры, как в и.-е. *streig-. Этот факт подтверждает, что s- был полуслоговым согласным» [Keydana 2012: 230-231]. Здесь же необходимо отметить, что и начальные кластеры структуры *sPR- также могут быть распространены только в европейской диалектной зоне, как указывал еще в 1972 году Й. Шиндлер [Schindler 1972: 5].

В данной главе мы подробно рассмотрим все случаи, для которых предлагалась реконструкция начальных консонантных кластеров структуры *PsC- и выясним, чья точка зрения верна.

2. 1. Начальные кластеры *pst-* / *tsp-* (?) / *bzd-*

2. 1. 1. **pstēn-o-* ‘женская грудь’

**pstēn-o-* ‘женская грудь’ – др.-инд. *stānau* (дуалис) ‘женская грудь’³², авест. *fštāna-* ‘женская грудь’; греч. Hes. *στήνιον· στήθος* ‘грудь’; арм. *stin*, род. п. *steap* ‘женская грудь’; тох. А *pāśśām* (дуалис) ‘женская грудь’, тох. В *pāścane* (дуалис) ‘женская грудь’ [МА 1997: 81; IEW 1959: 990].

С данной праформой предположительно связана реконструируемая на основании данных европейских языков лексема **speno-* (или **speni-*) ‘сосок’:

др.-ирл. *sine* (< **speniō-*), *bó tri-phne* ‘корова с тремя сосками’; др.-исл. *speni* ‘сосок’, др.-англ. *sranu* ‘грудь’, др.-в.-нем. *spunni* ‘сосок’; др.-прусс. *spenis*, лит. *spenỹs* ‘сосок’. [МА 1997: 81-82; IEW 1959: 990]. К вопросу о взаимосвязи наименований ‘женской груди’ и ‘соска’ в индоевропейских языках мы вернемся в конце этой главы.

В своей диссертации, посвященной слогообразованию в индоевропейском языке, Э. Берд без сомнения восстанавливает праформу **psten-*, трехсложный кластер первого слога которой, по его мнению, подкрепляется наличием корней **pster-* и **bzdV-* < **pezd-* [Byrd 2010: 8]. Однако реконструкция праязыкового вида данного корня представляет очевидную проблему.

Точная реконструкция единой праформы затруднительна. Реконструкция треконсонантного начального кластера **pst-* поддерживается, прежде всего, индоиранскими и тохарскими данными. Греческая и армянская формы имеют начальное сочетание *st-*, в то время как балтийские, германские и кельтские формы указывают на *sp-*. Также представляют проблему реконструкция изначальной индоевропейской основы и корневого вокализма.

³² Буквально следовало бы переводить ‘женские груди’, ср. ‘woman’s breasts’ в переводе Д. Адамса [МА 1997: 81]

Исследователи предлагали различные способы решения данной проблемы.

Ю. Покорный предлагает восстанавливать три праформы: *srepo- для языков европейского ареала, *stēno- для греческого и армянского, а также *p(ə)stēno- для индоиранского (тохарские формы в словаре Покорного не приводятся). Подобное расхождение им эксплицитно никак не объясняется, автор только делает замечание, что «объединение анлаутов под праформой *p(ə)stēn- кажется возможным» [IEW 1959: 990].

Похожим образом данные трудности пытался решить Э. Хэмп в статье, посвященной данной лексеме общеиндоевропейского словаря. Он также предположил, что стоит реконструировать три праформы, в определенной степени конфликтующих между собой: индоиранскую *psten-, греко-армянскую *stēn- и европейскую *spen-. Для самой реконструируемой лексемы он предложил замечательную внешнюю этимологию, возводя ее к косвенной основе хеттского гетероклитического существительного *ispatar*, род. п. *ispanas* ‘копье, клинок, пика’. В таком случае нулевая ступень от основы вида *sp(e)t-n- могла бы послужить в качестве объяснения [Hamp 1960: 273-275]. При всей заманчивости такого решения, против него можно выдвинуть следующие возражения: этимологическое сближение хеттского слова *ispatar* с корнем *ispāi-* ‘насыщаться’ (ср. рус. ‘спеть’) является сомнительным с семантической точки зрения, а формальный облик основы *sp(e)t-n- неправдоподобен. Сочетание -tn- может быть в данном случае только слабой формой суффикса *ter- / *tēn-, в таком случае не очень понятно, почему во всех языках последовательно восстанавливается *e, которое в греческом и, возможно, армянском, является, ко всему прочему, долгим.

Кроме того, в хеттском языке есть слово, происхождение которого гораздо вероятнее может быть связано с *pstēn-: хетт. *istanza(n)-* ‘душа, дух’ [Eichner 1973: 98; Oettinger 1980: 59, прим. 60]. Данная этимология не может

считаться бесспорной, поскольку существуют и другие привлекательные сопоставления, в частности, с лат. *sensus* ‘чувство’ [Puhvel-2 1984: 471], но семантически и формально слово *istanza(n)* также близко к рассматриваемым нами когнатам. Семантический переход ‘грудь’ > ‘душа, дух’ является возможным, если учесть тот факт, что многим народам известно представление о груди как вместилище этой невидимой субстанции. Впрочем, то обстоятельство, что **pstēn-* означает ‘женскую грудь’, а не мужскую, ослабляет данную этимологию³³.

Для предложения путей возможного объяснения данного сложного случая надо сначала уточнить реконструкцию вокализма, первоначальной основы и начального кластера в различных ветвях индоевропейских языков.

В статье [Трофимов 2014a] мы предложили следующую гипотезу: рассматриваемое слово необходимо реконструировать в виде **(p)steh₁-(n)-*/**(p)sth₁en-s*. Нами приводились такие аргументы:

1. Для выяснения вокализма и деривационной структуры греч. *στήνιον* ‘грудь’ важен вопрос о возможном родстве этого слова с основным греческим названием груди, *στῆθος*. Подобное соображение высказывалось рядом исследователей. Э. Риш предложил считать, что *στῆθος* образовано по следующей модели: *στῆθος* ~ **στῆνος* подобно *πλῆθος* наряду с лат. *plēnus* [Risch 1974: 80; Beekes 2010: 1403]. При признании родства *στήνιον* и *στῆθος* необходимо реконструировать **(p)steh₁-(n)-* с протеродинамическим генетивом **(p)sth₁en-s*³⁴, следы которого обнаруживаются в древнеиндийском

³³ Для похожего семантического перехода ‘грудь’ → ‘сердце’ «в языках, лексически противопоставляющих мужскую и женскую грудь, обязательно развитие только из мужской» [Старостин 2013: 278].

³⁴ Все же надо отметить, что бесспорная долгота **ē* в греческом *στήνιον* (**ē* > греч. η) могла бы объясняться правилом, наблюдаемым в словах со значением ‘дом’ и ‘земля’: **dom-m* (acc. sg) > **dōm* (арм. *tun* ‘дом’), *d^hg^hom-m* > *d^hg^hōm* > греч. *χθών* (?), вед. *kṣām-* ‘земля’, хетт. *tēkan* [Schindler 1977: 31; Byrd 2010: 17]. Данное правило было связано с

и тохарском. Подобная реконструкция хорошо поддерживается армянскими данными. Вокализм именительного падежа в армянском неясен³⁵, однако тот факт, что слово *stīn* является *n*-основой и имеет родительный падеж *stean*, может свидетельствовать в пользу реконструкции **(p)steh₁-(n)- / *(p)sth₁en-s*. Интерпретация армянской формы как *stī + n* допускает реконструкцию **(p)steh₁- (*(p)sth₁e-) + n* с родительным падежом, образованным по формуле *stī + an* [Olsen 1999: 136].

2. Благодаря подобной реконструкции также облегчается сопоставление др.-инд. *stānau* и авест. *fštāna-*. Вокализм *ā* в авестийском, конечно, мог бы трактоваться и как *o-* или *ē* ступень корня [Klingenschmitt 1974: 277; 2005: 122], однако объяснение при помощи праформ **psteh₁-n- / *psth₁en-* представляется более удачным, поскольку подобное чередование мотивировано. Станным при такой реконструкции выглядит только отсутствие придыхания у звука *t* в древнеиндийской форме, однако оно может объясняться устранением ларингала уже в индоиранском языке в сложном четырехсложном кластере **pstH-*.

Тем не менее, Согласно данным «Этимологического словаря древнеиндоарийского» М. Майрхофера [EWAia II 1996: 752], в ведийском засвидетельствовано слово *viśvá-psnya* ‘обладающая полной грудью; всенасыщающая’ (RV 7, 42, 6; RV 8, 86, 15) < **-pstn(i)ya*, а в авестийском – *ərəduua-fšnī-* ‘обладающая тугой грудью’ (Надōxt Nask 2, 9). Данная праформа, **-pstn(i)ya*, может являться только нулевой ступенью от **psten-*, что все же говорит в пользу реконструкции **pstēn-o-* и отделения греч. *στήνιον* от *στήθος*. Также небезынтересно отметить, что у Гезихия один раз слово *στήνιον* записано как *στένιον· τὸ στήθος* (в примечании к глоссе

запретом на геминаты в индоевропейском языке. Соответственно, **(p)sten-m > stem-m > *stēm > греч. *stēn* с дальнейшим переходом в *i*-основу.

³⁵ *i* в *stīn* может происходить как из *ē*, так и из *e*, поскольку в армянском **en > in*, ср. **senos > hin* ‘старый’ наряду с лат. *senex* ‘старый, старик’ [Джаукян 1982: 35].

στενάσαι· τινὲς πλῆξαι καὶ παῖσαι ‘бить и ударять кого-л.’), хотя делать однозначные выводы на основании таких свидетельств и невозможно.

Теперь, после уточнения реконструкции вокализма и основы, можно приступить к проблеме начального кластера.

Единая индоиранская праформа на основании сопоставления только авест. *fštāna-* ‘женская грудь’ и др.-инд. *stānau* ‘женская грудь’ несколько проблематична, однако привлечение производных др.-инд. *viśvá-psnya* и *ṛgəduua-fšnī-* проясняет праиндоиранский анлаут и свидетельствует об обязательной реконструкции и.-ир. **pst-*.

Столь же несомненна реконструкция и.-е. **pstēn-* для тохарских языков. Кластер разбит редуцированным праток. **ə* после согласного *p-*. С. А. Бурлак реконструирует тохарскую праформу **pəṣcəne* [Бурлак 2000: 150]; такой же реконструкции, записанной в виде **pāścāne*, придерживается Д. Адамс [Adams 1999: 382].

Греческая и армянская формы сложнее для интерпретации, в том числе ввиду отсутствия надежных дополнительных производных для уточнения праформы.

Глосса Гезихия *στήνιον· στήθος* ‘грудь’ скорее отражает основу **stēn-* без начального *p-*, поскольку отпадение согласного в таком сочетании для греческого выглядит маловероятным. Для кластера **pst-* скорее следовало бы ожидать развития в *φθ-* или *πτ-* [Sihler 1995: 502; Schwyzer 1939: 326], поскольку сочетания типа **PsP-* в греческом в середине слова регулярно переходят в последовательность типа *ΦΘ*³⁶, а в начале слова, по всей видимости, дают *PP-*. Примерами подобного развития могут служить греч. *ἐφθός / ἐφθός* ‘вареный’ < **seps-tos*, производное от глагола *ἔψω* ‘варить’, *ἐχθός* ‘вражда, ненависть’, *ἐχθρός* ‘враг, враждебный’ < **eks-tos*, **eks-tros*, ср. лат. *extra* ‘вне, снаружи’, *exter* (иногда *exterus*) ‘находящийся вне, снаружи;

³⁶ В сочетаниях, передававшихся графически *-φθ-* и *-χθ-*, возможно, был только один придыхательный.

иностранный, чужеземный' [Schwyzer 1939: 326; Beekes 2010: 488-489; 492]. Согласно данным диссертационного исследования Д. Стериаде, такое упрощение подобных последовательностей в середине слова вызвано особенностями греческого слогаобразования: глубинные структуры /^heps-to-s/ и /CV-grap^h-st^hai/ реализуются в поверхностные ^hep^ht^hos и gegrap^ht^hai, поскольку «не только последовательность p^hs- не является допустимой кодой слога в греческом, но и st^h-, гетеросиллабический приступ, не является структурой, возможной в середине слова» [Steriade 1982: 308]. Развитие начального кластера *pst- > πτ- и *bzd- > βδ- может быть продемонстрировано на примере греч. πταίρω, πτάρνυμαι 'чихать' < *pstr̥-νευ-, ср. лат. sternuō, -ere 'чихать' [Schwyzer 1939: 326]³⁷.

Для рассмотрения реконструкции начального кластера для слова στήμιον· στήθος играет роль греч. παρθένος 'девушка'. Согласно замечательной этимологии Г. Клингеншмитта, это слово также является родственным греч. στήμιον· στήθος 'грудь' и должно реконструироваться *r̥stenos³⁸ и значить 'с выдающейся вперед грудью' [Klingenschmitt 1974: 273-278; 2005: 117-123]. Как замечает сам автор этимологии, переход *-r̥st- > *-arst- > -αρθ- имеет точное соответствие в греческом слове ἔρχομαι 'ходить' < *h₁r̥ske/o- [Klingenschmitt 1974: 275; 2005: 119]. И все же данную этимологию необходимо отвергнуть, потому что в греческом отсутствуют какие-то другие случаи, в которых данный префикс имел бы вид #παρ-³⁹, а самым уязвимым местом гипотезы Клингеншмитта является ударение, ведь в подобных случаях ожидается начальное⁴⁰. Все примеры, которые приводятся

³⁷ Про сопоставление греч. πταίρω, πτάρνυμαι с другими индоевропейскими формами см. ниже.

³⁸ Автор сознательно избегает использовать *r- для этой реконструкции.

³⁹ Если не считать апокопированных вариантов вроде παρφασις вместо παρὰφασις 'ободрение'.

⁴⁰ Ср. πρέσ-βυς 'глава, старейшина'.

автором в защиту возможности такого места ударения в греческом в композитах, не очень убедительны: и *δηναιός* ‘долго живущий’, и *στείνωλος* ‘узкий, тесный’, и *πολυώλος* ‘имеющий много отверстий’, что признает и сам автор [Klingenschmitt 1974: 278; 2005: 123]. Также возможно, что аркадская диалектная запись *φαρθένος* свидетельствует о двух придыхательных в праформе данного слова, если только это не позднейшая ассимиляция, как считает К. Д. Бак [Buck 1955: 60]. Тем не менее, если бы даже этимология *παρθένος* ‘девушка’, предложенная Клингеншмиттом, была верной, это означало бы, что в праформе отсутствовал *-p-, в противном случае следовало ожидать #*παρφθένος*⁴¹.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что праформа греческого слова должна реконструироваться как *stēn-(i)-, никаких надежных следов начального кластера *pst- не наблюдается. Если хетт. *istanza(n)*- является когнатом, то его также можно реконструировать без начального *p-.

Арм. *stin*, род. п. *stean* ‘женская грудь’ сложнее интерпретировать. Надежных примеров развития кластеров структуры *PsP- в армянском языке практически нет. Р. Бекес в очерке исторической фонологии классического армянского языка указывает только на один возможный случай, и это именно *psteno- (-ē-) [Beekes 2003: 198]. Исследователь прибавляет, что развитие *ps- > s-⁴² «если не подтверждено, то, по меньшей мере, не опровергается (звуковым переходом) *pst- > st-» (там же). При этом индоевропейское сочетание *st- также отражается в армянском языке в виде начального кластера *st*:

*ster-*i*o- (или *ster-d^h*i*-ā-) > sterj ‘яловый, бесплодный’ [Beekes 2003: 198; Джаукян 1982: 67];

⁴¹ Безусловно, только в том случае, если согласиться с возможностью фонетического развития *p_h- > пар-.

⁴² Например, *ps(e)ud- > sut ‘ложь’, когнат греч. ψεύδομαι ‘лгать’, подробно об этом соответствии см. [Solta 1960: 439; Clackson 1994: 168-169].

*stel- > stełcanem ‘устанавливать, формировать’ [Джаукян 1982: 66].

По всей видимости, именно на основании подобного армянского звукового перехода Г. Джаукян возводит арм. stin, род. п. stean к *stēn-, сравнивая эту лексему только с др.-инд. stána-, греч. στήνιον [Джаукян 1982: 108].

Получается, на основании имеющихся данных невозможно достоверно установить, реконструируется ли праформа армянского слова stin, род. п. stean в виде *pstēn- или *stēn-.

В пользу реконструкции *pstēn- могли бы косвенно свидетельствовать такие армянские лексемы, как san ‘питомец, воспитанник’ < *psn̄- < spn̄-; sin в mi-a-sin ‘вместе’ < *psēn- < *spēn-; -sun ‘вскормленный’ в kat‘n-a-sun ‘вскормленный молоком’, snanim ‘питаю’ < *psōn- < *spōn- [НАВ 4 1979: 251; Джаукян 1982: 74]. Переход sp > ps > s, в целом не являющийся характерным для армянского, мог бы произойти в этих словах под влиянием схожей по семантике формы *pstēn-⁴³.

Но существующая традиция соотнесения этих слов с *speni- / *spenjo- ‘сосок’ и, соответственно, со stin < *(p)stēn-, не является единственной и, что важнее, предпочтительной. Глагол snanim ‘питать’ и все образованные от него формы лучше связывать с иранским корнем san ‘поднимать’ (< и.-е. *kēn- ‘поднимать’), который встречается в авест. asənaoⁱti ‘поднимает’ [Klingenschmitt 1982: 226; Olsen 1999: 609]. Более предпочтительным последнее сближение считает и Г. Мартиросян на основании того, что все армянские формы имеют отглагольное происхождение, а предполагаемые индоевропейские когнаты, объединяемые под праформой *(p)stēn-, представляют собой имена (личное сообщение).

⁴³ Ср., однако, арм. sunkn ‘гриб’ с похожей проблемой рефлексии начального *sp-. Это слово связано с греч. σπόγγος, σφόγγος ‘губка’ и лат. fungus ‘гриб’ [Martirosyan 2010: 586-587].

Таким образом, в армянском слово *stin*, род. п. *stean* ‘женская грудь’ может реконструироваться как с начальным **st-*, так и с начальным **pst-*.

Отсутствие начального **p-* в греческой и, вполне возможно, хеттской и армянской праформах ставит вопрос о генезисе начального *p-* в индоиранских и тохарских языках. Может ли начальный согласный в данном случае быть остатком какого-либо префиксального элемента или корня, затем сросшегося с основой? Как кажется, на данный вопрос можно ответить положительно на основании иранских данных.

В некоторых иранских языках к индоиранской основе **pstēno-* прибавляется корень **rā(y)-* ‘пить, поить’. Например, **raua-fštana* > сангличи *pēsten* ‘вымя’, возможно, перс. *pistān* ‘грудь’ [Namp 1960: 273].

Такая ситуация наталкивает на мысль, что в индоиранских и тохарских языках мы имеем дело со сложением и дальнейшей контаминацией двух праязыковых корней: **reh₃(i)-* ‘пить, поить’ [LIV 2001: 462-463] и **stēn-* ‘(женская) грудь’. В дальнейшем начальный элемент **p-* в иранских языках утратил свое значение и окончательно упростился, однако семантическая модель «поить» + «грудь» была снова актуализирована путем прибавления того же корня уже в отдельных потомках древнеиранских языков. В частности, с окончательной утратой первого согласного иранский корень *rā(y)* < *reh₃(i)-* был опять использован для создания композита **raua-fštana* > сангличи *pēsten* ‘вымя’, возможно, перс. *pistān* ‘грудь’.

Невозможно сказать определенно, в какой степени корень *reh₃(i)-* присоединялся к последующему: в нулевой или в полной с дальнейшим сокращением в композите. Так или иначе, результатом сложения **ph₃-stēn-* или **reh₃-stēn-* должна была послужить форма **pstēn-* < *ph₃stēn-* с устранением ларингала в последовательности СНСС- по закону, открытому Г. Шмидтом и уточненному для греческого и тохарского языков О. Хакштайном [Schmidt 1973; Hackstein 2002; Николаев 2010: 153, 166; Byrd 2010: 40-49]. В авестийском комплекс *pst-* сохранился с закономерным

переходом во *fšt-*, а в древнеиндийском упростился до *st-*. Такая ситуация связана с тем, что в авестийском допустимы сочетания подобного вида, в частности, *xšt-* в ряде форм от корня *stā-* ‘стоять’, например, 1 л. ед. ч. активного конъюнктива *xštā* (Y. 12, 3) [Hoffmann-Forssman 1996: 184; Kellens 1984: 192]⁴⁴, а также *xšm-* (*xšma-*, косвенная основа местоимения *yūžəm* ‘вы’), *xšn-* (*xšni-* ‘быть довольным, доставлять удовольствие’) и *xšuu-* (*xšuuāš-* ‘шесть’).

Тохарские данные не противоречат гипотезе о стяжении двух праязыковых корней: *пратох. *ə* появился в результате развития **ph₃stēn-* > **psten-* > **pəscən(e)* как закономерный вставной гласный и в дальнейшем превратился в *ä*.

Последнее, что необходимо обсудить – отношение форм тохарских, индоиранских, греческого и армянского языков и лексем языков европейского ареала, обычно обозначающих ‘сосок’, реконструкция общей праформы для которых – **speni-* / **speniǰo-*. На наш взгляд, возможны две интерпретации.

Эти две праформы можно считать не связанными друг с другом. Как бы ни были похожи значения **p(e)h₃-stēn(o)-* ‘женская грудь’ и **speni-* / **speniǰo-* ‘сосок’, они различны⁴⁵. Относительно значительного формального сходства можно отметить, что есть много случаев похожих по форме и семантике индоевропейских корней, которые определенно не связаны между

⁴⁴ Впрочем, формы вроде *xštā* затруднительно интерпретировать однозначно. Хоффманн и Б. Форссман считают происхождение начального *x-* ‘неясным’ [Hoffmann-Forssman 1996: 184], а Ж. Келленс настаивает на том, что презентная основа *xšta-* представляет собой ‘фонетический или графический вариант *hišta-*’ [Kellens 1984: 192]. Как бы то ни было, появление *xšt-* даже как только графического варианта маловероятно без допущения языком подобного начального кластера.

⁴⁵ Значение ‘грудь’ встречается только в германских языках, ср. др.-англ. *spran* ‘грудь’.

собой, по крайней мере, в рамках классических представлений. К примеру, привлекательным кажется сопоставление индоевропейского корня *ǵen- ‘рожать’ и имени *ǵ^hen-h₂- ‘женщина, жена’, однако серьезные попытки доказать их тождество априори не могут увенчаться успехом в рамках традиционного сравнительно-исторического метода. Кроме того, значительный элемент сходства между традиционно реконструируемыми *pstēn- и *spen- заключается в фонеме *p-, которая для первой праформы является остатком корня *peh₃(i)- ‘пить, поить’. Между корнями *stēn- и *spen- уже не так много формального сходства, если учитывать, что начальный s- является единственно возможным элементом, который может дополнительно располагаться перед первым смычным корня [ГИ 1984: 217].

Вторая возможность – полагать, что основа *speni- / *speni̯o- действительно является преобразованием *p(e)h₃-stēn- с переходом в i-основу. Возможно, европейское *speni- / *speni̯o- образовано от локатива *stēn-i- с семантическим развитием ‘то, что на груди’ > ‘сосок’, однако данное предположение нуждается в дальнейшем обосновании⁴⁶. В отношении начального кластера кажется следующая трактовка: общеиндоевропейская основа *p(e)h₃-stēn(i)- после выпадения ларингала должна была трансформироваться в *pstēn(i)- с недопустимым для европейских диалектов сочетанием *pst-, и редкий кластер автоматически упростился в *sp- путем потери третьего согласного и метатезы⁴⁷. Данное построение остается гипотетическим, поскольку нет надежных параллелей перехода последовательностей типа *pst- в европейских языках. Сопоставление диалектного европейского *speni- / *speni̯o- ‘сосок’ с исследованным индоевропейским названием женской груди остается более

⁴⁶ Нуждается в объяснении i-основа в германском (вместо jo-основы).

⁴⁷ Сочетание *ps- не реконструируется для европейских диалектов даже предположительно, в отличие от *ks-, ср. лат. serēnus ‘ясный (о небе)’ < ‘сухой’, которое сравнивают с греч. ξηρός / ξερός ‘сухой’ [DELL 2001: 616-617; de Vaan 2008: 556].

предпочтительным решением ввиду правдоподобного сценария деривации и некоторых любопытных кельтских соответствий индоиранским композитам в кельтских языках⁴⁸ [Delamarre 2008: 65-68]. Интересной параллелью перехода *pst- > *ps- > *sp- может служить германское развитие *ts- > *st- в герм. *stelan ‘красться’, которое достаточно убедительно сопоставляется с др.-инд. tsáratī ‘крадется’ [Kroonen-Lubotsky 2009: 239]. Еще одна черта, сближающая данные случаи – тот факт, что начальный *t- в *tsel-, весьма вероятно, также восходил к какому-либо корню: «*tsel- изначально был композитом с именной основой на первом месте (от которой остался только *t-) и аористным корнем *sel- ‘приходить в движение’» [Kroonen-Lubotsky 2009: 240].

Главный вывод из анализа основы *pstēn- – изначально в этом слове не было начального сочетания *pst-, оно появилось в результате стяжения праязыкового композита. Начальный кластер *pst- может быть реконструирован только для индоиранского и тохарского, где подобные сочетания стали допустимыми, а в европейских группах языков произошел переход *pHst- > *pst- > *sp-.

Таким образом, самое надежное слово, в анлауте которого видели кластер *pst-, на самом деле не должно реконструироваться с таковым на праиндоевропейский уровень.

2. 1. 2. *pst(e)ṽ(H)- ? / *tsp(e)ṽ(H)- ? / *(s)pi(e)ṽ(H)- ? ‘плевать’

*pst(e)ṽ(H)- ? / tsp(e)ṽ(H)- ? / (s)pi(e)ṽ(H)- ? ‘плевать’ – др.-инд. ṣṭhívati ‘плюет’⁴⁹; греч. πτύω ‘плевать’; арм. t‘uk ‘слюна’; тох. В pitke ‘слюна’ (<

⁴⁸ Валл. Ardasina < *ardṽo-s(φ)ēnā < *rḍṽo-spenā ‘с тугой грудью’, точный аналог авест. arəduua-fšnī- [Delamarre 2008: 66].

⁴⁹ Некоторые исследователи отрицают принадлежность древнеиндийской лексемы к данному корню. См., например, [Walde 1897: 479].

*piuT-sk̄-o); лат. spūb, -ere ‘плевать’; гот. speiwan, др.-исл. spuja, др.-англ. spīwan, spittan, др.-в.-нем. spīwan ‘плевать’; лит. spīauju ‘плюю’; ст.-слав. плюѡж, плъвати, др.-рус. плюю, плъвати ‘плевать’ [MA 1997: 538; LIV 2001: 583-584; IEW 1959: 999-1000].

Реконструкция единой индоевропейской праформы данного корня наталкивается на целый ряд трудностей. Безусловно, это может быть в большой мере связано с тем, что лексема носит несомненный оноματοпоэтический характер. Поэтому у исследователя есть три пути реконструкции данного корня: полагать, что все формы не сводимы к единому прототипу и представляют собой независимые образования; восстанавливать сложный кластер типа *pst- или *tsp- (такая реконструкция анлаута этого слова принадлежит Р. Бекесу [Beekes 2010: 1252]); и, наконец, предполагать, что глагол ‘плевать’ может быть реконструирован в рамках известных моделей с допущением некоторых колебаний уже на уровне праязыка или на уровне отдельных диалектов.

Как кажется, первый путь непродуктивен. Родство славянских, балтийских, германских и латинской форм не вызывает никакого сомнения. Тохарское слово незначительно отличается вероятным наличием расширителя. Отклоняются от общего прототипа только индийская, греческая и армянская формы.

У реконструкции вроде *psteiHu- / tspeiHu- или *tspi(e)uH-, на наш взгляд, есть методологический недостаток: она получена, если присмотреться, путем простого «сложения» данных всех индоевропейских языков: *ц̣ есть почти во всех когнатах, *ĵ – в балто-славянских, *t – в греческом, армянском, возможно, древнеиндийском и в германских диалектах, *p – в европейских и тохарских языках, *s – практически повсеместно. В результате получаются кластеры вроде tsp- и tspi̇-, не имеющие аналогов в праязыке.

Соответственно, остается третий путь, в рамках которого самое экономное и эффективное решение - восстанавливать праформу *speǵ(H)- / *spǵeǵ(H)- с получающимся в ряде случаев изобразительным начальным кластером *spǵ-⁵⁰, допуская при этом, что в ряде языков р заменяется на т ввиду звукоизобразительного характера корня. Именно в таком виде, а именно *spǵeǵ(H)-, данный корень реконструируется в работах [Werba 1997: 382; Mauryhofer 2005: 76].

Греческие формы можно трактовать и как полученные из *spǵ- > *spt- > πт- в начале слова [Gunnarsson 1971: 71] и из *-spǵ- > *-spt- > -φθ- в середине слова подобно *-pst- > -φθ- [Schwyzer 1939: 326]. В праармянском, как и в древнеиндийском вероятно, следует реконструировать дублетный изначальному *spǵ- кластер *stǵ-. Для древнеиндийского надо предполагать переход *stǵ- > *sty > ṣṭh- с церебрализацией из-за последующего -у- и появлением придыхания в результате потери -у- или из-за наличия начального s-.

В реконструируемом в таком виде корне *speǵ(H)- / *spǵeǵ(H)- 'плевать' нет необходимости видеть s-mobile: в праславянском трехсложные кластеры имеют тенденцию к упрощению путем потери начального s- (показательно, прежде всего, развитие *spr- > pr- [Trautmann 1922: 66-68]) или перехода sk- > x- перед сонантами⁵¹, а в тохарском развитие *spǵ- > *p(i)- также могло быть регулярным.

Приведенные соображения доказывают, что нет необходимости реконструировать начальное консонантное сочетание вида *PsC- для данного корня. Начальным сочетанием в данном случае служил кластер *spǵ-, редкий, но укладывающийся в стандартную индоевропейскую модель *sPR-.

⁵⁰ *speǵ(H)- / *spǵeǵ(H)- можно сравнить с *deǵ- / dǵeǵ-, а *spǵ- с сочетанием *str-.

⁵¹ Ср. праслав. *xl < *skl: праслав. xľěbь 'хлябь' наряду с лит. skleĩbti 'соскользнуть, поскользнуться' [Derksen 2008: 202; ЭССЯ-8 1981: 32-33].

2. 1. 3. *pster- ‘чихать’

*pster- ‘чихать’ – греч. πταίρω, πτάρνυμαι ‘чихать’; арм. p‘řngam, p‘řcem ‘чихать’; лат. sternuō, -ere ‘чихать’; др.-ирл. srëod, валл. ystrew ‘чихать’ [МА 1997: 133; LIV 2001: 494-495; IEW 1959: 846-847].

На первый взгляд, соответствие между греческой и латинской формами достаточно надежно ввиду соответствия суффиксов -vυ- и -nu-. Но на самом деле в латыни нет по-настоящему достоверных случаев сохранения индоевропейского презентного суффикса -neϋ-/ -nu-. Лат. minuō, -ere ‘уменьшать, раздроблять’, на первый взгляд, имеет достаточно убедительное соответствие в виде греч. μνύθω ‘уменьшать’ и может продолжать индоевропейскую основу *mi-neϋ-. Однако в древнеиндийском родственной глагол mināti ‘уменьшать, вредить’ относится к IX классу, что делает праязыковой статус основы *mi-neϋ- маловероятным; кроме того, и греческий, и латинский глагол могут быть деноминативными: и в греческом, и в особенности в латыни засвидетельствованы следы индоевропейского прилагательного *minu- [Sihler 1995: 502; Beekes 2010: 956]. Что касается сопоставления специально рассматриваемого нами в данном разделе лат. sternuō с греч. πταίρω, πτάρνυμαι на основании реконструкций *pstr̥-neϋ- и pster-neϋ-, то оно еще сомнительнее. Различие в вокализме этих форм невозможно объяснить никаким другим способом, кроме как наличия полной ступени в латинском языке, что не находит ни достаточной морфологической, ни фонетической мотивации: закономерным рефлексом и.-е. *pstr̥-neϋ- в латинском языке должна была бы стать форма #stornuō (ср. poscō, -ere ‘просить, требовать’ < *por̥skō < *p̥r̥k̥-s̥ke/o-) [Sihler 1995: 94]. Таким образом, необоснованное нарушение модели «нулевая ступень» + -neϋ-/ -nu- в латинском языке ставит под сомнение сопоставление греч. πτάρνυμαι ~ лат. sternuō.

Арм. p‘řngam ‘чихать’ родственно только в том случае, если в праармянском был закономерен переход *pst- > p‘-, но про данный переход

нельзя сказать что-то определенное, как уже говорилось выше в главе про праиндоевропейское обозначение ‘женской груди’. Кроме того, если все же арм. *stin* ‘грудь’ восходит к праформе **pstēn-*, то следовало бы ожидать перехода **pst-* > **st-* и для данного слова.

Г. Гюбшманн относился с сомнением к данной этимологии на основании того, что греч. *пт-* обычно соответствует арм. *t'* (ср. арм. *t'ev* ‘крыло’ ~ греч. *πτερόν* ‘крыло’) [Hübshmann 1897: 502], однако очевидно, что подобное соображение может просто не относиться к этому случаю.

Что касается звукового развития в начале слова в греческом, то со всей определенностью можно говорить о переходе **pst-* > *пт-*, что доказывается глоссой Гезихия *ἀποφθάρᾱσταί*. В данной глоссе в середине слова произошел уже обсуждавшийся выше стандартный переход **-pst-* > *-φθ-*. Соответственно, в греческом мы имеем начальный кластер **pst-*. Но почему тогда в европейских формах не происходит переход **pst-* > *sp-*, который засвидетельствован на примере **ph₃-stēn-*? Здесь могут быть два решения: либо греческие и европейские лексемы вообще не связаны между собой, либо в греческом произошло инновационное присоединение начального **p-* к корню **ster-* ‘чихать’ ввиду того, что кластер **pst-* обладал большей звуковой выразительностью и стал возможен в греко-(армяно)-индоиранской диалектной общности, как показывает пример **pstana-* для индоиранского и *βδέω* < **bzdeō*⁵² ‘пускать ветры’ для греческого.

Первое решение особенно вероятно в свете таких примеров, как греч. *ψᾶρ*, *ψαρος* ‘скворец’ наряду с лат. *sturnus* ‘скворец’, др.-в.-нем. *star* ‘скворец’. Возможно, при желании можно было бы объединить эти лексемы под неправдоподобной с точки зрения индоевропейской фонологии

⁵² Где **bzd-* является нулевой ступенью от **pezd-* ‘пускать ветры’, см. ниже.

праформой вроде *pstVr-, однако это просто не нужно⁵³. Как справедливо замечает Й. Шиндлер, это дескриптивное слово [Schindler 1972: 104]. Таким образом, перед нами пример того, что в греческом используется звукоизобразительный начальный кластер ψ- наряду с кластером st- в европейских языках. Второй согласный корня совпадает, различен вокализм. Случаи πταίρω, πτάρνυμαι ‘чихать’ ~ лат. sternuō ‘чихать’ и греч. ψῆρ, ψαρός ‘скворец’ ~ лат. sturnus ‘скворец’ практически идентичны за исключением того, что на месте возможного *pst- в греческом в одном случае засвидетельствован кластер πт-, а в другом – ψ- (ps-).

Второе решение возможно потому, что звукоизобразительная лексика вообще не является тем пластом, где стоит ожидать максимально строгого соблюдения звуковых законов. Кроме того, возможны аналогические влияния других дескриптивных лексем (хотя бы βδέω ‘пускать ветры’).

Приведенные соображения позволяют заключить, что реконструкция индоевропейского *pster- не может быть строго обоснована и должна быть отвергнута. Реконструкция общего прототипа *pstr̥-нец- невероятна; соответственно, греческое слово предпочтительнее отделять от латинских и кельтских.

2. 1. 4. *bzdV- ‘пускать ветры’

*bzdV- ‘пускать ветры’ – греч. βδέω ‘пускать ветры’; праслав. *bъzděti / *ръzděti ‘пускать ветры’: рус. бздеть, укр. бздіти, пездіти ‘пускать ветры’, сербохорв. бázдети ‘вонять’, слов. рəzděti ‘пускать ветры’, чеш. bzdíti ‘пускать ветры’, польск. bzdiec ‘пускать ветры’; лит. bezdù, bezdėti, лит. bįzdas ‘задница, анус’ лтш. bezdēt ‘пускать ветры’; возможно, совр.-в.-нем. fisten ‘пускать ветры’; в полной ступени *resd- (*pezd-) засвидетельствованы

⁵³ С данными европейскими формами обычно сравнивают Нес. ἀστράλος· ὁ ψάρος, ὑπὸ Θερταλῶν [de Vaan 2008: 593]. Велика вероятность, что слово субстратное [Beekes 2010: 158].

лат. *rēdō* ‘пускать ветры’, *rōdex*, *-icis* ‘задница, анус’ [MA 1997: 194; IEW 1959: 829; Byrd 2010: 12; Derksen 2008: 431; Trautmann 1923: 221; ЭСРЯ I 1986: 84].

Данное экспрессивное образование, возможно, является фонетическим вариантом другого, более распространенного индоевропейского корня со значением ‘пускать ветры’, **perd-* [MA 1997: 194; DELG 1968-1980: 172]. Если это так, то корень **pezd-* представляет собой весьма любопытный случай индоевропейского зетацизма, впрочем, звукоизобразительной природы.

Начальное сочетание *βδ-* в греч. *βδέω* ‘пускать ветры’ определенно восходит к **przd-*, нулевой ступени от **pezd-*. В этом согласны большинство исследователей [Boisacq 1916: 117; Schwyzer 1939: 326; GEW I 1960: 230; DELG 1968-1980: 172], что позволяет Р. Бекесу утверждать: «Таким образом, *βδέω* само обязано восходить к **βzδέω*»⁵⁴ [Beekes 2010: 209]. Кроме того, необходимо заметить, что в греческом языке засвидетельствовано еще несколько слов, начинающихся на *βδ-*: *βδέλλιον* ‘масло винной пальмы’, заимствованное из семитского языка, ср. ивр. *bedōlah*, акк. *budulḥu* [GEW I 1960: 229; DELG 1968-1980: 171], этимологически неясное *βδάλλω* ‘сосать, доить’, а также производные собственно *βδέω*, среди которых особенно распространено слово *βδελῦρός* ‘отвратительный, мерзкий’ [DELG 1968-1980: 171].

Несколько сложнее вопрос о соотношении греческого глагола с формами других индоевропейских языков. Во-первых, в экспрессивной природе именно этого корня, **bzdV-* / **pezd-*, не приходится сомневаться, особенно если принимать гипотезу о его родстве с **perd-*. Соответственно, можно ожидать некоторые нарушения известных звуковых законов. Именно такую проблему представляет попытка реконструкции балто-славянской

⁵⁴ «Thus, *βδέω* itself must come from **βzδέω*».

праформы. Традиционно считается, что в слав. *ръzd- редуцированный является вставным, как в ряде форм с нулевой ступенью корня: рус. вечер / вчера; польск. wieczór / wczoraj < *večerъ / vьčera(j) < *veker- / vьker- < *veker- / vker- ‘вечер / вчера’; рус. год / ждать < *godъ- / žьda- < *god- / gьd- < *god- / gd- ‘временной период (год) / ждать’ [Shevelov 1964: 93-96; Orr 2013: 156]. Как полагает Р. Траутманн, именно на балто-слав. *pzdēti наряду с *pezdēti указывает начальный b в балтийских формах [Trautmann 1923: 221]. На наш взгляд, b- в балтийском мог бы объясняться и экспрессивной дистантной ассимиляцией, как и начальный b- в сербохорв. б̑здети, а также влиянием лит. subjzdì, subìsti ‘спешить’ (некоторые балтийские производные от *bezdēti имеют семантику, близкую к этому глаголу, ср. bizdūnas ‘тот, кто пускает ветры; тот, кто спешит’) и, наконец, влиянием славянских форм (польских и восточнославянских). Соответственно, для балто-славянского уровня реконструкция нулевой ступени в виде *bzd- не может быть непосредственно подтверждена.

Кроме того, слав. *ь можно сопоставить с i в ряде литовских лексем, среди которых не только упомянутое выше слово b̑zdas ‘задница, анус’, но и b̑zdelėti, b̑zderėti ‘дурно пахнуть, вонять’ наряду с b̑zdelėti, -erėti и ряд других слов [Fraenkel I 1962: 42], сравнение корневого гласного которых с нем. fisten заслуживает внимания. Конечно, реконструкция i в балтийском не обязательна, особенно ввиду того, что К. Буга достаточно убедительно увязывал появление этого i с влиянием уже упомянутого лит. subjzdì, subìsti ‘спешить’ [Būga 1922: 219; Fraenkel I 1962: 42]. Однако в свете этих данных можно подозревать влияние каких-либо форм и на славянский вокализм (прежде всего, слав. *p̑zda ‘vulva’).

Наконец, даже если признать *ь действительно вставным, слав. *bzd- > *ръzd- нельзя будет возводить к индоевропейскому уровню ввиду несоответствия с балтийским вокализмом и невозможностью, вопреки

мнению Р. Траутманна, реконструировать балто-слав. праформу *przdēti (*bzdēti)⁵⁵.

Проведенный анализ когнатов, в данном случае несомненных, показывает, тем не менее, что кластер *bzd- для индоевропейского праязыка не реконструируется: греч. *bzd- и слав. *ръzd- – независимые образования.

2. 2. Начальный кластер *ksn-: *ks-něц- ‘точить, заострять’

*ks-něц- ‘точить, заострять’ – др.-инд. kṣṇāuti ‘заостряет, точит’, ав. hu-xšnuta- ‘хорошо вырезанный (т. е. созданный)’; греч. χυάύω ‘грызть’; лат. novācula ‘острый нож, бритва’ (< *ks-neц-); др.-исл. snøgg ‘коротковолосый’ [MA 1997: 510; LIV 2001: 373; IEW 1959: 586].

Может показаться, что глагольная основа *ks-něц- (от и.-е. *kes- ‘чесать’) восстанавливается для обширного ареала и может служить весомым доказательством наличия в праязыке начального сочетания согласных *ksn-. В связи с этим необходимо подробное рассмотрение индоевропейского прототипа и всех предполагаемых когнатов.

Что касается самой основы *ks-něц-, непосредственно засвидетельствованной в индоиранских языках, существует несколько возможных вариантов ее анализа:

1. Нулевая ступень *ks- (< и.-е. *kes- ‘чесать’) + суффикс *нец- / ni-;
2. Нулевая ступень *ksn- от основы *ks-en- + суффикс -ц-;
3. Корень *ks-eц- + назальный инфикс -n-;
4. Корень *ks-āu : *ks-эц (долгий дифтонг) + назальный инфикс -n-.

Первый вариант реконструкции основы не поддерживается данными. В древнеиндийском презенс этого глагола должен был бы выглядеть как kṣṇóti и относиться к 5 классу. Каких-либо веских причин для удлинения дифтонга в подобном суффиксе нет. В латинском же, если принимать подобную

⁵⁵ В конце концов, праслав. *vker- и *gd- также невозможно проецировать на праязыковое (праиндоевропейское) состояние.

реконструкцию, слово *novāculā* будет единственным, в котором сохранился индоевропейский суффикс *-neṽ- / -nu- (про глаголы *sternuō* и *minuō* см. выше), что также свидетельствует не в пользу подобной трактовки.

Анализ *ksn-eṽ- предложен Ф. Кейпером. Исследователь считает древнеиндийский глагол *kṣṇāuti* близким к греч. *ξαίνω* (< *ksn-je/o-) ‘чесать шерсть’, а удлинение вторичным по аналогии с древнеиндийскими глаголами *yaúti* ‘объединяет’, *staúti* ‘хвалит, прославляет’ и т. д. [Kuiper 1937: 85]. Версия Ф. Кейпера заслуживает внимания, однако у нее есть тот недостаток, что необходимо предполагать аналогическое влияние других глаголов, не имеющих с рассматриваемым семантических связей.

Третий вариант реконструкции, *ks-n-eṽ-, предлагает М. Майрхофер [EWAia I 1992: 441]. Такой анализ основы позволяет рассматривать продленную ступень корня в презенсе как закономерную для актива наряду с полной ступенью в пассиве (авест. *xšnaui-tša*) и нулевой в причастии *kṣṇutá*. Данная реконструкция – самая удачная, она лучше всего объясняет совокупность индоиранских форм без оперирования аналогическим удлинением.

Наконец, Г. Петерссон предлагал реконструкцию *qsnāṽ- : *qsnēṽ-, считая -au- в *kṣṇāuti* происходящим из долгого дифтонга, а -n- – назальным инфиксом [Petersson 1916: 74]. Такое решение продиктовано прежде всего сравнением с греч. *χυάω* ‘грызть’. Но никаких других аргументов в пользу наличия в основе данного глагола долгого дифтонга нет, а греч. *χυάω* имеет альтернативную этимологию, которая признается большинством исследователей. Этот глагол сравнивается с греч. *χύον* ‘ось, ступица колеса’, *χυός* ‘пух, пушок на лице, пена’, др.-исл. *gnúa* ‘тереть’, др.-англ. *gnēað* ‘скупой’, ст.-слав. *гноусьнь* ‘грязный, нечистый, нечестивый’, рус. *гнус*, пол. *gnuśny* ‘ленивый, праздный’ [Boisacq 1916: 1064; GEW II 1970: 1106-1107; Beekes 2010: 1639-1640]. На основании достаточно большого расхождения в семантике сложно утверждать, что все приведенные лексемы являются

родственными⁵⁶, но сопоставление греч. *χναύω* с др.-исл. *gnúa* ‘тереть’ выглядит не хуже этимологии, предполагающей связь с др.-инд. *kṣṇáuti*. Соответственно, индоевропейский корень, от которого происходит *χναύω*, скорее всего, начинался с фонемы *gh-, а не с сочетания *ks-. К *χναύω* может относиться глосса *χυίει· ψακαζει, θρύπτει* (Hes.).

Итак, древнеиндийский презенс *kṣṇáuti* отражает и.-е. основу *ks-n-eu- и родственен греч. *ξύω*⁵⁷. Кроме того, в индоиранском представлены три ступени чередования, что говорит о древности основы в этой языковой группе. Теперь стоит перейти к германскому и латинскому соответствиям.

Др.-исл. *snøgg* на основании семантики не стоит отделять от омонимичного древнеисландского слова *snøgg* ‘быстрый’, в свою очередь произведенного от глагола *snúa* ‘поворачивать, вращать’ < и.-е. *sneu- [de Vries 1977: 527-528]. С таким решением голландского исследователя согласен и М. Майрхофер, приводящий его аргументы в своем новом этимологическом словаре [EWAia I 1992: 441].

Наиболее важный из серии когнатов для анализа – лат. *novācula* ‘бритва’; это латинское слово нуждается в подробном рассмотрении.

2. 2. 1. Лат. *novācula* ‘бритва’

Латинское слово *novācula* ‘бритва’ формально также вызывает определенные сомнения, несмотря на то, что практически все исследователи сравнивают его с др.-инд. *kṣṇáuti* [WH 1938: 178; DELL 2001: 446; de Vaan 2008: 414-415]. Очевидно, что подобная лексема могла быть образована только от незасвидетельствованного глагола *(ks)-nouāre, как *gubernāculum* ‘руль, кормило’ от *gubernāre* ‘править (рулем)’, *ōgāculum* первоначально

⁵⁶ Решение П. Шантрена отделять славянские лексемы и греч. *χυός* [DELG 1968-1980: 1265] на основании семантической удаленности этих лексем от глагола *χναύω* кажется оправданным.

⁵⁷ Об этом слове шла речь в главе про биконсонантные сочетания согласных.

‘место для молитвы’ от *ōgāre* ‘просить, молиться’ [Weiss 2009: 392]. Глагольный суффикс *-ā-* в ряде случаев является продолжением индоевропейского каузатива-фреквентива (< **eh₂-je/o-* – *vorāre* ‘пожирать, проглатывать’ < *g^horh₃-eh₂-je/o-* при греч. βόρα ‘еда’), а чаще всего является деноминативным [Sihler 1995: 528]. Естественно предположить, что *(ks)-pouāre* восходит к незасвидетельствованному имени **ks-n-eu-eh₂* (в латыни такая праформа должна была бы дать *pouā*). А. Эрну и А. Мейе, а также М. де Ван предлагают именно такую реконструкцию [DELL 2001: 446; de Vaan 2008: 415]. Кроме того, этимологическими словарями указывается параллель лат. *pouāculā* ‘бритва’ ~ др.-инд. *kṣṇótram* ‘точильный камень’.

На наш взгляд, подобное решение выглядит чрезвычайно громоздким, ведь оно предполагает словообразовательный ряд **kes-* > **kseu-* > **ksneu-* > **ksneueh₂* > **(ks)novāre* > **novāculum* > **novaculā*. Параллель с др.-инд. *kṣṇótram*, соответственно, неубедительна с формальной точки зрения. Также проблематичен переход самого существительного в женский род и склонение на *ā* (обычно слова с суффиксом *-cul-* в значении инструмента среднего рода). Учитывая все эти сложности, нужно признать сопоставление лат. *pouāculā* с *kṣṇáuti* достаточно подозрительным.

Типологически сходный пример – практически единодушное возведение греч. κτεῖς ‘гребень’ к праформе **rk̑-ten-* от корня **rek̑-* ‘чесать (шерсть)’ [GEW II 1970: 33-34; MA 570; Beekes 2010: 790]. Оно отвергается Э. Бердом на основании того, что в индоевропейском, как, впрочем, и в греческом, не засвидетельствованы начальные кластеры структуры ТТТ- [Byrd 2010: 13, 106].

Хорошей альтернативной этимологии для слова *pouācula* до сих пор не предложено. В античности существовала этимология, предполагавшая связь лексемы *pouācula* с глаголом *pouāre* ‘обновлять’ и, в конечном счете, с прилагательным *pouus* ‘новый’:

«*Nouacula a ‘nouo nouas’ deriuatur*» Prisc. gramm. II 138, 10;

«*Novacula eo quod innovent faciem*» Isid. orig. 20, 13,4⁵⁸ [Maltby 1991: 414].

Нам представляется, что подобная этимология с семантической точки зрения особенно уязвима. Глагол *novāre* ‘обновлять’ действительно выступает главным членом любопытного технического (сельскохозяйственного) латинского выражения *agrum novāre* ‘повторно вспахивать’, однако в данном случае семантическая мотивация очевидна. В то же время предполагаемое античной этимологией развитие значения ‘обновлять (лицо)’ > ‘брить’ явно искусственно. Соответственно, рассматриваемая лексема в лучшем случае испытала вторичное соотнесение с *novāre* ‘обновлять’ из-за формального совпадения [DELL 2001: 446], а вероятнее – не имеет к нему никакого отношения.

Тем не менее, на наш взгляд, существует еще одна возможность связать слово *novacula* с другим индоевропейским корнем и аналогичными образованиями от этого корня в ряде языковых групп, а именно в славянской и германской. Речь идет о корне **(s)neh₁ц-* ‘вертеть, скручивать (нить)’⁵⁹. В славянских языках существует несколько архаичных производных от данного корня, используемых для обозначения предметов, связанных с ткачеством. Нас интересует славянская лексема **snova-dlo-* (у которого есть производное **snovadlĕna-*, в ряде случаев замещающая его), которая одновременно служит для называния ‘сновальной рамы и тонкой дощечки с дырочками для снования’ [Трубачев 2008: 499].

⁵⁸ «*Novāculā* ‘бритва’ является производным от (глагола) *novāre* ‘обновлять’»; «*Novāculā* ‘бритва’ (называется так), потому что ей обновляют лицо».

⁵⁹ В «Словаре индоевропейских глаголов» данный корень реконструирован как **sneh₁ц-* [LIV 2001: 575]; напротив, в «Энциклопедии индоевропейской культуры» используется реконструкция **(s)neh₁ц-* [MA 1997: 571], которой придерживаемся и мы.

Слав. *snova-dlo- сравнивают с герм. *nēplō- ‘игла’⁶⁰ [там же]. Это сопоставление основано на признании родственными корнями sneh₁(i)- ‘прясть’ и и *(s)neh₁ц- ‘вертеть, скручивать’ [МА 1997: 571]. Несмотря на скепсис некоторых исследователей (см., например, [Болотов 2012: 99-100]), такое сопоставление оправданно и с семантической, и с формальной точки зрения. Во-первых, пряли в древнюю эпоху, очевидно, именно путем скручивания нити, поэтому для этих двух корней в «Энциклопедии индоевропейской культуры» приводится полностью тождественное значение ‘сплести волокна для формирования нити; заниматься (формированием) нити’⁶¹ [МА 1997: 571]. Формально ничто не мешает объяснить два корня как sneh₁ + (i / ц), ср. [ГИ 1984: 704]. Соответственно, итал. *sneϕ(ā)-tlo- могло развить значения, близкие к семантике германских производных.

Тогда для лат. nouācula < *sneϕa-tlo- можно предполагать семантическое развитие ‘инструмент для прядения’ > (‘игла’) > ‘клинок’ > ‘нож’ > ‘бритва’. Славянское же слово сохраняет исконное значение.

В качестве параллелей, которые бы доказывали принципиальную возможность подобного семантического сдвига, можно указать целый ряд латинских, германских и славянских лексем, изучение истории которых показывает, что из названий различных ремесленных инструментов в европейских языках часто происходят названия для ножа, меча и сходных видов оружия.

О. Н. Трубачев в книге «Ремесленная терминология в славянских языках» делает следующие важные наблюдения: «Лексемы ‘ремесленное орудие’ и ‘меч’ очень часто образуют одно семантическое поле, порождающее названия то одной, то другой реалии» [Трубачев 2008: 419]; «интересно отметить — и дальше мы увидим это на ряде примеров из

⁶⁰ Ср. гот. nepla ‘игла’, др.-исл. nál, др.-англ. náedl, др.-фриз. nēdle, др.-сакс. nādla, др.-в.-нем. nādala, нем. Nadel [Orel 2003: 287; Kroonen 2013: 388].

⁶¹ ‘twist fibers to form thread; occupy oneself with thread’.

терминологии других ремесленных производств, — что именно продолжения праслав. *mešь охотнее всего переносятся на различные ударные орудия и приспособления. С другой стороны, названия «меч, боевой клинок» вообще бывают подчас генетически разносторонне связаны с названиями различных орудий производства» [Трубачев 2008: 463].

Конкретные случаи подобного семантического перехода хорошо представлены в латыни и других европейских языках и исследованы в уже упомянутой работе О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках». Приведем несколько показательных примеров:

1. «Лат. *spatha* ‘орудие для прибивания уточной нити’ > народнолат. *spata* > ит. *spada* ‘меч, шпага’, франц. *épée* ‘шпага, меч’» [Трубачев 2008: 419]

2. Словен. *meš*, рус. *меч*, *мечик*, укр. *мечик* ‘скалка, мечик мялки’ – эти слова происходят от праслав. *mešь* с первоначальным значением ‘боевой клинок’ [Трубачев 2008: 462].

3. Праслав. **svьrdьlь* ‘сверло’ может быть сопоставлено с германским названием меча, **swerđan* [Schrader 1917-1929, I: 160; Трубачев 2008: 539; Orel 2003: 395]. А. С. Николаев отвергает эту этимологию вслед за Младеновым, предлагавшим рассматривать слав. **svьrdьlь* как имя с суффиксом **tlo-* / *dlo-* от индоевропейского корня **k̑uerp-* ‘вращать’⁶² и восстанавливавшим праформу **svьrb-dlo-* [Nikolaev 2009: 464-465]. На наш взгляд, реконструкция **surđh-il-o-* лучше отражает засвидетельствованные славянские формы, большинство из которых явно восходят к **svьrdьlь* и только великорусские – к **svьrdьlo* (др.-рус. *свьрдьло*) [ЭСРЯ II: 589], причем с нетипичным для восточнославянских диалектов сохранением *-d-, что свидетельствует в пользу вторичного образования последней формы.

Таким образом, лат. *poiācula* может восходить к итал. **sneца-tlo-*, и реконструкция **ksneца-tlo-* не является обязательной. Учитывая тот факт, что

⁶² Ср. др.-исл. *hvirfill* ‘круговорот, кольцо’.

сочетание *ksn- не оставило никаких других следов в латыни, реконструкция его для слова *poiācula* представляется неправдоподобной.

Рассмотрение др.-инд. *kṣṇāuti* и родственных иранских слов в сравнении с рядом лексем из других индоевропейских языков, предлагавшихся исследователями в качестве когнатов, показывает, что ни одно из подобных сопоставлений не является надежным. Следовательно, начальный кластер *ksn- в данном случае встречается в производных от корня *kes- ‘чесать’ только в индоиранских языках и является и не может быть экстраполирован на праиндоевропейский уровень.

2. 2. 2. *ksneus- ‘чихать’

*ksneus- ‘чихать’ – перс. *išnōša*, *ašnōša* ‘чихание’; др.-исл. *hnjósa*, др.-в.-нем. *niosan* наряду со ср.-англ. *snēsan* и совр. англ. *sneeze* ‘чихать’; похожим образом выглядит лит. *šniaũkti* ‘нюхать’ [IEW 1959: 953].

Ю. Покорный предлагает видеть в основе *ksneus- контаминацию корней *skēu- / *ksēu- ‘чихать’ (рассматривался выше) и *rneu- ‘дышать’ [IEW 1959: 838; MA 1997].

Нужно отметить, что реконструкция начального *K- в данном случае является гипотетической, поскольку ее невозможно подтвердить фактами. Формы современного персидского языка не дают уверенности в том, что начальным кластером в праиранском был именно *kšn-. В частности, П. Горн на основании встречающихся написаний вроде *šanoša* заключает, что праформой для персидских слов послужила *sanōša (в авторском написании *senōše) [Horn 1893: 21-22]. Тогда начальный *s- допустимо возводить к и.-е. *k̂- и напрямую соотносить с начальным *h- в др.-исл. *hnjósa*, а его превращение в š в данном слове может быть результатом дистантной ассимиляции.

Необходимо, впрочем, отметить, что подобное возведение, с одной стороны, персидской, а с другой – германских форм, к единой праформе * \hat{k} neus-, не является единственным возможным решением. Вместо того, чтобы разделять др.-исл. *hnjósa* и др.-англ. *fnēosan* ‘чихать’, реконструируя два прагерманских глагола, **hneusan-* и **fneusan*, как это делает Э. Зебольд [Seebold 1970: 269], допустимо думать, что в прагерманском могло происходить колебание **fn-* ~ **hn-*, и др.-исл. *hnjósa* и др.-в.-нем. *niosan* восходят к праформе **fneusan-* точно так же, как др.-англ. *fnēosan* ‘чихать’ [Kroonen 2013: 149], а появление *sn-* в среднеанглийском объясняется звукоизобразительным характером данного начального кластера в этом языке: существует целый ряд слов с начальным *sn-* оноματοпоэтического характера, например, *snigger* ‘хихикать’, *snort* ‘храпеть, фыркать (о лошади)’, *snivel* ‘распускать соплю’ и т. д. [Jespersen 1922: 398; Philips 2011].

Итак, для реконструкции и.-е. **ksneus-* ‘чихать’ нет надежных оснований. В лучшем случае речь идет о начальном кластере * $\hat{k}n-$; не менее вероятно, что персидские и германские лексемы не имеют между собой ничего общего.

2. 3. Начальный кластер * $\hat{K}su-$

2. 3. 1. *(\hat{k})*sueks* ‘шесть’

*(\hat{k})*sueks* ‘шесть’ – др.-инд. *ṣaṣ-*, авест. *xšuuāš-* ‘шесть’; греч. ἕξ ‘шесть’, мик. *we-pe-za* ‘шестиножник, стол с шестью ножками’; арм. *vec* ‘шесть’; тох. А. *ṣāk*, тох. В *ṣkas* ‘шесть’ (возможно, < *(\hat{k})*seks*); алб. *gjashtë* ‘шесть’; лат. *sex* ‘шесть’; др.-ирл. *sē*, др.-валл. *chwec’h* ‘шесть’; гот. *saíhs*, др.-исл. *sex* ‘шесть’; лит. *šeši*, лтш. *seši* ‘шесть’; ст.-слав. *шесть* [МА 1997: 402; IEW 1959: 1044]

Данное числительное несколько проблематично реконструируется на праязыковой уровень, особенно это касается вопроса о необходимости реконструкции начального гуттурального смычного.

Что касается этимологии, очень вероятно, что слово для обозначения числительного ‘шесть’ было заимствовано из семитских языков (или даже из древнеегипетского), где встречаются такие формы, как акк. *šeššum*, *šeššet* ‘шесть’, др.-егип. *s’rs’w* наряду с *s’i’s’w* ‘шесть’ [МА 1997: 402].

Исследования последнего времени позволяют с уверенностью утверждать, что *k-, восстанавливаемый некоторыми исследователями на праязыковой уровень, – иранская инновация. Если верна реконструкция Лубоцкого, согласно которой и.-е. **s̥eḱs* > и.-ир. **švačs* [Lubotsky 2000: 260], то начальный k (авест. x) должен был прибавиться автоматически, как в *xštāt* ‘встал’ [Reichelt 1909: 84] или в *xšnā-* ‘знать’ < ир. **žnā-* < * и.-е. **ǵneh₃-* с закономерным древнеиранским оглушением группы **žn* [Lubotsky 2000: 261].

Греч. ἕξ можно напрямую возводить к и.-е. **s̥eḱs*, нет основания усматривать никаких следов начального велярного.

Объяснение армянской формы представляется проблематичным, поскольку в данном случае не ожидается анлаут #v-. Как справедливо замечает Г. Мартиросян, праформы **s̥eḱs*, **seḱs* или **ḱeḱs*, которые теоретически могли бы быть предложены, дали бы соответственно *k’ec’*, *ec’* (*sic!*)⁶³ и *ges’*, но никак не засвидетельствованную форму *vec’* [Martirosyan 2010: 594]. Сложно сказать, какой именно рефлекс в армянском стоило бы ожидать от праформы **ks̥eḱs*, потому что ввиду скудности исконно индоевропейского армянского лексикона нет информации о подобного рода кластерах, но маловероятно, чтобы им был начальный v-.

⁶³ Закономерно *hes’*.

Самое вероятное на сегодняшний день объяснение – праформа *sueks, вариант, образовавшийся по закону Зиверса-Линдемана [Martirosyan 2010: 594].

Алб. gjashtë закономерно восходит к *seks с суффиком -ti, встречающимся также в славянском, ср. gjarpër ~ gjarpën ‘змея’ < и.-е. *serpent- [Orel 1998: 130].

Соответственно, числительное ‘6’ должно восстанавливаться в виде *sueks без начального *k-. Такая реконструкция принята многими исследователями, например, [Viredaz 1997: 112-150].

2. 3. 2. *(k)suej- / *(k)sueisd- / *(k)sueig^hl- ‘шипеть, свистеть; играть на музыкальном инструменте’

*(k)suej- / *(k)sueisd- / *(k)sueig^hl- ‘шипеть, свистеть; играть на музыкальном инструменте’ – *(k)sueisd-: др.-инд. kṣvédati ‘жужжит, гудит’; греч. σίζω ‘шипеть’; др.-ирл. séitid ‘дует’, валл. chwythu (< *suisd-) ‘дуть; играть на музыкальном инструменте’; церк.-слав. свистати ‘свистеть’; *(k)sueig^hl-: лат. sībilō ‘шипеть, свистеть’, гот. swiglōn ‘играть на флейте’, др.-в.-нем. swēgala ‘флейта’ [MA 1997: 72; IEW 1959: 1040-1041; ГИ 1984: 123].

Среди приведенных лексем не вызывает сомнений связь между собой древнеиндийской, кельтских и славянских форм. Греч. σίζω ‘шипеть’ не может восходить к праформе вроде *(k)sueisd- или *(k)sueig^hl-, потому что основа слова заканчивается на -γ: это видно из аор. ἔσιξα и имени σιγμός ‘свист’. Вызывает подозрение и сохранение начального σ-. Эти соображения свидетельствуют в пользу отделения греческого слова и признания его звукоизобразительным, сходная точка зрения у [Beekes 2010: 1329-1330].

Лат. sībilō также может быть звукоподражанием [de Vaan 2008: 561; Beekes 2010: 1329-1330].

На вторичный характер начального звука k- в древнеиндийском глаголе kṣvédati указывают славянские формы: начальное сочетание *ksu- должно

было бы дать праслав. xv-, но этого не произошло. Замена в древнеиндийском начального кластера *sv- на *kṣv- могла быть обусловлена также оноματοпоэтическим характером данного глагола.

2. 3. 3. *(k)sueǵid- ‘молоко’

*(k)sueǵid ‘молоко’ – авест. xṣuuīd- ‘молоко’; лит. sviéostas ‘масло’, лтш. sviêsts ~ sviests ‘масло’ (балт. < *(k)sueǵid-to- ‘молочный продукт’?) [МА 1997: 382; IEW 1959: 1043].

Как отмечают Д. Адамс и Дж. Мэллори, сопоставление иранской и балтийских форм нельзя назвать совершенно убедительным. Однако, даже если они этимологически связаны, начальное сочетание xṣ- в авестийском могло появиться по другим причинам.

С одной стороны, если в этом слове образовался начальный кластер šv- (например, могла сохраниться форма, встречавшаяся после слов, заканчивавшихся в индоиранском на r, k, i или u, тогда работало правило ruki). Перед начальной группой šC- в авестийском автоматически появляется x- [Reichelt 1909: 84; Lubotsky 2000: 261].

Другой правдоподобный сценарий – аналогическое влияние еще одного индоиранского названия молока, которое может быть реконструировано как *kšīra-. В авестийском и древнеперсидском совершенно надежных производных этой основы не засвидетельствовано⁶⁴, но они наблюдаются в древнеиндийском (kṣīrám ‘молоко’), а также в

⁶⁴ Авест. ара-xšīgā – название страны, упомянутой в Yt. 13. 127 теоретически может содержать элемент xšīra- и значить ‘(страна) без молока’, так считает, в частности, известный иранист Ж. Дюшень-Гийемен [Dushesne-Guillemain 1936: 184] или ‘(страна), из которой вытекает молоко’ [de Vaan 2003: 242]. Э. Герцфельд предлагает толковать данный топоним как āra-xšīgā- ‘сладкая вода; сладководная’ [Herzfeld 1938: 265], что, впрочем, не исключает возможности видеть в этом названии элемент xšīra- ‘молоко; сладость’. В любом случае, данный топоним не поддается однозначной интерпретации.

иранских языках как западной, так и восточной групп: ср.-перс / н.-перс. šīr, йидга xšīra, осет. æxsyr ‘молоко’. Учитывая фрагментарность древнеиранских данных, можно с большой долей вероятности предполагать, что продолжение и.-ир. *kšīra- присутствовало и в древнеиранском.

Но самое вероятное решение, на наш взгляд, предложено Освальдом Семереньи в статье 1958 года, посвященной индоевропейскому наименованию молока [Szemerényi 1958]. Исследователь упоминает авестийское прилагательное xšuuīptaβant- ‘наполненный молоком’, которое трижды употребляется в Видевдаде в составе одного и того же словосочетания (Vd. 21. 7, 11, 15). Оно однозначно возводится к существительному *xšvipta- [Bartolomae 1904: 562; Szemerényi 1958: 188], от которого также образован ряд среднеиранских и новоиранских лексем со значением ‘молоко’, в частности, парф. syft, пашто šaudə, шугни xšvd ‘молоко’. Авестийское написание xšvīd- может быть записью среднеиранской формы *xšvi(v)d- < *xšvipta- с характерным среднеиранским фонетическим переходом *-pt- > *-ft- > *-vd- [Szemerényi 1958: 190].

В свою очередь, лит. лит. sviéostas ‘масло’ и лтш. sviēsts ~ sviests ‘масло’ могут быть соотнесены с латышским глаголом svaīdīt ‘умасщать’ [Szemerényi 1958: 188], который Р. Траутманном предположительно связывается с балт. *svidu- ‘блестящий’ (лит. svidùs ‘блестящий, светлый’) [Trautmann 1923: 296].

Соответственно, даже если реконструировать индоевропейский корень *(k)sueǵd- ‘молоко’, в чем благодаря изящной гипотезе О. Семереньи нет необходимости, он не будет содержать начальный согласный *k. Данное этимологическое сближение само по себе крайне сомнительно, более того, оно не доказывает наличия в праязыке кластеров, состоящих из трех согласных.

2. 3. 4. *(k)sueṛp- / *(k)sueṛb- ‘бросать, швырять’

*(k)sueṛp- / *(k)sueṛb- ‘бросать, швырять’ – др.-инд. kṣipáti ‘бросает, швыряет’, кауз. kṣeráyati, kṣiprá- ‘быстрый’, kṣipréṣu- ‘тот, чьи стрелы быстры’, авест. xšuaēβayaṭ.aštrā- ‘размахивающий кнутом’, авест. xšuiβi.išu- ‘тот, чьи стрелы быстры’, xšuiβra- ‘быстрый’; др.-исл. sveira, др.-англ. swāran ‘бросать’; др.-рус. шибати, шибити ‘ударять’, рус. ошибаться и т. д. [IEW 1959: 625, 1041-1042; ГИ 1984: 123; KEWA I 1956: 289; EWAia I 1992: 437].

Колебание *-p / *-b в исходе рассматриваемого корня может объясняться только тем, что последний губной смычный и в индоиранской, и в германской, и в славянской группе является расширителем первоначального корня *(k)sueṛ-.

Статус практически всех приведенных сопоставлений представляется в той или иной степени сомнительным, и различные авторы оперируют различным количеством предполагаемых когнатов. Так, Ю. Покорный восстанавливает на материале всех рассматриваемых лексем два отличных друг от друга корня: древнеиндийские и славянские формы объединяются автором «Индоевропейского этимологического словаря» в праформу *kseṛp- / *kseṛb- [IEW 1959: 625], а иранские и германские, в свою очередь, – в *(k)sueṛp- / *(k)sueṛb- [IEW 1959: 1041-1042]. Т. Гамкрелидзе и В. В. Иванов привлекают для сравнения только индоиранские и германские, а М. Майрхофер – исключительно индоиранские и славянские формы. Соответственно, для правильной трактовки данного случая необходимо ответить на два частных вопроса: являются ли родственными между собой индийские и иранские формы и действительно ли их (вместе или по отдельности) можно сравнивать с вышеприведенными лексемами германских и славянских языков.

Родство древнеиндийских и иранских лексем доказывается такими замечательными совпадениями, как др.-инд. kṣiprá- ‘быстрый’ ~ xšuiβra-

‘быстрый’ и др.-инд. *kṣīgréṣu-* ‘тот, чьи стрелы быстры’ ~ авест. *xšuuīβi.išu-* ‘то же’, где первый элемент композита в авестийском имеет форму с конечным *-i* в согласии с законом Каланда, а в древнеиндийском произошла замена на исходную основу [Szemerényi 1958: 190]. При признании данной этимологии необходимо решить, как объяснить нестандартное фонетическое соответствие авест. *β* ~ др.-инд. *ṛ*⁶⁵. Эта проблема также успешно разрешена О. Семереньи: ввиду наличия араб. *šyfrgz* ‘быстрый’ < ир. **xšifra-* и некоторых других иранских форм (перс. *šēb* < ир. **xšvaīr-*) можно говорить о том, что авест. *-βr-* отражает в данном слове ир. *-fr-* [там же]. Соотношение авест. *xšv-* ~ др.-инд. *kṣ-*, по всей видимости, должно объясняться из начального и.-ир. **kṣu-*, сохранившегося в авестийском языке и преобразовавшегося в древнеиндийском в *kṣ-* путем диссимиляции, которую можно изобразить схематически как *v – r > ø – r* [Debrunner 1938: 171; EWAia I 1992: 437]. Таким образом, для индоиранского праязыка можно реконструировать праформу **kṣuaīr-*.

Подобная индоиранская праформа исключает соотнесение с германскими и славянскими лексемами, хотя бы потому, что герм. **-r* и слав. **-b* в конце корня предполагает и.-е. **b^(h)-*. Кроме того, славянские слова имеют другую семантику (‘бить, ударять’) и имеют предпочтительную этимологию, согласно которой они восходят к **skjub-* / **ksjub-* и родственны праслав. **xubati* ‘колебаться’ (см. выше в главе про корень **kseub^h-* ‘колебать(ся)’).

Признание за корнем **(k)suaīr-* только индоиранского статуса само по себе не решает проблемы генезиса начального кластера, который может быть как унаследован из праиндоевропейского, так и быть индоиранской инновацией. В условиях отсутствия у данного корня других достоверных этимологических связей и недостоверности реконструкции начального

⁶⁵ Мл.-авест. *-β-* обычно соотносится с гат. *-b-* < и.-е. **-b^h-*, например, мл.-авест. *aīβi* ‘к, против и т. д.’ соотносится с гат. *aībī* ‘то же’.

сочетания *ksu- в праиндоевропейском, необходимо признать, что рассматриваемый случай не может служить доказательством наличия трехконсонантных начальных кластеров в праязыке.

2. 3. 5. *k^usp-ent ‘ночь’

*k^usp-: *k^usp-ent ‘ночь’ – хетт. *ispant-* (< *k^usp-ent) ‘ночь’ (написание им. п. ед. ч. – *iš-pa-an-za*), родственно др.-инд. *kṣar*, авест. *xšar-*, *xšaran-*, *xšarar-* ‘ночь’, возможно, греч. ψέφας ‘тьма’ [МА 1997: 394; IEW 1959: 649; Puhvel-2 1984: 431-435; Tischler-1 1983: 409-411; Kloekhorst 2008: 404]

Сопоставление хетт. *ispant-* ‘ночь’ с индоиранскими формами принадлежит А. Гетце и Х. Педерсену [Goetze-Pedersen 1934: 60]. Указанная этимология стала с тех пор практически общепринятой, а серьезных альтернатив ей не было предложено [Puhvel-2 1984: 431-435; Tischler-1 1983: 409-411⁶⁶; Kloekhorst 2008: 404]. Обсуждаемая форма и особенности деривации могут объясняться по-разному.

Внутрихеттская деривация путем прибавления суффикса *-ant-* < **-ent-* (подобно *zena-* ‘осень’ > *zenant-* ‘то же’, *ḥamesha-* ‘весна’ > *ḥameshant-* ‘то же’) предлагалась некоторыми исследователями [Goetze 1951: 475; Kammenhuber 1969: 286, 294] и в последнее время признается допустимой А. Клокхорстом [Kloekhorst 2008: 404], но отрицается Э. Рикен на основании нулевой ступени корня, которая должна, по мнению исследовательницы, отражать праязыковое наследие [Rieken 1999: 146].

Существует мнение, что суффикс *-ant* для обозначения временных понятий возник путем прибавления суффикса *-t-* к гетероклитической *r/n-* основе, так что форма *ispant-* может быть проанализирована как *isp-* (< *k^usp-

⁶⁶ Впрочем, Й. Тишлер относится к ней наиболее скептически, называя слово *ispant-* «этимологически затруднительным» и считая заслуживающей рассмотрения альтернативную этимологию (связь с прагерм. **spēdi* ‘позже’), которая будет рассмотрена ниже.

) + -an- (< *-en- / *-on-) + *-t- [Kammenhuber 1969: 286; Rieken 1999: 146]⁶⁷.
Данного версии также придерживается, по-видимому, Я. Пухвел, приводя такие словообразовательные параллели, как *nek^u-t- > nekut- ‘вечер’, *lewk-ot- > lukat- ‘свет’ и *dyew-ot- > siwat- ‘день’ [Puhvel-2 1984: 435].

Он же не исключает и возможности образования рассматриваемой формы *ispant-* на базе локатива **kspom*, образованного от гетероклитической *r/n*-основы, засвидетельствованной в авестийском; в качестве параллели приводится др.-инд. *heman-tá* ‘зима’ наряду с греч. *χίμαρος* ‘козленок (возрастом в одну зиму)’: *χεῖμων* ‘зима’⁶⁸ и др.-инд. *vasan-tá* ‘весна’: греч. *ἔαρ* ‘то же’ [там же].

Как можно видеть, первая и третья интерпретация являются взаимоисключающими: хеттские названия времен года образованы либо при помощи ‘временного’ суффикса -ent-, либо представляют собой делокативные образования с расширителем -t-.

Наша основная задача при проверке достоверности данной этимологии – установить, является ли переход **k^usp-* (или **Ksp-*) > хетт. *isp-* закономерным. В цитированной работе Э. Рикен, ссылаясь на статью Х. Айхнера [Eichner 1973: 98], утверждает, что подобный переход параллелен переходу **pst-* > *ist-* в слове *istanza(n)* ‘душа, дух’, которое возводится к **pstén-s* ‘женская грудь’ [Rieken 1999: 146, сноска 685]. Тем не менее, как нами было показано выше, данное хеттское слово или отражает индоевропейскую основу **stén-* ‘(женская) грудь’, которая не предполагает обязательной реконструкции начального кластера **pst-* для праанатолийского, или вообще не родственно обозначению женской груди.

Напротив, в хеттском языке существуют слова, которые заставляют усомниться в том, что подобный кластер должен был бы упроститься именно

⁶⁷ В таком случае хеттскому слову наиболее близка авестийская форма *xšapan-*.

⁶⁸ А. С. Николаев называет данный пример «ставшим классическим» [Николаев 2010: 98].

таким образом, путем потери начального согласного. Речь идет о лексемах *kutruṣan-/ kutruen-* ‘свидетель’ и *ḥaster* ‘звезда’. Для хетт. *kutruṣan-* наиболее вероятна связь с индоевропейским числительным **k^het̥uor-* ‘четыре’⁶⁹, соответственно, слово должно реконструироваться в виде **k^htru-ent-* < **k^htur-ent-* с метатезой: подобная этимология обосновывается параллельным латинским примером *testis* ‘свидетель’ < **tristis*, буквально ‘третья сторона процесса’, также рус. третейский судья, хотя в хеттской традиции, очевидно, речь идет о ‘четвертой стороне’, что, вероятно, отражает определенное устройство судебного процесса [Kloekhorst 2008: 500].

Альтернативная этимология предлагалась Х. Педерсеном и, со ссылкой на него, Я. Пухвелом: они увязывали хетт. *kutruṣa(n)-* с лит. *gudrùs* ‘мудрый, умный’ [Pedersen 1933: 177-179; Puhvel-4 1997: 300]. Я. Пухвел предлагает для объяснения семантики данной хеттской лексемы параллели из ряда индоевропейских языков, в которых слово ‘свидетель’ образовано от и.-е. **uejd-* ‘знать, видеть’: гот. *weitwōþs*, ст.-слав. съ-вѣдѣтель ‘свидетель’.

Формальные проблемы, а именно тот факт, что лит. *gudrùs* имеет в литовском прозрачную деривацию (слово производно от глагола *gùdinti* ‘иметь обыкновение; приучать’, который, в свою очередь, образован от *gáudyti* ‘ловить’ < *gáuti* ‘получать, доставать’ [Fraenkel I 1962: 141-142]), а в хеттском рассматриваемое имя непроизводно, Я. Пухвел считает разрешимыми для этимологизации данного слова: по его мнению, в хеттском существуют аналогичные случаи сохранения только прилагательного (*alrant-* ‘упавший в обморок; слабый’, *alru-* ‘гладкий, закругленный, тупой’) при наличии в литовском и соответствующего имени, и производящего глагола (*alrùs* ‘душный’ наряду с *al̃pti* ‘падать в обморок, лишаться чувств’) [Puhvel-4 1997: 300]. Тем не менее, этимология *alru-* не является единственной, поскольку оспаривается значение этого хеттского слова. Э. Хэмп на

⁶⁹ Данная этимология впервые предложена в работе [Carruthers 1933: 152].

основании трактовки, предложенной в работе Х. Г. Гютербока [Güterbock 1988], переводит прилагательное *alru-* как ‘заостренный, острый’ и реконструирует его праформу в виде **l̥ru-* или **l̥b^hu-*, сравнивая его с валл. *llym*, брет. *lemm* ‘острый’ [Namp 1989: 21-22]. Подобная этимология не противоречит соотнесению хетт. *alrant-* с лит. *al̃pti*, что признает Э. Хэмп [Namp 1989: 21], но при этом формальное совпадение хетт. *alru-* ~ лит. *alrùs* оказывается случайностью.

Наконец, на наш взгляд, основное возражение против этимологии Педерсена-Пухвела – как раз не формальные затруднения, а семантическая мотивировка. Дело в том, что приведенные выше гот. *weitwōþs*, ст.-слав. *съвѣдѣтель* образованы от глагола с непосредственным значением ‘видеть, знать’, а лит. *gudrùs* образовано связано с глаголами, означающими ‘получать’, ‘ловить, схватывать’ и ‘приучать’. Соответственно, данное литовское прилагательное семантически близко к таким русским словам, как *ловкий* < *ловить*, *хваткий* < *хватать* [Fraenkel I 1962: 141], его значение ‘умный, мудрый’ вторично и никак не связано со значением ‘свидетель’, что делает сопоставление с хетт. *kuṛuṣan-* невероятным. По сходным причинам сопоставление хетт. *kuṛuṣa(n)-* с лит. *gudrùs* отвергается Э. Бенвенистом [Benveniste 1962: 110-111].

Итак, соотнесение *kuṛuṣan-* ‘свидетель’ с лит. *gudrùs* ‘умный, мудрый’ не может быть принято, и наиболее вероятна связь хеттского существительного с индоевропейским числительным **k^uet̥uor-* ‘четыре’⁷⁰. В таком случае между формами *ispant-* < **k^uspént-* и *kuṛuṣan-* < **k^utruén-* несложно заметить противоречие: в одном случае начальный гуттуральный сохраняется в виде *ku-*, в другом – бесследно исчезает. Соответственно, либо одна из этих этимологий неверна, либо существуют факторы, предопределившие подобное распределение рефлексов. А. Клуххорст

⁷⁰ Тем не менее, нельзя не отметить, что данная этимология все же выглядит весьма искусственной с семантической точки зрения, что делает ее предположительной.

считает, что закономерным рефлексом начального кластера такого типа является выпадение начального согласного, соответственно, этимологически правильная форма – *ispan̄t-* ‘ночь’. В то же время сохранение начального *ku-* в слове *kuṭruṭan-* объясняется исследователем путем аналогии с утраченным числительным [Kloekhorst 2008: 69]. На наш взгляд, подобное объяснение маловероятно: восстановление подобного рефлекса можно было бы ожидать в том случае, если бы слово *kuṭruṭan-* значило ‘четвертый’ и продолжало быть связано семантически с производящим числительным в сознании носителей. Напротив, значение ‘свидетель’ затемняет первоначальную мотивацию. Столь же невероятно предполагать, что лат. *testis* могло бы в какой-либо момент испытать вторичное аналогическое воздействия числительного *trēs* ‘три’ и превратиться в *#trestis* или *#trēstis*.

Приведенные соображения заставляют предполагать, что именно в слове *kuṭruṭan* засвидетельствован закономерный переход **k^utru-* > *kuṭruṭ*⁷¹, что ставит сопоставление хетт. *ispan̄t-* с индоиранскими формами под сомнение. Впрочем, в начальной последовательности **k^utru-* должен был быть вставной гласный, именуемый в литературе *schwa secundum*, как в лат. *quattuor* и греч. *πίσσυρες*⁷². На наш взгляд, в хеттском слове он превратился в *u* под влиянием лабиовелярного (таким образом, *u* обозначает также гласный звук, а не только качество согласного, и фонетически слово *kuṭruṭan-* могло обозначать [*k^uutruwan*]).

В связи с этим остается открытым вопрос, должен ли был образовываться подобный же гласный в последовательности **k^usp-*. Ответ на

⁷¹ Числительное **k^uetṭor-* ‘четыре’ и его аблаутные формы с возникающими начальными кластерами представляют определенную проблему; в том числе, не всегда ясно, необходимо ли реконструировать *schwa secundum*, как в рассматриваемой хеттской лексеме. Этому вопросу будет посвящено место в главе 4-й.

⁷² Данное правило будет подробно рассмотрено ниже, в разделе 4.1.6.

него может быть получен путем рассмотрения большего количества начальных и инлаутных консонантных кластеров хеттского языка.

Прежде всего, необходимо обратиться к возможным случаям хеттских начальных кластеров с тремя согласными. Это уже упоминавшееся слово *haster-* ‘звезда’, а также формы косвенных падежей существительных *tēkan-* ‘земля’ и *kessar-* ‘рука’ и формы глаголов, в которых встречаются праанатолийские сочетания **-KsC-* и **-KsnC-*, реализующееся в хеттском языке со вставными гласными.

Название ‘звезды’, *haster-* (написание им. п. *ḥa-aš-te-er-za*), скорее всего, отражает фонетическое чтение [hster] или [haster] ввиду греческих и армянских соответствий данного слова, а именно греч. ἀστῆρ и арм. *astĭ* ‘звезда’. Праязыковой начальный кластер **h₂st-*⁷³, реконструируемый только в данном слове, сохраняется в хеттском языке⁷⁴. В принципе, развитие **h₂st-* > *h(a)st-* в хеттском само по себе ничего не доказывает, поскольку свойства ларингалов отличались от свойств смычных, но и не противоречит фонетическому развитию, постулированному нами для лексемы *kutruḥan* ‘свидетель’.

Известны следующие косвенные падежи хеттского существительного **tēkan-*: род. п. ед. ч. *taknas* (наиболее частотное написание *ták-na-aš*), дат.-лок. п. ед. ч. *takn(a)i* (наиболее частотное написание *ták-ni-i*, также встречаются *ták-ni* и *tak-na-i*), лок. п. ед. ч. без окончания *takan* (наиболее

⁷³ К изучаемым кластерам структуры **PsC-* он не относится; вероятно, кластеры структуры **HsC-* могли допускаться в праязыке из-за того, что ларингалы отличались по своим свойствам в системе слогообразования от смычных и с большой долей вероятности требовали автоматической эпентезы.

⁷⁴ Примечательно, что в своей статье, посвященной праиндоевропейскому обозначению ‘звезды’, К. Уоткинз предпочитал возводить хеттскую форму к и.-е. **h₂ost-ēr* как раз на основании развития хетт. *ispant-* < **k^usp-ent-* [Watkins 1974: 13-14]. В то же время, подобная трактовка невозможна, поскольку нормальный рефлекс и.-е. **h₂o* в греческом – о, а не α [Beekes 1969: 127-128; 165-168; Beekes 1972].

частотное написание ta-ga-a-an), алл. п. ед. ч. taknā (встречаются написания ta-ak-na-a, ták-na-a и ta-a-ak-na-a), абл. ед. ч. taknaz(a) (написания ták-na-a-az, ták-na-az и ták-na-za) [Kloekhorst 2008: 858].

Очевидно, что родительный и некоторые другие падежи могут восходить к праформам с триконсонантным начальным кластером $*d^h\hat{g}^hm-$: taknas < $*d^h\hat{g}^h-m-es$. В связи с этим встает вопрос: как должна фонетически интерпретироваться форма taknas: [dgnas] или [dagnas]? Еще Й. Шиндлер задавался этим вопросом и принимал второй вариант трактовки хеттских форм с основой takn-, основываясь на редком написании da-a-ga-an в локативе (сюда можно добавить и написание алл. ед. ч. ta-a-ak-na-a) и исходя из schwa secundum [Schindler 1977a: 31]. На наш взгляд, это верное решение, только вставной гласный мог быть и анатолийского происхождения (праформа $*d^h_e\hat{g}^h-m-es$ плохо объясняет др.-инд. род. п. jmás, кроме того, в хеттском во всей парадигме этого слова встречается только -n- и никогда -m-, в то время как в греческом наряду с им. п. χθών встречается превратившийся в наречие архаичный локатив, засвидетельствованный в форме χαμαί ‘на земле, на полу, внизу’: такая ситуация указывает на выравнивание парадигмы в хеттском). В то же время, если бы были верны звуковые переходы $*Ksp- >$ хетт. (i)sp- (как предполагается для ispan- ‘ночь’) и $*pst- >$ (i)st- (такое развитие видят в istanza(n)- ‘дух, душа’), мы могли бы ожидать развития $*d^h\hat{g}^hm >$ km- (kn)- в парадигме хеттского слова tēkan- ‘земля’, однако подобное не наблюдается⁷⁵.

Хетт. kessar- ‘рука’ имеет косвенную основу kistr-, которая может восходить к $*\hat{g}^hs-r-$, то есть род. п. ед. ч. kistras < $*\hat{g}^hs-r-os$ [Rieken 1999: 280; Kloekhorst 2008: 859]. Если реконструкция Э. Рикен верна, то перед нами может быть единичный пример анатолийского развития $Ksr- >$ kistr- (маловероятно, что праформа $*\hat{g}^h(\varepsilon)s-r-os$ является праязыковой ввиду греч.

⁷⁵ Вообще начальные сочетания вроде tkn- встречаются в некоторых языках (ср. рус. ткнуть), но в архаичных индоевропейских языках их появление неправдоподобно.

греч. род. п. ед. ч. χείρος). Впрочем, за хеттским *kisras* может стоять и собственно *ǵ^hes-r-ós, ср. греч. род. п. ед. ч. χείρος [Kloekhorst 2008: 472].

Несмотря на то, что анатолийское развитие *KsC- > *KisC- в начале слова невозможно постулировать с уверенностью, в инлауте определенно наблюдается фонетический переход *-KsC- > -KisC-, например, и.-е. *h₃rg-sk^é/ó- > хетт. ḫarki-iš-ke/a-, ḫar-ke-eš-ke/a- ‘погибать’, *téks-ti > ták-ki-iš-zi, ták-ke-eš-zi ‘разрабатывать, предпринимать’ [Kloekhorst 2008: 61]. Предлагаемый тем же автором наряду с рассмотренным переход *KnsC- > *KənsC- > -KasC- менее правдоподобен (он приводит единственный пример *ǵ^hnsk^é/ó- > ku-ṣa-aš-ke/a- ‘убивать’: в данном контексте n определенно должен быть слоговым [там же]).

Учитывая неоспоримый характер фонетического перехода *-KsC- > -KisC-, нет оснований подозревать, что в начале слова развитие подобного кластера (а именно *Ksp-) должно было бы чем-то от него отличаться.

Соответственно, постулируемое развитие *ispan-* < *Ksp-ent- не может быть признано возможным: надежные случаи показывают, что в таком фонетическом контексте в хеттском языке не отбрасывался начальный согласный, а в последовательности вида *KsC- в хеттском языке обязательно развивался вставной гласный.

Более того, можно подозревать, что и в отношении хеттских начальных консонантных кластеров с меньшим количеством согласных действовали определенные ограничения. Достоверное описание не может быть достигнуто по причине особенностей хеттской клинописи, из-за которых неясно, являются ли гласные, используемые при написании кластеров, только лишь графическим приемом или фактической вставкой гласного [Friedrich 1940: 6-7 (Фридрих 1952: 49); Kronasser 1966: 46; Шацков 2009: 538; Yakubovitch 2009: 545].

Тем не менее, как показывают исследования, в том числе и вышеназванных ученых, в хеттском языке в ряде случаев вставляется реальный гласный.

Относительно начального вставного *i*- мнения расходятся. Существуют две школы: принадлежащие к первой ученые (в том числе Г. Айхнер и Н. Эттингер) думают, что *i*- отражал реальный протетический звук, принадлежащие ко второй (в ней относятся Э. Стертевант, Й. Фридрих, В. В. Иванов, А. Камменхубер и К. Мельчерт) считают, что *i*- является письменным приемом для передачи начальных кластеров структуры *sP*- [Kimball 1999: 109]. В пользу первого предположения может свидетельствовать тот факт, что подобная протеза известна современным европейским (лат. *schola* ‘школа’ > исп. *escuela*, франц. *école* ‘то же’) и древним переднеазиатским языкам [Kimball 1999: 109-110].

Еще более вероятна эпентеза гласного в начальных кластерах структуры *PR*-, *RR*- и *sR*- в таких хеттских лексемах, как *teri*- ‘три’ (при иер. лув. ^{LÚ}*tariyanalli*- ‘третий человек’), *militt*-/ *malitt*- ‘мед’, *maliddu*-/ *meliddu*- ‘сладкий’, *samen*-/ *semen*- ‘исчезать; отречься; лишаться чего-л.’; подробный список см. в работе [Kimball 1999: 117-118]. Согласно исследованию А. С. Касьяна и И. С. Якубовича, в хеттском могли допускаться начальные кластеры *sP*-, но запрещались начальные кластеры *pr*- или *sl*-; при этом аналогичная ситуация наблюдается в прапахском и отдельных нахских языках, и можно подозревать в подобном запрете ареальную черту [Kassian-Yakubovich 2002: 45]. Впрочем, авторы упомянутой статьи склонны полагать, что вставной гласный существовал также в формах с устойчивым написанием *a* в первом слоге (например, *paḡāi*- ‘дуть в рог’), в то время как другие ученые обычно считают подобные написания просто способом отразить начальные биконсонантные кластеры вроде *pr*- [Kimball 1999: 117; Melchert 1994: 154-156].

Так или иначе, можно утверждать, что в хеттском с большой вероятностью могли действовать следующие запреты: на начальные кластеры структуры sC-, если i- в хеттской клинописи является отражением реально существовавшего вставного звука; на некоторые начальные кластеры структуры CR-, тогда чередующиеся написания Pa-/ Pi- также отражают реальный вставной гласный.

Таким образом, анализ всех хеттских форм, в которых наблюдаются триконсонантные кластеры и обзор форм с начальными биконсонантными сочетаниями согласных, показывают, что сопоставление хетт. *ispant-* ‘ночь’ с индоиранскими формами (др.-инд. *kṣar-*, авест. *xšar-*, *xšarā-*, *xšarar-* / *xšaran-* ‘ночь’) невозможно по той причине, что в хеттском языке не мог произойти фонетический переход *Ksp- > (i)sp-.

Соответственно, в праязыке, как в праиндоевропейском, так и в праанатолийском, не мог присутствовать триконсонантный начальный кластер *k^hsp- или *ksp-. Данный вывод важен также в связи с тем, что, учитывая невозможность соотнесения хетт. *ispant-* ‘ночь’ с и.-ир. **kšar-* и сомнительность сопоставления индоиранской основы с греч. *ψέρας* ‘тьма’, невозможно реконструировать праформу *k^hsep- в качестве древнего праязыкового обозначения ‘ночи’, как это делается в работах [MA 1997: 394; Puhvel 2003: 348-349; Касьян-Живлов-Старостин 2014: 398]. Авторы последнего исследования на основании топологии генеалогического древа индоевропейских языков исходят из того, что именно *k^hsep- (в их реконструкции – *ksep-) – наиболее древнее праиндоевропейское слово со значением ‘ночь’, заслуживающее рассмотрения при тесте, призванном доказать или опровергнуть индоуральское родство [там же]. Как показывает наше исследование, это неверная точка зрения.

Кроме того, доказательство невероятности данной этимологии позволяет отказаться и от сближения не существующего и.-е. *k^hsep- / *k^hsp-en-t- ‘ночь’ с праформой **цеспер(о)-* ‘вечер’ (греч. *ἑσπέρα* (ж. р.), *ἑσπερος* (м.

p.) ‘вечер’, лат. *vesper* ‘то же’), для которой Й. Шиндлер предложил этимологию **ue-k^hsp-er-*, [Schindler 1969: 166-167], а Э. Хэмп – **uejks ksper* ‘время – ночь’ [Hamp 1970: 482-483]. Возможно, перспективнее этимология, предложенная в Дж. Катцем, согласно которой праязыковое название вечера следует сравнивать с хетт. *waspa-* ‘одежды (умершего)’, лат. *uespillō* ‘рабочий похоронной прислуги; грабитель могил’ и возводить к и.-е. **ues-* ‘одевать’; в таком случае слово относилось к поэтическому языку и имело метафорическое значение ‘покров (саван) ночи’ [Katz 2000]. Тем не менее, и подобное сопоставление все равно является корневым [Clackson 2007: 195] и никак не объясняет таких форм, как арм. *gişer* ‘вечер, ночь’ и лит. *vãkaras* ‘вечер’, которые явно связаны с латинским и греческим словом. В связи с этим реконструкция и этимология и.-е. ‘вечер’ на данный момент неясна.

Ввиду того, что сравнение с индоиранскими и греческой формами невозможно для хетт. *ispant-* ‘ночь’, рассматривая хеттская лексема остается без этимологии. Существует только одна альтернативная этимология для данного хеттского слова, заслуживающая внимания: это сопоставление с прагерм. **spēdi-* ‘поздний’, представленным гот. суперл. *spediza* ‘более поздний’, др.-в.-нем. *spāti* ‘поздний’ и т. д. и производным от и.-е. **speh₁-* ‘быть довольным, преуспевать’ (хетт. *ispā(i)-* ‘наполняться, насыщаться’, лат. *spēs* ‘надежда’, ст.-слав. *спети* ‘успевать, преуспевать; быть полезным’ и т. д.) [Kroonen 2013: 466; MA 1997: 500]. Данное сопоставление принадлежит Э. Форреру [Forrer apud Feist 1939: 444].

Несмотря на то, что Й. Тишлер относится к такому сопоставлению с определенным энтузиазмом [Tischler-1 1983: 409-411], необходимо констатировать вслед за Я. Пухвелом, что семантическая сторона данной этимологии представляется слабой: по его мнению, прагерманская основа имела буквальное значение ‘преуспевающий, созревающий; проходящий’ подобно англ. *speed* ‘скорость’, восходящему к прагерм. **spodi-* ‘успех’ [Puhvel-2 1984: 435].

Итак, хетт. *isrant-* ‘ночь’ не имеет на данный момент какой-либо удовлетворительной этимологии, и ее поиск – задача для дальнейших исследований.

2. 4. Выводы

Анализ всех возможных случаев встречаемости начальных триконсонантных сочетаний вида *PsC-* в праязыке показывает, что ни один из них не является надежным.

В традиционно реконструируемом имени **pstēno-* ‘женская грудь’ начальный согласный *p-* является реликтом корня **peh₃-* ‘пить’, входившего в праязыковой композит **p(e)h₃-stēn(o/i)-* (где *stēn(o/i)-* – собственно праязыковое существительное со значением ‘женская грудь’), засвидетельствованного в индоиранской и тохарской ветвях. Исходная основа **stēn-* сохранилась в греческом и хеттском, а также, возможно, в армянском.

Начальный кластер **pst-* в глаголе **pster-* ‘чихать’ надежно реконструируется только для греческого и предположительно – для армянского, при этом итало-кельтский корень со значением ‘чихать’ выглядел как **ster-*.

Праиндоевропейский корень ‘плевать’ может быть реконструирован в виде **spei̯u(H)-* / **sp̥ie̯u(H)-* с вероятными параллельными формами **stei̯u(H)-* / **sti̯e̯u(H)-*. Реконструкции **psteiHu-* / *tspeiHu-* или **tspi(e)uH-* представляются невозможными.

Нулевая ступень **bzd-* (**pzd-*) от корня **pezd-* ‘пускать ветры’ является независимой параллельной инновацией в греческом и праславянском.

Праиндоевропейское числительное **sueḱs* ‘шесть’ не должно восстанавливаться с начальным **k-*, этот звук появляется автоматически в иранских языках перед **š*. Такая же ситуация наблюдается еще в нескольких корнях, где начальный кластер **ksu-* может быть отнесен только к

(индо)иранскому уровню. Это $*(k)suej-$ / $*(k)sueisd-$ / $*(k)sueig^{h1}-$ ‘шипеть, свистеть; играть на музыкальном инструменте’, $*(k)sueid$ ‘молоко’ и и.-ир. $*ksuajr-$ ‘бросать, швырять’.

Начальный триконсонантный кластер $*ksn-$ в др.-инд. $kṣṇáuti$ ‘заостряет, точит’ и родственных авестийских формах появилось на собственно индоиранской почве из нулевой ступени корня $*kes-$ ‘чесать’, к которой были прибавлены суффикс $-u-$ и назальный инфикс.

Наконец, хетт. $ispan-$ ‘ночь’ невозможно возводить к и.-е. $*Ksp-ent-$, данное хеттское слово необходимо отделять от др.-инд. $kṣar-$ ‘ночь’ и родственных иранских лексем.

Таким образом, в праиндоевропейском не реконструируются начальные сочетания структуры $*PsC-$, они, как и начальные кластеры структуры $*Ps-$, появляются в качестве ареальных инноваций в некоторых группах индоевропейских языков.

Первая инновация происходит в греко-армяно-индоиранском ареале и по своему характеру аналогична появлению в этих языках начальных биконсонантных кластеров структуры $*ps-$. Необходимо, правда, отметить, что только и.-ир. $*kṣṇāu-$ ‘точить’ и греч. $\beta\delta\acute{\epsilon}\omega$ ‘пускать ветры’ содержат нулевые ступени от корней $*kes-$ ‘чесать’ и $*resd-$ ‘пускать ветры’. В индоиранском названии ‘женской груди’ начальный кластер $*pst-$ является результатом упрощения праязыкового композита, а происхождение греч. $\pi\acute{\tau}\alpha\rho\nu\mu\alpha\iota$, $\pi\tau\acute{\alpha}\rho\omega$ ‘чихать’ неизвестно.

Вторая инновация произошла в языках, которые на определенном этапе своего развития содержали редуцированные гласные, которые могли служить вставными в кластерах разной степени сложности, то есть в праславянском и пратохарском. Она обусловила появление таких форм, как праслав. $*bъzděti$ / $*ръzděti$ ‘пускать ветры’ и тох. А $r\acute{a}ss\acute{a}m$ (дуалис) ‘женская грудь’, тох. В $r\acute{a}ss\acute{a}ne$ (дуалис) ‘женская грудь’.

Третья инновация ограничивается (индо)иранской ветвью индоевропейских языков. Она затрагивает ряд общеиндоевропейских лексем, которые начинались на *sC-. При переходе и.-е. *s- > и.-ир. š- в иранских языках происходило автоматическое присоединение начального *k-, в результате чего возникли иранские кластеры структуры xšC- (авест. xšuaš- ‘шесть’, авест. xšvīd- ‘молоко’). Действие этого правила определено достаточно позднее, поскольку оно затронуло также случаи, в которых š- является одним из рефлексов палатальных гуттуральных (авест. xšnā- ‘знать’). В двух из четырех рассмотренных случаев (*(k)sueks ‘шесть’ и и.-ир. *(k)suaṛ- ‘бросать, швырять’) переход *s- > совр. ир. š-, обычно происходящий в иранских языках в результате действия правила руки, был вызван диссимиляторными процессами.

Таким образом, единственно возможными праязыковыми кластерами с тремя согласными могут быть те, что имеют структуру *sPR- (где R также включает в себя глайды, как показывает корень *spṛeḥ(H)- ‘плевать’); также восстанавливается кластер *h₂st- в праиндоевропейском обозначении ‘звезды’, в котором, впрочем, после ларингала еще в праязыке мог быть эпентетический гласный.

Глава 3

Начальные кластеры структуры *zV^(h)-

3. 0. Вступление

В праиндоевропейском *s является единственным звуком, о котором мы можем утверждать с определенностью, что он был спирантом. В консонантных кластерах в инлауте данный звук имел звонкий аллофон z-; последний появляется в таких праязыковых лексемах, как:

*nizdó- ‘гнездо’: др.-инд. nīdá- ‘ложе, гнездо’, арм. nist ‘место, положение, резиденция’, лат. nīdus ‘гнездо’, ср.-ирл. net ‘гнездо’, др.-англ. nest ‘гнездо’, лит. lizdas ‘гнездо’, ст.-слав. гнѣздо ‘гнездо’ [МА 1997: 393]. Данный перечень соответствий не включает тох. В lesto ‘гнездо’ – последнее слово этимологически связано с др.-прусс. lasto ‘ложе, кровать’ и восходит к праформе *log^h-steh₂- [Adams 2013: 609]. Само имя *nizdó- традиционно интерпретируется как *ni-sd-ó-, где *ni- является приставкой ‘вниз’, а *-sd- представляет собой нулевую ступень корня *sed- ‘сидеть’. Р. Матасович справедливо отмечает, что подобная трактовка неприемлема, ведь в праязыке больше не засвидетельствованы приставочные образования, а собственно приставки независимо развиваются в отдельных языках из застывших падежных форм, употреблявшихся в качестве наречий [Matasović 2008: 246-247; Matasović 2009: 292]. Впрочем, альтернативная реконструкция *h₂ni-sd-o- (где h₂ni- представляет собой «застывший локатив архаичного корневого имени, от которого мы также имеем греч. ἄνω ‘вверх,верху’»), предлагаемая указанным автором [Matasović 2009: 292], сама является уязвимой хотя бы по причине того, что в армянском нет ожидаемой протезы.

На наш взгляд, праязыковое обозначение гнезда могло и не иметь никакого отношения к корню *sed- ‘сидеть’. Кажется, древнеиндийская и армянская формы косвенно доказывают подобное предположение.

Примечательно, что в этих группах наличествуют, соответственно, глаголы *ni-ṣad-* ‘садиться (вниз), присаживаться’ и *nstim*, инф. *nstel* ‘сидеть, садиться’, и именно в них продолжения праформы **nizdó-* имеют первое значение, отличное от ‘гнездо’ и, по существу, производное от семантики вышеназванных глаголов, в то время как во всех остальных языках наблюдается единственное конкретное значение ‘гнездо’. Подобная ситуация может указывать на переосмысление праформы **nizdó-* ‘гнездо’ в древнеиндийском и армянском как производной от др.-инд. *ni-ṣad-* и арм. *nstim*, инф. *nstel*.

h₂ózdó-* ‘ветвь’: хетт. *hasduēr-* ‘ветви, прутья; хвост’ (< **h₂e/ozd-uer-*), греч. ὄζος ‘ветвь’, др.-арм. *ost* ‘ветвь’, гот. *asts* ‘сук’, др.-англ. *ōst* ‘сучок’ (с продленной ступенью) [МА 1997: 80]. Существует попытка объяснения данной лексемы как композита вида **h₂ó-sd-o-* вслед за интерпретацией **ni-sd-ó-*, буквально ‘место, на котором можно сидеть’ [там же]. Кроме того, имеется интересная трактовка, принадлежащая А. Лубоцкому и А. Клухорсту, согласно которой данное слово родственно др.-инд. *ádga-* ‘тростник’, перс. *azg* ‘ветвь’ < **Hodsg^(u)o-* и др.-ирл. *odb* ‘узел’ < **osbo-* < **Hosg^uo-*⁷⁶ и представляет собой праязыковой композит, предположительно реконструируемый в виде **h₃esth₁-g^uo-* (h₃esth₁-* означает ‘кость’)⁷⁷ [Lubotsky apud Kloekhorst 2008: 326-327]. Праформа же хетт. *hasduēr-* в таком случае – **h₃esth₁-g^uer-*, где первый элемент – **h₃esth₁-* ‘кость’, а второй – **g^uer-* ‘вершина, верхушка’ [Kloekhorst 2008: 327].

**g^heizd-*: др.-инд. *hédā-s* ‘злость, гнев’, авест. *zōiždišta-*, суперлатив от *zōiṣənu* ‘пугающий, дрожащий’ (за авестийским написанием *-ōi-* в данном случае стоит иранский дифтонг *-ai-* [de Vaan 2003: 352]), др.-ирл. *goite* ‘раненый’, др.-в.-нем. *geist* ‘дух’, лит. *žaidà* ‘рана’ (?) [Brugmann 1897: 723;

⁷⁶ Х. Педерсену принадлежит реконструкция **ost^h-b^h-* [Pedersen 1909: 88; Льюис-Педерсен 1954: 40].

⁷⁷ Для индоиранского необходимо предполагать метатезу.

МА 1997: 214]. По всей видимости, этот корень является производным от корня *ǵ^heis- ‘пугать’, представленным авест. zaēša- ‘ужасный, ужасающий’ и гот. us-gaisiþs ‘напуганный’ [МА 1997: 214].

*mezg- ‘погружать(ся) в воду’: др.-инд. májjati ‘тонет’, лат. mergō, -ere ‘погружать в воду, окунать, топить’, лит. mazgóju, mazgóti ‘мыть, стирать’, лтш. mazgāt ‘то же’ [МА 1997: 160].

*mezg-2 ‘завязывать’, mozgo- ‘узел’: лит. mezgù, mègsti ‘завязывать узел’; тох. А masāk, тох. В meske ‘сустав; часть; звено’, др.-исл. mǫskvi, др.-в.-нем. masca ‘петля’, лит. mǎzgas ‘узел’ [МА 1997: 571].

*rezg- ‘прут, веревка’: др.-инд. rájju- ‘веревка’, перс. rayza ‘сукно’, др.-англ. resc(e) ~ ris(c) ‘тростник’, лит. rezg(i)ù, règzti ‘вязать, плести’, ст.-слав. розга ‘ветвь’ [МА 1997: 571].

*mizd^hó- ‘награда’: др.-инд. mīdhá- и mīlhá- н. ‘состязание; награда’, авест. mīžda- ‘награда, подарок’, греч. μισθός ‘оплата, жалованье; вознаграждение, награда’, гот. mizdō ‘оплата, награда’, ст.-слав. мьзда ‘оплата, вознаграждение; подарок, взятка’ [МА 1997: 484].

*mozg^hó- ‘сердцевина, (костный) мозг’: др.-инд. majjá- ‘костный мозг’, авест. mazga- ‘мозг’, др.-исл. mergr ‘костный мозг’, др.-прус. musgeno ‘костный мозг’, ст.-слав. мозгъ ‘мозг’ [МА 1997: 370].

Порядок процитированных примеров в целом следует порядку, которого придерживался К. Бругман во втором издании «Очерка сравнительной грамматики индоевропейских языков» [Brugmann 1897: 723-724].

Рефлексы звонкого аллофона праиндоевропейской фонемы *s, соответственно, распределяются по группам индоевропейских языков следующим образом:

Хетт. š (s). Как часто бывает с хеттским материалом, мы не в состоянии однозначно определить, был ли в хеттском данный звук звонким: в таких формах, как hasduēr- < * h₂ózdo-; тем не менее, справедливо замечание К.

Мельчерта о том, что нет причины не реконструировать звонкий *z* для протоанатолийского, соответственно, в случае хеттского речь идет исключительно о графической передаче *z* с помощью *š* (*s*) [Melchert 1994: 63];

Тох. *s* (тох. А *masäk*, тох. В *meske* ‘сустав; часть; звено’).

В древнеиндийском в период, предшествующий составлению Ригведы, звуки *z* и *ž* полностью исчезают, вызывая одновременное компенсаторное удлинение предшествующего гласного и церебрализацию последующего дентального согласного (др.-инд. *nīdā-* ‘ложе, гнездо’). Кластеры структуры **-zG^(h)*- дают одинаковый результат *-jj-*.

Ир. *z* (авест. *mazga-* ‘мозг’) и *ž* (авест. *mīžda-* ‘награда, подарок’).

В греческом имеется два рефлекса: обычно *σ* (могущее иметь фонетическое значение [*s*]), как в *μισθός*, а также [*z*] в таких словах, как *μίσγω* ‘смешивать’); сочетание **zd* переходит в *ζ*. Стоит отметить, что греческая буква *Z ζ* изначально должна была обозначать звуко сочетание [*zd*], как показывают примеры вроде *θύραζε* ‘вон, прочь’, буквально ‘в двери’ < *θύρα* + *δε* и собственно слова вроде *ὄζος* ‘ветвь’ [Allen 1968: 53-56], соответственно, речь скорее не о звуковом переходе **zd > ζ*, а о сохранении сочетания **zd* в греческом.

Арм. *s* (*nist* ‘место’, *ost* ‘ветвь’).

В латинском в одном случае *-z-* выпадает с последующим компенсаторным удлинением (лат. *nīdus* ‘гнездо’), в другом – ожидаемо переходит в *-g-* (лат. *mergō*, *-ere* ‘погружать в воду, окуна́ть, топить’).

В кельтских языках наличествуют следующие рефлексы: в галльском присутствует написание *s*, в островных кельтских *z* всюду дал **đ*: др.-ирл. *medc*, ср.-ирл. *medg* ‘сыворотка’ при галл.-лат. **mezga* (ст.-фр. *mègue* ‘сыворотка’); данное слово родственно греч. *μίσγω* ‘смешивать’ [Льюис-

Педерсен 1954: 39-40]. Сочетание *zd > *dd > др.-ирл. t (net ‘гнездо’), брит. [p] (валл. nyth ‘гнездо’) [Льюис-Педерсен 1954: 40].

В готском языке z сохраняется в сочетании со звонкими согласными, происходящими из праиндоевропейских звонких придыхательных (гот. mizdō ‘оплата, награда’), но переходит в s в соседстве с глухими, происходящими из обычных звонких по закону Раска-Гримма (гот. asts ‘сук’); в других германских языках наблюдается ротацизм в случае сохранения z; *zD дает sT (D – любой звонкий смычный, T – любой глухой смычный) и в других германских языках (др.-англ. nest ‘гнездо’). Подробное обсуждение рефлексов в [СГГЯ-2 1962: 56-58].

Балт. z (др.-прус. musgene ‘мозг’, лит. lizdas ‘гнездо’, mǎzgas ‘узел’).

Слав. z (ст.-слав. гнѣздо, мьзда).

Также список рефлексов и.-е. *z, обсуждение его фонетического облика и ссылки в работах [Фортуатов 1956: 430-432; Kobayaschi 2004: 107].

Помимо инлаутных кластеров, звонкий аллофон индоевропейской фонемы *s может теоретически содержаться на конце слова в ряде случаев: например, им. п. *rod-s ‘нога’ мог фонетически реализовываться как [rodz]. Также фонема *s могла фонетически реализовываться как [z] в окончаниях вида -Ns, по крайней мере некоторых: например, Г. Э. Расмуссен отмечает разницу между вед. (vrtra)-há- ‘убийца (Вритры)’ (< *g^{uh}en-s) и á-han 2 л. ед. ч. имперфекта ‘ты убил’ (< *g^{uh}en-s) и предполагает, что в первом случае речь идет о фонетической реализации *[g^{uh}en-z] [Rasmussen 1989: 142].

В то время как реконструкция звонкого аллофона s- в инлауте бесспорна и теоретически допустима для конца слова в некоторых случаях, для абсолютного начала слова она в определенной степени сомнительна, что будет показано рассмотрением соответствующего материала.

Очевидно, что начальные кластеры структуры *zD^(h)- могли бы появиться в праязыке по ряду причин:

1) в результате образования нулевых ступеней от корней вида $seD^{(h)}$ -, которые в некотором количестве присутствуют в праязыке. Например, в греческом и авестийском есть глаголы, образованные от индоевропейского корня $*se\hat{g}^h$ - ‘хватать, овладевать’, у которых засвидетельствованы формы с нулевой ступенью в абсолютном начале слова (греч. ἔχω ‘держать, иметь’ – аористный императив σῆξ, аористный инфинитив σῆϊν, аористный оптатив σῆϊν и т. д.).

2) на стыке корневой морфемы, состоящей только из -s (фактически, речь может идти только о корне $*es$ -, реконструированном без ларингала) и суффикса или флексии, начинающейся со звонкого смычного согласного (как придыхательного, так и непридыхательного).

3) кроме того, существуют и достаточно труднообъяснимые случаи, когда на синхронном уровне в одном из индоевропейских языков⁷⁸ присутствует начальный кластер вида zD -. Классическим примером может служить греч. σβέννυμι ‘гасить’, форма, родственная лексемам, производным от праиндоевропейского корня $*g^ues$ - ‘гасить’.

Традиционно исследователи считают образование подобных нулевых ступеней праиндоевропейским явлением. Во втором издании «Очерка сравнительной грамматики индоевропейских языков» К. Бругмана перечисляются следующие случаи:

$*z-g^ues$, $z-g^ue$ -: греч. σβέσσαι, ион. σβῶσαι ‘гасить, тушить’; К. Бругманн считает формы глагола σβέννυμι расширением корня $*seg^u$ - (не отрицая этимологической связи со ст.-слав. гасити ‘гасить’ [Brugmann 1897: 590]);

$*z-d^hi$ ‘будь’ (от корня $*es$ - ‘быть’): авест. zdī ‘будь’, греч. ἴσθι ‘будь’;

$*z\hat{g}^h$ -, нулевая ступень корня $*se\hat{g}^h$ - ‘хватать, овладевать’: авест. 1 л. мн. ч. оптатива zaēta ‘мы хотим схватить, удержать’ (< $*z\hat{g}^hoi$ -) [Brugmann 1897: 723-724].

⁷⁸ Как будет показано ниже, данное явление ограничено древнегреческим и древнеиранским (авестийским).

Е. Курилович считает нулевую ступень $*s\hat{g}^h-$, представленную греч. $\sigma\chi\epsilon\acute{\iota}\nu$ ‘иметь’ от уже упомянутого выше корня $*se\hat{g}^h-$ ‘хватать, овладевать’ закономерным праязыковым наследием [Kuryłowicz 1956: 108].

Такого же мнения придерживаются Т. Гамкрелидзе и В. В. Иванов в своем труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [ГИ 1984]. В главе, посвященной условиям появления нулевой ступени огласовки (обсуждаются корни структуры $*CeC-$, $*seC-$ и $*Ces-$), утверждается, что «особенно хорошо обнаруживаются древние индоевропейские чередования полной и нулевой ступеней в корневых структурах с начальным спирантом s-» [ГИ 1984: 152].

Тем не менее, примеры, приводимые исследователями, в которых нулевая ступень оказывается непосредственно в инлауте, также ограничиваются греческими и индоиранскими (это формы, образованные от корней $*seg-$ ‘примыкать’ и $*se\hat{g}^h-$ ‘хватать, овладевать’).

Мы рассмотрим все возможные случаи реконструкции начальных кластеров вида $*zD^h-$ в индоевропейских языках с целью установить, было ли их появление возможно в праязыке или ограничено только рассматриваемой диалектной общностью.

3. 1. $*(h_1)s-d^h\acute{i}$ 2 л. ед. ч. акт. императива ‘будь’

$*(h_1)s-d^h\acute{i}$ – др.-инд. с, авест. $zd\acute{i}$, греч. $\acute{\iota}\sigma\theta\acute{\iota}$ ‘будь’.

Первое, что необходимо уточнить – данная форма имеет непосредственное отношение к нашему исследованию и в том случае, если верна реконструкция $*h_1es-$, и в том, если в данном корне не нужно восстанавливать ларингал [ГИ 1984: 217-218; Vammesberger 1984: 36-40, 72]. В первом случае начальный кластер будет выглядеть как $*h_1zd^h-$ и представлять собой единственный пример начального кластера структуры $*HzC-$, во втором мы будем иметь дело с начальным кластером $*zd^h-$.

Впрочем, реконструкция данного корня с начальным ларингалом предпочтительна ввиду вед. $\acute{a}sant$ ‘не сущий’ < $*\eta_0-h_1sent-$ и греческих форм с

нулевой ступенью *es-, которые в противном случае надо было бы объяснять при помощи аналогии [LIV 2001: 242].

Необходимо сразу отметить, что реконструкция рассматриваемой формы второго лица единственного числа императива глагола «быть» основывается исключительно на греческой и индоиранских формах. В других индоевропейских языках для второго лица единственного числа императива от глагола 'быть' употребляются отличные от *(h₁)z-d^hi- формы. Подобную ситуацию можно было бы сразу расценить как свидетельство инновационной природы данной формы. С другой стороны, невозможно исключить, что именно в греческом и индоиранском сохранилось архаичное образование. Для установления правильности того или другого предположения необходимо рассмотреть способ образования форм императива второго лица единственного числа в индоевропейских языках и собственно интересующие нас образования.

Традиционно считается, что активный императив второго лица единственного числа в праиндоевропейском обычно представлял собой чистый глагольный корень как для тематических (греч. φέρε 'неси'), так и для атематических глаголов (лат. і 'иди'). В то же время отмечается, что активные атематические императивы второго лица единственного числа иногда имеют формы, образованные по схеме «нулевая ступень корня» + флексия *-d^hi, ср. греч. ἴθι и ст.-слав. иди 'иди' [Clackson 2007: 128; Jasanoff 2006: 203]. Распространение императивного окончания *d^hi- предполагает праязыковую природу: оно встречается в хеттском (ср. ἰт 'иди' < *i-d^hi-), индоиранских и греческом, а также, согласно одной из точек зрения, в славянских языках, где на базе таких императивных форм, как *idi < *i-d^hi- 'иди', могли быть образованы новые презенсы с формантом -d- (*i-d-ṛ 'иду')

[Orel 2000: 180]⁷⁹. Здесь необходимо сказать, что в хеттском проблематично отсутствие конечной гласной, в связи с чем предлагались различные решения [Tischler-1 1983: 441; Melchert 1994: 118, 131]; таким образом, несмотря на согласие исследователей относительно происхождения хеттского окончания -t из *-d^{hi}, оно в определенной степени сомнительно.

Если говорить про интересующий нас императив ‘будь’, для его образования в анатолийских и италийских языках применяется первый способ, то есть чистая основа: хетт. e-es, палайск. a-aš ‘будь’. Анатолийским формам в точности соответствует латинская: es ‘будь’.

В остальных индоевропейских языках словоформа со значением ‘будь’ образуется альтернативными способами. В армянском имеется форма ег, используемая только в словосочетании ој ег ‘будь здоров, здравствуй’, в остальных случаях используется форма глагола linim, инф. linel ‘быть; стать, становиться’ [Sterling 2004: 13].

В тохарских языках (и в А, и в В) для императива, а также для конъюнктива и претерита используются формы основы tākā- < *(s)teh₂-k- [Adams 2013: 367-368].

Албанская форма 2 л. ед. ч. императива – jī, соответственно, она образована от полной ступени корня *es- (алб. jam ‘я есмь’ < *h₁es-mi и т. д.) и скорее всего является албанским новообразованием.

В кельтских языках употребляются формы императива от супплетивного корня *b^heuH- ‘становиться, быть; расти’ [Льюис-Педерсен 1954: 373].

В германских языках засвидетельствованы только остаточные формы, восходящие к и.-е. *h₁es-, и среди них нет форм императива (например, в

⁷⁹ Традиционно считается, что славянский императив продолжает формы праязыкового оптатива, соответственно, имеет окончания *-ь/ -i < *i-/ -ī, а глагольные основы *id- *bqd- и т. д. являются собственно славянскими новообразованиями с формантом -d- неизвестного происхождения [Вайан 1952: 251-255].

готском языке для императива глагола *wisan* употребляются формы оптатива [Krahe 1948: 140], а в древнеанглийском императив глагола *wesan* ‘быть’ – чистый корень *wes*).

В балтийских языках императивы образуются также без каких-либо следов употребления форманта $*-d^hi$ (они либо образованы, как и в славянских языках, от праязыкового оптатива, либо при помощи употребления форманта $-k-$ / $-ki-$), и императив глагола ‘быть’ также образуется от корня $*b^heH-$ [Stang 1966: 421-443].

В славянских языках, как и в кельтских, интересующий нас императив образован от супплетивного корня $*b^heH-$ ‘становиться, быть; расти’: в старославянском наличествует форма *бжди*. Архаичная форма оптатива 2 л. ед. ч. засвидетельствована в старославянской частице *си* в значении ‘или (же), либо’ $< *h_1s-ih_1-$ [LIV 2001: 242].

Теперь можно приступить к рассмотрению интересующих нас греческой и индоиранских форм.

Что касается греческой и авестийской форм, ряд исследователей полагает, и это само собой разумеющаяся реконструкция, что они должны восходить к прототипу $*h_1s-dh_1$ с нулевой степенью корня [Rix 1992: 80; Kloekhorst, в печати]. Что касается авестийского слова, такая его интерпретация не вызывает проблем. Несколько сложнее трактовка греческой формы.

Что касается греческого ударения на первом слоге, то рассмотрение ряда греческих императивов второго лица *φάθι* ‘говори’, *ἴσθι* ‘знай’, *ἴθι* ‘иди’ с нулевыми степенями в корне (ср. др.-инд. *ihí*, авест. *idī* и т. д.) заставляет прийти к выводу, что в греческом ударение передвинулось на первый слог, а изначально было на последнем.

Основную проблему представляет гласный *i* первого слога.

А. Клухорст считает появление протетического *í* при выпадении ларингала в триконсонантном сочетании в греческом языке фонетически

закономерным (еще одним сходным по форме примером для него служит слово ἵπλος ‘конь’, из *h₁k₂uо-s, ср. лув. azu, лик. esb ‘конь’) [Kloekhorst, в печати: 10-11]. Сходную позицию занимает К. Боззоне, которая считает *i* schwa secundum в триконсонантном кластере [Bozzone 2013: 10-11]. Надо отметить, что первенство в данном случае принадлежит Г. Гюнтерту, который реконструировал schwa secundum в этих словах еще в 1916 году [Güntert 1916: 20-25].

Проблема данной интерпретации состоит в том, что в греческом существуют формы, которые указывают на возможность «вокализации» ларингала именно в таком контексте (h₁CC-). Речь идет об эпической форме имперфекта ἔσκε ‘бывал’, восходящей к и.-е. *h₁s-ské/ó- [LIV 2001: 241-242]. Безусловно, можно было бы полагать, что данная форма является аналогической, однако достаточно удивительным будет тот факт, что в императиве не подействовала эта же аналогия, особенно если учесть, что ἴσθι ‘будь’ – омоним формы ἴσθι ‘знай’ от οἶδα ‘знать’.

Таким образом, объяснение начального тембра *i* в рассматриваемой форме с помощью schwa secundum нельзя назвать однозначно верным.

Еще одна возможность интерпретации формы ἴσθι ‘будь’ – предположение о том, что данная форма происходит от праформы *h₁es-dhí- с полной ступенью корня, а начальный *ε* переходит в *i* из-за определенного фонетического контекста. Своеобразный «итацизм» предполагался для греческого в ряде случаев, где можно усмотреть воздействие следующего за изначальным *ε* сибиллянта (ион. ἰστίη наряду с ἐστία ‘очаг’; эол. гом. πίτυρες ‘четыре’ наряду с λέστυρες, τέτταρες и т. д.) или же звука *i* в последующем слоге (греч. λικριφίς ‘в сторону, сбоку’ наряду с λέχριος ‘косой’) [Schwyzer 1939: 351]. Подобное объяснение также не лишено недостатков: во-первых, все перечисленные примеры уже Г. Гюнтертом также рассматриваются, как случаи schwa secundum [Güntert 1916: 19-31], а во-вторых, изменение *ε* в *i* в подобном фонетическом контексте будет спорадическим (ср. εἶμι ‘я есмь’ <

*h₁és-mi), и отклоняющиеся случаи либо опять же придется объяснять малоправдоподобной аналогией, либо считать равно закономерными, что одинаково плохо.

Таким образом, греческая форма, вероятно, как и авестийская, восходит к *h₁z-d^hí-, но тембр начального гласного не поддается однозначному объяснению.

Древнеиндийская форма с синхронической точки зрения очевидным образом является сочетанием полной ступени as- 'быть' и суффикса *-dhi. Учитывая тот факт, что в индоарийской ветви на достаточно раннем этапе независимого развития звуки z и ž полностью исчезают, нетрудно заключить, что edhí 'будь' – это поздняя форма, заместившая фонетически закономерное продолжение праформы *h₁zd^hí-, которая должна была бы развиться в #dhi, образование, практически совпадающее с формантом императива и полностью ассимилированным корнем и поэтому морфологически непрозрачное. В связи с этим нулевая ступень была заменена на полную as-, а фонетически доказывает данный сценарий тот факт, что в форме edhí не произошел переход *sdh- > *zd^h- > dh- (соответственно, соединение морфем as- и dhi- относится к относительно позднему времени).

Анализ индоиранских и греческой форм императива глагола 'быть' *h₁zd^hí- приводит к следующим выводам:

1. Форма императива *h₁zd^hí- теоретически может быть праязыковой, однако наличие в анатолийских языках и латинском форм, восходящих к *h₁es-, может свидетельствовать в пользу диалектного характера рассматриваемого образования.

2. Начальный кластер *h₁zd^h- мог наличествовать в праязыке (ср. *h₂st- в *h₂ster- 'звезда'), а также мог возникнуть в рассматриваемой нами греко-индоиранской диалектной общности.

3. Примечательна авестийская форма *zdī*, поскольку в других древних индоевропейских языках на синхронном уровне (за исключением греческого) в абсолютном начале слова запрещены подобные кластеры.

4. Начальный гласный греческой формы *ἴσθι* не поддается однозначной интерпретации.

5. Древнеиндийская форма *edhī* – относительно позднее индоарийское новообразование, связанное с утратой звонких спирантов *z* и *ž*.

3. 2. **zg^hes(h₂)*- ‘гасить’

Праиндоевропейский корень **g^hes(h₂)*- реконструируется на основании следующих языковых данных: хетт. *kišt-* ‘(по)гасить’ (?), тох. АВ *kās-* ‘исчезать, угасать; гасить’, др.-инд. *jasate/ jasyati* ‘быть истощенным, изнемогать’, также вед. аор. *dasat* ‘изнемог’ и другие формы с *das-*, греч. *σβέννυμι* ‘гасить’, Нес. *ζεῖνωμεν σβέννυμεν* ‘мы гасим’, гот. *qistjan* ‘разрушать’, лит. *gęs(t)ù, gèsti* ‘гаснуть, потухать’, ст.-слав. *оу-гасити, по-гасити* ‘погасить’, неогасимь ‘неугасимый’ [IEW 1959: 479; MA 1997: 188; LIV 2001: 541-543].

В данном ряду когнатов на лабиовелярный однозначно указывают только греческие и германские формы (правда, статус последних неясен). Хеттские и тохарские формы при реконструкции лабиовелярного не должны рассматриваться как родственные корню **g^hes(h₂)*-: они вместе могут относиться к праформе **ges-*. С другой стороны, все формы без греческих и германских могут быть возведены к прототипу **ĝes-*. Рефлекс **g*, а не **z* в славянских и балтийских языках может объясняться как результат неполной сатемизации. Такую трактовку предлагал Э. Зебольд [Seebold 1982-1983: 36-38]. Если верна последняя интерпретация, реконструкция **zg^hes(h₂)*- лишается основания. В то же время, поскольку в таком решении нет полной уверенности, мы рассмотрим греч. *σβέννυμι* ‘гасить’ как возможный когнат других приведенных форм.

Как показывает Дж. Джэзнов, реконструкция второго ларингала в рассматриваемом корне не нужна: глагольные формы тохарских, ведийского и греческого с *ā не претендуют на праязыковую древность [Jasanoff 2008: 156].

Наконец, начальный z- данного корня реконструируется только на основании греческих форм. Подобное обстоятельство, на наш взгляд, скорее указывает не на s-mobile или праязыковой начальный кластер *zg^h-, где z – остаток префикса ἐξ-, а на собственно греческое происхождение анлаута σβ-.

Существует два основных варианта объяснения начального σβ- на греческой почве:

1. Старое предположение о том, что формы, производные от корня *g^hes-, контаминировали с нулевой ступенью глагола σέβομαι ‘почитать’, корень которого, как показывает каузатив σοβέω ‘быстро, энергично двигаться; гордо идти’ и древнеиндийские соответствия (др.-инд. tyaj- ‘покидать, оставлять (также в беде); грешить’), изначально имел семантику, связанную с движением [Brugmann 1897: 723; Siebs 1904: 298].

2. Признание аориста ἔ-σβη ‘погас’ исходной формой, в которой появился рассматриваемый кластер, затем распространившийся по парадигме в том числе и на формы, где он стал начальным, в результате метатезы *g^hs- > σβ- [Schmidt 1976: 41; Jasanoff 2008].

Невозможно определить с уверенностью, какое из этих объяснений стоит предпочесть. Контаминация с σέβομαι – привлекательное и простое решение, однако нельзя не отметить, что нулевая ступень σβ- может быть только собственно греческой (корень восстанавливается как *tieg^h-), а в греческом языке остаются только некоторые следы исходного значения.

Второй вариант объяснения тоже сопряжен с формальными трудностями: метатеза с сохранением звонкого β < *g^h не мотивирована; с точки зрения греческой исторической фонетики ожидалось бы стандартное развитие *g^hs- > ψ-.

Тем не менее, несмотря на названные трудности, оба объяснения на основании собственно греческих данных кажутся перспективнее, чем попытка приписать начальный z- праязыку.

Более того, в самом греческом с древних пор параллельно с формой, содержащей начальный z-, имелись продолжения и.-е. *g^hes- без начального спиранта. Это доказывает глосса ζείναμεν [d^zénamen], которую Х. Л. Гарсия Рамон трактует как йотацистическую аркадскую форму с палатализацией *g^h > ζ [d^z] [García Ramón 1982: 106-108].

На основании анализа языковых данных можно утверждать, что появление начального z- в σβέννυμι ‘гасить’ является исключительно греческой чертой и не может быть экстраполировано на праязыковое состояние.

3. 3. Нулевая ступень корня *seg^{(u)h}- ‘выносить, переносить’

В полной степени корень засвидетельствован в др.-инд. saghnóti ‘выносит, переносит’ (такое значение этот глагол имеет в Ригведе, места RV 1, 31, 3; RV 1, 57, 4); он не является родственным с корнем sah- ‘удерживать’ < и.-е. seǵ^h- ‘хватать, овладевать’ [EWAia II 1996: 686].

Нулевая ступень засвидетельствована в авест. a-zgata- ‘непобедимый (в битве)’ (гапакс, им. п. azgatō Yt. 13, 107) (?) [Bartholomae 1904: 228; EWAia II 1996: 686]. Примечательна формальная и семантическая близость авест. azgata- и др.-греч. ἄσχυτος ‘неудержимый’, хотя последнее слово и относится к ἔχω ‘держат, иметь’ [DELG 1968-1980: 393].

На реконструкцию *g^{uh}- в рассматриваемом корне может указывать сопоставление авест. azgata- с греч. σθένος ‘сила (физическая)’ < *sg^{uh}-én-o-. Данную этимологию предложил Дж. М. Боллинг [Bolling 1900], который, правда, считал ведийские формы от saghnóti относящимися к *seǵ^h- ‘удерживать, овладевать’ и полагал, что нулевая ступень в праформе

появилась лишь в результате потери гласной в безударной позиции. С современной точки зрения наличие нулевой ступени в подобном имени наряду со странным для греческого суффикса *-έν- труднообъяснимо [Beekes 2010: 1326]. Несмотря на слабость данной конкретной этимологии, стоит отметить, что для начального кластера σθ- в греческом достаточно ожидаема реконструкция *sg^{uh}-, поскольку словам с начальным sth- в древнеиндийском соответствуют греческие со στ-, а возможность появления начального кластера *sd^h- в праязыке сама является проблемой, как покажет дальнейшее изложение.

Впрочем, еще один возможный начальный кластер теоретически мог дать греч. σθ-: это *zġ^hϰ- < *sġ^hϰ- (ср. греч. θήρ ‘животное, зверь’ < *ġ^hϰér- ‘дикое животное’). Анализ греч. σθένος < *zġ^hϰénos- < *sġ^hϰénos- позволяет рассматривать данную лексему как производное от корня *seġ^h-. Впервые такая интерпретация была предложена Э. Зебольдом [Seebold 1983: 32]. Его идеи в значительной мере развил А. Нуссбаум, который считает вероятными два деривационных сценария:

1) сущ. *sġ^hϰénos- ‘сила’ < прил. *sġ^hϰenó- < косвенная основа существительного *sġ^hϰén- (им. п. *seġ^hϰr̥-);

2) абстрактное сущ. *sġ^hϰénos- ‘сила’ < прил. *sġ^hϰno- ‘сильный’ [Nussbaum 1998: 525-526].

А. Нуссбаум отдает определенное предпочтение второму варианту анализа данного слова [Nussbaum 1998: 534]. Сложнее только определить, от какой основы должно было образоваться прилагательное *zġ^hϰno-: от *zġ^hϰ- или от *zġ^hϰén-. На наш взгляд, можно предполагать, что основа *zġ^hϰ- была образована на прагреческой почве, а затем от нее были образованы формы *zġ^hϰno- ‘сильный’ и *zġ^hϰéne/os- ‘сила’. Продолжением последней в таком случае и является греч. σθένος ‘сила’.

Какой бы ни была этимология греч. $\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, у данного слова нет однозначных внешних соответствий, которые бы содержали начальный кластер структуры $*zG^{(h)}(\text{ц})$ -.

Таким образом, рассмотренные иранская и греческая формы с большой долей вероятности содержали праязыковой начальный кластер структуры $*zB^{(h)}$ -.

3. 4. Нулевая ступень корня $*se\hat{g}^h$ - ‘хватать, овладевать’

Праиндоевропейский корень $*se\hat{g}^h$ - засвидетельствован в достаточно многочисленных глагольных основах древнеиндийского и греческого языков (формы глаголов $sáhati$ ‘побеждать; быть в состоянии; выносить’ и $\acute{\epsilon}\chi\omega$ ‘держат, иметь’ соответственно) [LIV 2001: 515-516]. За пределами древнеиндийского и греческого глаголы с этим корнем встречаются в тохарских А и В $sāk$ - ‘удерживать’ и в хеттском деноминативном $sakkuṛiya$ - ‘побеждать, одолевать’ (от $*se\hat{g}^h\text{ur}_\circ$ -, ср. др.-инд. $sáhuri$ - ‘могущественный, победоносный’, греч. $\acute{\epsilon}\chi\upsilon\rho\acute{\varsigma}$ и $\acute{\omicron}\chi\upsilon\rho\acute{\varsigma}$ ‘сильный, крепкий; безопасный’); кроме того, на основании др.-инд. $sáhas$ - ‘победа’, авест. $hazah$ - ‘могущество, власть, насилие’ и гот. $sigis$ ‘победа’ восстанавливается праязыковое имя $*se\hat{g}^hes$ - [MA 1997: 123-124; Nussbaum 1998].

В греческом от глагола $\acute{\epsilon}\chi\omega$ образован ряд форм с нулевой ступенью в абсолютном начале слова: аористный императив $\sigma\chi\acute{\epsilon}\varsigma$, аористный инфинитив $\sigma\chi\acute{\epsilon}\iota\nu$, аористный оптатив $\sigma\chi\omicron\iota\eta\nu$, будущее время $\sigma\chi\acute{\eta}\sigma\omega$ и т. д. Более полный список основ в работах [VG 1984: 637-638; Beekes 2010: 490-491].

Исследователи младограмматического периода сравнивали формы греческого глагола $\acute{\epsilon}\chi\omega$ в нулевой ступени с рядом авестийских глагольных форм, возводившихся к виртуальному haz - = вед. sah - ‘удерживать’ (Х. Бартоломэ к этому корню причисляются только презентные основы za -, zaz - и перфектная zaz - < $*se-s\hat{g}^h$ - [Bartholomae 1904: 1795]).

Так, К. Бругманн и Х. Бартоломэ усматривали в *zaēmā* Y. 41, 4 форму оптатива от корня *haz-*, происходящую, как и греч. *σχοίην*, из праформы **sġ^hoi-* [Brugmann 1897: 723; Bartholomae 1904: 1651, 1795]. Тожество 1 pl. opt. *σχοίμην* = авест. 1 pl. opt. *zaēmā* фигурирует также в этимологическом словаре греческого языка Э. Буасака [Voisacq 1916: 302].

Тем не менее, К. Хоффманн показал в своих работах, что на самом деле значение ‘выигрывать, завладевать’, которое наблюдается у презентной основы *zaz-*, выводимо из значения ‘оставлять, покидать’: в ведийских текстах глагол *hā-* (презент *jāhāti* ‘оставляет’) употребляется в техническом значении ‘оставлять позади соперников в конных состязаниях’; соответственно, все формы, которые Х. Бартоломэ относил к производным от глагольного корня *haz-* ‘удерживать, обладать’, не могут быть отделены от авест. *zā-* = вед. *hā* ‘оставлять, покидать’ [Hoffmann 1954; Hoffmann 1968: 283-284]. Данная интерпретация тем более поддерживается фразой *iriθəntəm xšaθrəm zazāⁱti* Yt. 5, 130 которую не переводит в своем словаре Х. Бартоломэ, но которая легко поддается интерпретации на основании перевода ‘оставляет’ (‘сила, власть оставляет умирающего’), и тем фактом, что и в авестийском, и в ведийском рассматриваемый глагол употребляется с локативом [Hoffmann 1968: 284; Insler 1975: 174]. Трактровка К. Хоффманна поддерживается современными авторитетными изданиями, посвященными авестийской морфологии [Hoffmann-Forssman 1996: 205; Kellens 1984: 358; Kellens-Pirart 1995: 68], хотя в ряде современных сводных работ по индоевропейскому языкознанию встречаются указания на существование авест. *haz-* [MA 1997: 124] и отнесение формы *zaēmā* Y. 41, 4 к данному корню [ГИ 1984: 155].

Из нашего анализа следует, что нулевая ступень в абсолютном начале слова от корня **seġ^h-* за пределами греческого языка не представлена. Кроме того, все греческие формы глагола *ἔχω*, начинающиеся на *σχ-*, являются очевидными новообразованиями [LIV 2001: 515-516].

3. 5. *zg^{uh}- ‘вы’ (косвенная основа)

*zg^{uh}- ‘вы’ (косвенная основа): греч. σφώ ‘вы двое’, арм. je- ‘вы’ (основа косвенных падежей), гот. дат. п. izwis ‘вам’; др.-исл. uðr, др.-англ. iow, eow, др.-фриз. jō, jū, др.-в.-нем. iu ‘вы’ [Schmidt 1978: 218-225].

Впервые подобную реконструкцию данного местоимения первого лица множественного числа предложил Ф. Клуге, который сблизил греч. σφώ ‘вы двое’ с гот. дат. п. izwis ‘вам’, реконструируя первое как *zg^h(ǫ)e-, а второе как *ezg^h(ǫ)e- [Kluge 1908: 65]. Во втором издании «Очерка» К. Бругман подверг критике данное мнение, назвав возведение к предложенным Ф. Клуге праформам «действительно невероятными» («recht unwarscheinlich») [Brugmann 1911: 385]. Сам К. Бругман реконструировал для личного местоимения второго лица множественного числа праформу *ǫe- / *s-ǫe- / es-ǫe- (наряду с *iǫ-, употребляемой в именительном падеже). Для греческой формы он принимает анализ σ-φώ (как в др.-инд. u-bhaú, др.-греч. ἄμ-φω ‘оба’), а появление z в готском он считает результатом диссимиляции [Brugmann 1911: 384-386]. Его реконструкция принята с различными модификациями во многих последующих работах [de Vries 1977: 676; Lehmann 1986: 209; MA 1997: 455; Kroonen 2013: 233].

Реконструкции ударных форм косвенных падежей личных местоимений множественного и двойственного числа посвящена диссертация Дж. Катца, в которой он предлагает для местоимения 2 лица множественного числа реконструкцию *us-ǫé-, по существу параллельную праформе *ŋs-mé- ‘мы’⁸⁰. По мнению исследователя, она подверглась нерегулярной афезе и превратилась в *s-ǫé-, а в греческом и индоиранском благодаря ареальной инновации появилась форма *us-mé- (др.-греч. вин. п. ὑμῶν ‘вам’, др.-инд.

⁸⁰ Реконструкция системы в целом, предложенная Дж. Катцем, опирается на реконструкцию У. Каугилла [Cowgill 1965: 169-170; Katz 1998: 89-95].

yušma-, авест. ušma-, косвенные основы местоимения 'вы') [Katz 1998: 89-106].

Напротив, Г. Шмидт в своей работе, посвященной индоевропейским личным местоимениям, придерживается реконструкции Ф. Клуге, расширяя и дополняя ее: он привлекает для сравнения армянскую косвенную основу $je < *zg^{uh}e^{-81}$ и не исключает возможности, что кельтская праформа *sues- (др.-ирл. sí, валл. chwí 'вы') контаминировала с той, которую он предположил для греческого, армянского и готского [Schmidt 1978: 220]. Похожую по фонетическому облику реконструкцию в уже цитированной нами статье предлагал Э. Зебольд: *zġ^hue-, причем исследователь возводил данное местоимение к основе *zġ^hu- < *sġ^h-u- от и.-е. *seġ^h- 'хватать, овладевать', тем самым постулируя наличие в праиндоевропейском личного местоимения вежливости [Seebold 1984].

На наш взгляд, Дж. Катц справедливо отвергает обе гипотезы (Г. Шмидта и Э. Зебольда) на основании того, что кельтские формы однозначно указывают на праформу *sue-, и в связи с этим приходится либо предполагать для кельтских языков какие-либо незакономерные фонетические изменения, либо отделять кельтские формы от остальных, что невероятно [Katz 1998: 75-77].

В любом случае, если даже верна реконструкция *sg^{uh}(e)- для греческого и армянского, а в кельтских существовала параллельная паронимичная основа, праформа *zg^{uh}e- плохо объясняет готскую и другие германские формы. Во-первых, в готском имеется начальный гласный, происхождение которого не поддается однозначному истолкованию. Далее, К. Т. Витчак предположил, что и.-е. *g^{uh} отражается в прагерманском двояко: как *g перед ударением и как *w в остальных случаях (ср. *dagaz 'день' < и.-

⁸¹ Данный звуковой переход доказывается, по мнению Г. Шмидта, арм. tozi 'теленки' < и.-е. *mozg^hi- с интервокальным переходом j > z, ср. греч. μοσχίον 'теленки' [Schmidt 1978: 220].

е. *d^hog^{uh}ós, но *warmaz ‘теплый’ < и.-е. *g^{uh}ormós) [Witczak 2012]. Поскольку словоформа *sg^{uh}es-, к которой должно восходить гот. izwis, изначально односложна, место ударения устанавливается определенно. Если правило К. Витчака верно⁸², в этом контексте в германских языках ожидалось бы появление *g. Соответственно, этимология Ф. Клуге, развиваемая в дальнейшем с некоторыми модификациями Г. Шмидтом и Э. Зебольдом, не может быть принята.

Наконец, праиндоевропейская реконструкция, которая так или иначе увязывает рассматриваемые формы с *uós- ‘вы’ (то есть *s-ueś- или *us-ue), намного экономнее, а наличие звука *g^{uh}- в основе местоимения выглядит достаточно подозрительно.

В заключение необходимо обратить внимание на этимологию армянской формы, предложенную Дж. Катцем:

je-(z) < *sġ^heġ^hi- < *sueġ^hi- < *s-ueś- (с афerezой) + ġ^hi- << *us-ue [Katz 1998: 133].

Если верен данный сценарий, в армянском имеется один пример начального кластера структуры *zB^(h)-. С другой стороны, на таком анализе армянской формы невозможно настаивать ввиду того, что приходится оперировать необязательной ассимиляцией. Так или иначе, армянская форма является единственным индоевропейским местоимением второго лица, возможно содержащим начальный кластер *zġ^h-.

На основании этих доводов мы считаем реконструкцию Клуге-Шмидта невероятной и не доказывающей наличие начальных кластеров структуры *zB^(h)- в праязыке.

⁸² Необходимо все же отметить, что акцентуация приводимых автором примеров далеко не всегда реконструируется со всей однозначностью.

3. 6. Нулевая ступень корня *seg- ‘вешать, прикреплять; касаться’

Корень *seg- ‘вешать, прикреплять; касаться’ представлен др.-инд. *sájati* ‘вешать’, кауз. *sañjāyati* ‘прикреплять, пристегивать’, др.-перс. *frā-hajam* ‘я вывесил’, ср.-ирл. *sēn* ‘рыболовная сеть’ (< *seg-no-), ср.-верх.-нем. *senkel* ‘круглый ремень’, др.-прусс. *sagis* ‘пряжка’, лит. *segù, sègti* ‘застегивать, прикалывать’, др.-рус. *сагу, сащи* ‘достать, коснуться’, ст.-слав. *саженьь* ‘сажень’ [IEW 1959: 887-888; LIV 2001: 516].

Единственным словом, в котором появляется нулевая ступень рассматриваемого корня, является авест. *vohuna.zga-* ‘привязанный к крови’ (первый элемент *vohuna-* обозначает ‘кровь’), эпитет охотничьей собаки в 13 главе Видевдада [Bartholomae 1904: 1433; IEW 1959: 887].

Корень *seg- является лучшим кандидатом для этимологического объяснения рассматриваемого эпитета: нулевая ступень *zg-* могла быть образована в авестийском от корня вида *zag-* (*zaj-*) или *hag-* (*haj-*), и последний действительно засвидетельствован в древнеперсидском *frā-hajam* ‘я вывесил’, причем с подходящей семантикой. В то же время корень вида *zag-* (*zaj-*) с подходящей семантикой не встречается в авестийском и других иранских языках. Ир. *zag-* ‘звучать, говорить’ [Cheung 2007: 460], очевидно, в силу значения не может иметь с рассматриваемым авест. *vohuna.zga-* ничего общего.

Итак, авест. *vohuna.zga-* представляет собой композит с начальным кластером структуры *zV^(h)- во втором элементе. Подобные образования с нулевой ступенью корня второй основы представлены в основном в греко-армяно-индоиранском ареале: от корня *dem- ‘строить’ существуют производные греч. *μεσό-δμη* ‘поперечная балка, поддерживающая потолок посередине’ < *med^hi_o-dm(e)h₂- ‘средняя / верхняя постройка или конструкция’ [Николаев 2010: 178-179] и авест. *ha-dma-* ‘тот же дом’; от

корня *ped- ‘нога’ – др.-инд. ura-bd-á ‘шум от шагов, топот’, авест. ura-bd-e- ‘у подножия горы’, авест. fra-bda- ‘передняя нога’, a-bda- ‘место, куда нельзя ступить’, др.-греч. ἐπί-βδα ‘послепраздничный день’ [ГИ 1984: 154; Герценберг 2010: 55].

3. 7. *sġ^(h)-iġ/ó- ‘мазать, умащать’

Индоевропейское архаическое имя *sóġ^(h)-ŋ, род. п. sġ^(h)-n-ós- реконструируется на основании анатолийских данных: в хеттском имеется существительное sākan, косв. sakn- ‘масло, жир’, аблаут которого напоминает чередование в хетт. tākan, косв. takn- и указывает на его праязыковое происхождение [Rieken 1996; Tischler-2 2004: 717-718; Kloekhorst 2008: 698-699]. Единственная родственная форма – лув. tāin- ‘масло’, которая может быть реконструирована на праанатолийский уровень как *sog-ġn- [Oettinger 2003: 340].

От данного имени образован хеттский глагол iskiya- ‘мазать, умащать’, который, соответственно, должен восходить к и.-е. *sġ^(h)-iġ/ó-. Считать данное образование собственно анатолийским проблематично.

Таким образом, хеттский глагол может указывать на начальный кластер *zG^(h)- в праязыке.

Итак, исследование всех возможных форм, в которых встречается начальный z-, показывает, что:

1. Абсолютное их большинство сосредоточено в греческом и иранских.
2. Есть один анатолийский пример, могущий указывать на начальный кластер *zG^(h)-.

Данное противоречие может объясняться в рамках закона Зибса.

3. 8. Закон Зибса

В своей статье «Исследования анлаута» Т. Зибс попытался доказать на основании ряда этимологий, что s-mobile в индоевропейских языках может встречаться не только перед глухими согласными, но и перед звонкими (придыхательными и непридыхательными). В качестве примера можно привести др.-греч. στίζω ‘колоть’ и лат. fīgō ‘втыкать’, для которых он восстанавливает праформы *steiǵ^h- и *dheiǵ^h- соответственно [Siebs 1904: 312]. Исследователь думал, что s-mobile – древний индоевропейский префикс [Siebs 1904: 292].

Закон был сформулирован ученым следующим образом: «Если корень праязыка начинался индоевропейским звонким согласным, параллельная s-форма начиналась соответствующим глухим; если корень праязыка начинался индоевропейским звонким придыхательным, параллельная s-форма начиналась соответствующим глухим или глухим придыхательным. Твердо установить в последнем случае, был ли в праязыке глухой или глухой придыхательный, не всегда возможно, потому что в большинстве случаев только индоиранский или греческий языки могут предоставить свидетельство» [Siebs 1904: 294-295].

Т. Зибс предполагал, таким образом, четыре ряда соответствий для праиндоевропейского состояния:

s + k > др.-инд., греч., герм., балт., слав. sk-;

s + k^h > др.-инд., греч. sk^h-/sk-, герм., балт., слав. sk-;

s + g > др.-инд., греч., герм., балт., слав. sk-;

s + g^h > др.-инд., греч. sk^h-/sk-, герм., балт., слав. sk-.

Исследователь иллюстрировал свою схему в том числе таким этимологическим гнездом, как *g^hel: sk^(h)el: gel: kel:

1. И.-е. *g^hel- *g^hol- – др.-в.-нем. gëllan ‘кричать’, греч. χελύνη ‘губа’, ст.-слав. глаголати ‘говорить’ из *golgolati;

2. И.-е. *sk^(h)el- герм. *skël-, др.-норв. skjalla ‘гремять’;

3. И.-е. *gēl- ‘говорить’, ahd. kallôn, англ. to call ‘звать’;

4. И.-е. *kel- греч. κέλαδος ‘шум, крик’, καλέω ‘называть’, lat. calō, -āre ‘созывать’ [Siebs 1904: 299-300].

Е. Курилович переформулировал закон в рамках современных представлений о реконструкции индоевропейских смычных, согласно которым в праязыке не существовало отдельного ряда глухих придыхательных:

s + k > санскр., греч., герм., балт., слав. sk-;

s + g > санскр., греч., герм., балт., слав. sk-;

s + g^h > санскр., греч. skh-, герм., балт., слав. sk-. [Kuryłowicz 1956: 378; Иллич-Свитыч, 1961: 98].

В. М. Иллич-Свитыч дополнил закон Зибса, указав, что в случае и.-е. *s + *g^(h) в праславянском происходит переход *(s)g^(h) > праслав. x:

*s- + *k > др.-инд., греч., герм., балт. sk-, слав. sk-; (праслав. *skala (рус. скала ‘скала; щепя’, серб. скала ‘скала’, чеш. skála ‘то же’) — литов. skėlti ‘расщеплять’, др.-исл. skilja ‘разделять’)

*s- + *g > санскр., греч., герм., балт. sk-, слав. x-; (праслав. *holdъ (рус. холод, серб. хлад ‘тень, прохлада’, чешск. (chlad ‘то же’) — слав. *želdъ (рус. óжеледь, ст.-слав. жлѣдица ‘смёрзшийся снег’), гот. kalds ‘холодный’, нем. kalt ‘то же’ (и.-е. *geld^h- / *gold^h-);

*s- + *g^h > санскр., греч. skh-, герм., балт. sk-, слав. x-; (слав. *xorbrъ ‘храбрый’, лтш. skarbs ‘суровый’, др.-инд. pragalbhá- ‘отважный’ (и.-е. *g^horb^h- или *gorb^h-) [Иллич-Свитыч 1961: 96].

Мнение В. М. Иллича-Свитыча не подтвердилось дальнейшими этимологическими исследованиями славянского языкового материала. «ЭССЯ предлагает нам новый ответ на вопрос об источниках неэкспрессивного *x- в славянском, а именно, отрицая некоторые более ранние попытки (имеется в виду статья В. М. Иллича-Свитыча), сводит все прототипы слав. *x- к и.-е. *sk- (через промежуточную стадию *ks-), *ks- и

*s- (последнее, видимо, только по правилу *g u k i* после определенных префиксов). Замечу, что эта картина в точности соответствует ситуации в албанском, где такие же источники реконструируются для *h-*» [Орел 1997: 5-6].

Индоевропейцы, в том числе составители этимологических словарей по-разному отнеслись к закону Зибса. Ю. Покорный, например, в своем «Индоевропейском словаре» не реконструирует ни одного корня, начинающегося последовательностью вида $(s)D^{(h)}$ - (где $D^{(h)}$ – любой звонкий смычный индоевропейского праязыка, в том числе придыхательный) [IEW 1959: 916-1047]. Приводимые Т. Зибсом в поддержку своего закона случаи либо рассматриваются отдельно друг от друга, либо по-другому этимологизируются (например, др.-исл. *starfa* ‘напряженно работать, трудиться’, нем. *sterben* ‘умирать’ связываются не с лит. *dirbu, dirbti* ‘работать’, а со ст.-слав. *трьпѣти* [IEW 1959: 1024-1025].

Напротив, в «Словаре индоевропейского глагола» реконструируется три подобных корня:

1. $?(s)b^h eng-$ ‘светить, сиять’: греч. *φέγγω* ‘светить’, лит. *spīngiu, spīngėti* ‘блестеть, сверкать’ [LIV 2001: 512];

2. $*(s)d^h erb^h-$ ‘становиться твердым, жестким’: церк.-слав. *оу-стръбе* ‘созрел’, др.-англ. *deorfan* ‘работать’, др.-в.-нем. *sterban* ‘умирать’, греч. *στέρφος* ‘шкура’ [LIV 2001: 512]⁸³;

3. $*(s)g^h h_2 el-$ ‘спотыкаться, оступаться’: вед. *skhalate*, арм. *sxalem, -im* ‘спотыкаться’, греч. *σφάλλω* ‘падать’, *ἐ-σφάλην* ‘упал’ [LIV 2001: 543-544].

Реконструкция корня $*(s)g^h h_2-$ ‘гасить’, явно противоречащего закону Зибса, в том же словаре [LIV 2001: 541-543], является неверной, как было показано выше.

⁸³ Германские формы могут быть также сравнены с лит. *dirbu, dirbti* ‘работать’, тогда праформой будет служить $*(s)derb^h-$.

Основной вопрос на данном этапе исследования следующий: можно ли считать закон Зибса достоверным праязыковым правилом? Ученые, которые сомневались в его существовании, указывали на следующее обстоятельство: в праиндоевропейском обычно происходит регрессивная ассимиляция, в то время как закон Зибса предполагает прогрессивную.

Р. Хирше утверждал, что последовательность $s + B^{(h)}$ должна реализовываться в начале слова как $zB^{(h)}$ -, а не как $sP^{(h)}$ -, как и середине слова (примеры Р. Хирше: др.-инд. $mīdhá-$ < $*mizdhá-$ < $*mizd^{h}ó-$, также гот. $mizdō$, ст.-слав. мзда ‘плата’, др.-инд. $nīdá-$ < $*ni-zd-o$ ‘гнездо’, к $*ni + sed$) [Hiersche 1964 : 15]). Также Р. Хирше находит еще один контрпример: «кроме того, существует очевидный пример в начале слова, ср. авест. $zdī$ (sic!) ‘будь!’ < $*z-d^{hi}$ < $*s-d^{hi}$ » [Hiersche 1964: 15].

Как было показано выше, авест. $zdī$ ‘будь’ не может служить надежным контрпримером, поскольку восходит к праформе $*h_1zd^{hi}-$ < $*h_1s-d^{hi}$, так что в данном случае z находится не в абсолютном начале слова (на данное обстоятельство в связи с критикой Р. Хирше закона Зибса обращает внимание также Й. Расмуссен [Rasmussen 1999: 220]).

Также надо отметить, что прогрессивная ассимиляция появляется в индоевропейских языках в определенных условиях: например, в индоиранских работает закон Бартоломе, предполагающий развитие групп согласных структуры $*B^hP-$ > BB^h- (др.-инд. $dagdhá$ ‘сожжённый’ < $*dagh-tá$).

Наконец, можно сомневаться в качестве этимологий, на которых рассматриваемый закон основывается. Безусловно, большинство из тех приблизительно 40 этимологий, которые предлагал сам Т. Зибс (многие из них, впрочем, ограничиваются исключительно германским материалом), не могут считаться внушающими доверие. Но несколько сопоставлений явно не походят на случайные совпадения:

Греч. $φέρω$ ‘светить’ : лит. $springiu, springėti$ ‘блестеть, сверкать’ [LIV 2001: 512];

Др.-инд. *skhalate*, арм. *sxalem*, *-im* ‘спотыкаться’, греч. *σφάλλω* ‘падать’, *ἐ-σφάλην* ‘упал’ : лат. *fallō*, *-ere* ‘обманывать, избегать’ [LIV 2001: 543-544];

Др.-инд. *sphūrjati* : греч. *σφαραγέομαι* ‘трещать’;

Др.-инд. *-chuyāti* ‘срезает (кожу)’ : греч. *σχάω* ‘рассекать, вскрывать’;
др.-инд. *chid-* ‘рассекать, раскалывать’ : греч. *σχίζω* ‘то же’ [Kuryłowicz 1956: 378].

Из четырех приведенных соответствий в определенной степени сомнительно первое; также, на наш взгляд, греч. *σφάλλω* ‘падать’ и лат. *fallō*, *-ere* могут не быть родственными приведенным древнеиндийскому и армянскому глаголам, поскольку, как установил П. Варманн, исходное значение греческого слова – ‘бросать, швырять; сбивать с ног’ [Wahrmann 1914: 152], а бесспорно реконструировать исходную семантику латинского глагола не представляется возможным (значение ‘обманывать’ вряд ли является первоначальным), к тому же лат. *f-* может иметь не один источник.

Последние соответствия однозначно являются когнатами. На этом ограниченном материале можно заключить, что закон Зибса действительно работал в праязыке. Хетт. *iskiya-* ‘мазать, умащать’, таким образом, должно было содержать в праформе начальный кластер **sġ^(h)-*, а не **zġ^(h)-*.

Единственный вопрос, на который невозможно ответить, оставаясь в рамках вышеприведенных немногочисленных соответствий – причины и условия появления в праязыке начальных кластеров структуры **sB^(h)-*. Хетт. *iskiya-* показывает, что такие кластеры могли быть нулевыми ступенями корней вида **seB^(h)-*.

Еще одним относительно проблемным местом является развитие праформ, содержащих кластеры структуры **sB^(h)-* и подчиняющиеся действию закона Зибса, в греческом языке. Е. Курилович, например, полагал, что в греческом подобные кластеры не только сохранялись практически в неизменном виде, но и включал в их число такие примеры, как формы глагола *ἔχω* ‘держать, иметь’ с начальным кластером *σχ-*:

«Греческий – единственный европейский язык, который сохранил различие между $sp-$, $st-$, $sk-$ и sb^h- , sd^h- , sg^h- (др.-инд. $sp-$: $sph-$, $st-$: $sth-$, $sk-$: skh). Из других процитированных примеров ср. $s\hat{g}^h-$ < $se\hat{g}^h-$ в $(\acute{\epsilon})\sigma\chi\omicron\nu$, $\sigma\chi\tilde{\eta}\mu\alpha$, sb^h- < seb^h- в $\sigma\phi\acute{\iota}$, $\sigma\phi\acute{\epsilon}\varsigma$, $\sigma\phi\acute{o}\varsigma$ (не очень важно, было ли древнее морфологическое членение $*s-b^hi-$ или $*sb^h-i-$)» [Kuryłowicz 1956: 378].

Заметим сразу, что формы вроде $\sigma\chi\tilde{\eta}\mu\alpha$ теоретически могут восходить и к $*z\hat{g}^h-$ < $*s\hat{g}^h-$ (после действия закона Зибса).

Итак, рассмотрение языковых данных показывает, что закон Зибса был пряязыковым явлением, соответственно, уже в эпоху, предшествующую распаду индоевропейской языковой общности, повсеместно произошел переход $*sB^{(h)}-$ > $sP^{(h)}-$. Из этого следует, что имеющиеся реальные формы индоевропейских языков не позволяют реконструировать начальные кластеры структуры $*zB^{(h)}-$ со звонким z .

Единственные языковые группы, в которых можно усмотреть наличие кластеров структуры $*zB^{(h)}-$, это иранская и греческая.

Что касается первой, в ней мы имеем два случая образования нулевой ступени $*zB^{(h)}-$ < $*sB^{(h)}-$ в начале слова: это отглагольное прилагательное $*-zgata-$ < $*sg^{(u)h}_e t\acute{o}-$ от корня $*seg^{(u)h}-$ ‘выносить, переносить’ и второй элемент сложного слова $-zga$ в $vo\eta una.zga$ ‘привязанный к крови’, где $-zg-$ является нулевой ступенью корня $*seg-$ ‘вешать, прикреплять; казаться’.

Кроме того, важно отметить, что в авестийском на синхронном уровне возможны начальные кластеры структуры $*zB-$. Это и уже рассмотренная форма $zd\acute{i}$ ‘будь’ < $*h_1zd^hi$, и некоторые слова неясного происхождения: авест. $zga-$ ‘уплывать’, авест. $zger\acute{e}сна-$ ‘круглый’ < $*zg^{(h)}_r tсна-$ (?), соответствующее перс. $gird$ ‘круглый’ [Bartholomae 1904: 1698].

Греческий язык также располагает рядом подобных случаев: это формы глагола $\acute{\epsilon}\chi\omega$ ‘держат, иметь’ с начальным кластером $\sigma\chi-$, слово $\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, $-ε\omicron\varsigma$ ‘сила’ < $*sg^{uh}-\acute{\epsilon}n-os-$ или $*s\hat{g}^h_u\acute{\epsilon}nos-$, а также единственное слово с кластером

σβ- в греческом языке σβέννυμι ‘гасить’, условия появления начального z- в котором остаются спорными.

Вопреки мнению Е. Куриловича, мы считаем, что вышеприведенные греческие формы возникли после действия закона Зибса по той причине, что для них нет никаких параллелей в других индоевропейских языках, кроме иранских. Если бы форма вроде σχές имела праиндоевропейскую древность, соответственно, испытала действие закона Зибса ($< *s\hat{k}^h-es- < s\hat{g}^h-es-$), то ничто бы не препятствовало появлению ее когнатов в других индоевропейских языках. В реальности многочисленные греческие производные от ἔχω не имеют точных внешних параллелей.

3. 9. Выводы

Подобная ситуация должна быть истолкована следующим образом: на ранней стадии развития праязыка существовали редкие кластеры структуры $*sB^{(h)}$ - неясного происхождения (единственный пример, который указывает, что они изначально должны были представлять собой нулевые ступени корней структуры $*seB^{(h)}$ -, – хетт. *iskiya-* ‘мазать, умащать’), которые подверглись действию закона Зибса. Это предопределило тот факт, что на момент распада в праиндоевропейском были исключены начальные кластеры со звуком z-.

Позже в двух группах индоевропейских языков, относящихся к греко-армяно-индоиранскому ареалу, а именно в греческой и иранской⁸⁴, возникли некоторые новые нулевые ступени от корней вида $*seB^{(h)}$ -, содержащие начальные кластеры структуры $*zB^{(h)}$ -. Скорее всего, их появление было независимым, на что указывает относительная редкость подобных случаев и несовпадение греческих и иранских праформ.

⁸⁴ Может быть, также в армянском, если *je-(z)* ‘вы’ $< *s\hat{g}^he\hat{g}^hi-$, что в большой степени сомнительно.

Что касается вопроса о том, была ли инновация иранской или индоиранской, на него невозможно ответить с уверенностью, поскольку все звонкие спиранты в древнеиндийском были полностью элиминированы. Армянский и фригийский не располагают формами, которые позволяли бы утверждать, что в данных языках происходили или не происходили подобные процессы.

Исследование показывает, что наличие кластеров с начальным звонким *z*- является независимой (индо)иранской и греческой инновацией, в определенной степени напоминающей инновации, благодаря которым в изучаемом ареале появились начальные кластеры структуры *Ps- и *PsC-.

Глава 4

Другие типы кластеров

4.0. Вступление

В предыдущих главах было показано, что начальные кластеры были запрещены в праиндоевропейском и появились в качестве инновации. В данной главе мы покажем, что существуют типологически параллельные новообразования в греко-армяно-индоиранском ареале, которые заключаются опять же в том, что запрещенные в праязыке начальные кластеры появляются в греческом, армянском и индоиранских языках (а также, как будет показано, во фригийском, который, по всей вероятности, также характеризовался общими с данным ареалом инновациями и входил в него) в результате образования нулевых ступеней корней определенной структуры. Мы сосредоточим свое внимание на двух типах начальных кластеров: структуры PP- и структуры TN-.

4. 1. Кластеры, состоящие из двух глухих смычных

Начальные кластеры структуры *PP- (где P – любой глухой смычный, p, t или $\hat{k}/k/k^u$) уверенно реконструируются для индоевропейского праязыка в различных работах по индоевропеистике наряду с начальными кластерами структуры *V^hV^h- (где V^h – любой звонкий придыхательный, d^h, b^h, g^h/ \hat{g}^h/g^{uh}). Так, Э. Бёрд реконструирует в своей работе, посвященной индоевропейскому словообразованию, следующие возможные кластеры: *pt-, *p \hat{k} -, *tk-, *t \hat{k} -, *d^h \hat{g}^h -, *d^hg^{uh}- [Byrd 2010: 164]. Особенно распространены среди них начальные кластеры структуры *TK- (T – любой дентальный, K – любой гуттуральный).

4. 1. 1. Начальные кластеры структуры *ТК-

Кластеры структуры *ТК- младограмматиками, в частности, К. Бругманом, реконструировались со спирантами *p, *p^h, *ð и *ð^h- в виде *Kp^(h)- и *Kð^(h)- на основании соответствий вроде греч. χθών ~ др.-инд. kṣam [Brugmann 1897: 790-793], в связи с чем подобные сочетания согласных часто называют «спиранты Бругмана» или «thorn-clusters» в англоязычной традиции. Впервые предположение о том, что данные кластеры восходят к последовательности двух смычных, высказал П. Кречмер на основании сопоставления греч. χθών, др.-инд. kṣam- ‘земля’ с хетт. tēkan- и тох. A tkam [Kretschmer 1932]. Несмотря на скепсис некоторых исследователей (к примеру, Э. Бенвенист даже отрицал этимологическую связь хеттской и тохарской лексем с формами других языков [Benveniste 1937]⁸⁵), подобная реконструкция была дополнительно обоснована в работах [Schindler 1967; 1977; Gunnarsson 1971] и сегодня является общепризнанной. Согласно данной реконструкции, в греческом языке происходит регулярная метатеза *ТК > КТ, в пратохарском данный начальный кластер сохраняется, и его рефлекс в виде начального сочетания двух смычных можно наблюдать в тохарском А. Наконец, в индоиранских языках происходит самое сложное преобразование, все детали которого до сих пор не могут считаться ясными. Тем не менее, для древнеиндийского можно предполагать вслед за Т. Барроу приблизительно следующее развитие: *d^hg^hém- > *d^hj^hám- > *dž^hám > *dž^hám- > *tṣám- > др.-инд. kṣám- ‘земля’ [Burrow 1959: 88; Kloekhorst, в печати: 1]. В иранских же языках, очевидно, не позже третьей стадии выпадает начальный d-, происходит дезаспирация, а *ž дает z, в результате чего мы имеем авест. zam- ‘земля’. В остальных индоевропейских языках был, как и в иранском, утерян начальный согласный, ср. лат. humus, алб. dhe, лит. žėmė, рус. земля;

⁸⁵ Ранняя история исследования слов, содержащих спиранты Бругмана, и соответствующая библиография в [Иванов 1965: 24-35].

гот. и др.-англ. *guma* ‘человек’ (буквально ‘земной’, ср. лат. *homō* ‘человек’). Исключение представляют собой только кельтские языки, где, подобно греческому, сначала произошла метатеза, а затем был утрачен первый элемент кластера, поэтому в древнеирландском языке когнатом др.-инд. *kṣam* ‘земля’, хетт. *tēkan* и др.-греч. *χθών* является архаичное слово *dú*, род.-вин. п. *don* ‘место, местность; земля, почва’ (оно не сохраняется в современном ирландском [LEIA D: 206]).

Общее число начальных кластеров структуры *ТК- относительно невелико, однако между начальными кластерами, содержащими звонкие придыхательные и теми, что содержат глухие смычные, есть значительная разница, которую мы намереваемся продемонстрировать. Начальные ТК-кластеры со звонкими придыхательными бесспорно реконструируются для большинства групп индоевропейских языков:

**d^hǵ^huH-* ‘рыба’ (традиционная реконструкция): греч. *ἰχθῦς*, арм. *jukn*, лит. *žuvìs* ‘рыба’ [Schindler 1967: 198];

**d^hǵ^hies-* ‘вчера’ (по всей видимости, это слово делится как **d^hǵ^h-ies-*, где **d^hǵ^h-* является нулевой ступенью корня **d^heǵ^h-* со значением ‘день’, ср. гот. *dags*, др.-исл. *dagr* < **d^hoǵ^h-o-*, а **-ies-* – праязыковым суффиксом сравнительной степени [Puhvel 1987; Beekes 2010: 1632; Kloekhorst, в печати: 1]): др.-инд. *hyaṅ*, авест. *zyo*, греч. *χθές*, алб. *dje*, лат. *heri*, др.-ирл. *in-dé* ‘вчера’; другая интерпретация, **ǵ^h-dies-*, предлагаемая в работах [Schindler 1967: 198; Schindler 1977a: 34], предполагает, что начальный кластер имел структуру *КТ-, а составными элементами композита являются **ǵ^h-*, «нулевая ступень наречия или частицы» и **-dies-*, «падежная форма слова ‘день’, которая также появляется в вед. *sa-dyaṅ* ‘в течение одного дня’» [Schindler 1977a: 34]. Такая интерпретация слаба ввиду того, что инлаутный кластер **-kt-* в слове **h₃ek₃teh₃-* ‘восемь’ не претерпевает изменений, свойственных для кластеров структуры *ТК, в связи с чем в

древнеиндийском наблюдается aṣṭā- ‘восемь’, но не #akṣā- [Kloekhorst, в печати: 1];

Локатив *d^hġ^hem-(i) ‘на земле’ > др.-инд. kṣamī, лит. žėmė рус. земля [Steer 2013: 60].

Напротив, если рассмотреть корни, начинающиеся подобными кластерами с глухими смычными, складывается впечатление, что надежные когнаты ограничены определенными языками. Для наглядности все примеры приводятся из одной статьи Й. Шиндлера только с необходимыми комментариями:

*tkei- ‘селиться, жить’⁸⁶: др.-инд. kṣéti ‘живет’, авест. šaēti ‘живет’, греч. κτίζω ‘населяю’, арм. šēn, род. п. šini ‘деревня’ (армянское слово, которое никак не комментируется Й. Шиндлером в его статье, является иранским заимствованием⁸⁷, источником служила форма, родственная авест. šaiiana- ‘место обитания’ [Hübshmann 1897: 213; Olsen 1999: 899]; приведенному авестийскому слову в определенной степени близко греч. мик. ko-to-na-, ko-to-i-na- ‘земельный участок, земельный надел’, в родосском диалекте κτοίνα или κτοῖνα ‘единица территориального деления’, подобная δῆμος в аттической традиции. Авест. šaiiana- восходит, очевидно, к *tke/oj-mpo-, а греч. κτοίνα – к *tke/oj-po-. Любопытно, что Р. Бекес в своем этимологическом словаре греческого языка считает арм. арм. šēn, род. п. šini ‘деревня’ исконным и полагает, что, если форма родительного падежа этого слова восходит к *kti-n-, армянское слово представляет параллель греч. κτοίνα [Beekes 2010: 792]);

⁸⁶ Существует предположение, что данный корень образован от и.-е. *tek- ‘зачинать, рождать’ [LIV 2001: 618].

⁸⁷ В армянском *tk- в других словах не дает š (см. ниже); чередование ē : i можно найти и в других иранских заимствованиях в армянский, например, zēn, род. п. zinu ‘оружие’ < пехл. zēn ‘оружие’ (авест. zaēna- ‘оружие’, также zaēnu- ж. р. ‘перевязь для ношения оружия’) [Hübshmann 1897: 151; Olsen 1999: 880].

*tkēi- ‘править’ – др.-инд. kṣáyati, авест. xšaiie^{ti} ‘правит’⁸⁸, греч. κτάομαι ион. κτέομαι ‘приобретаю, наживаю; владею’;

*tken- ‘губить, разрушать’: др.-инд. kṣanóti ‘вредит, губит’ (*tkṇ-нец-), авест. axšata- ‘неуязвимый’ (на самом деле – древнеперсидский гапакс, DPe 23 [Kent 1950: 136, 165; Schmitt 2009: 119]), греч. κτείνω ‘убивать’;

*tkīno- (точнее *tkīH(i)no-) ‘хищная птица’: др.-инд. śyena-, авест. saēna- ‘орел’ (< *tkīeHino-); арм. с’in (возможно, с’ < *tj̄- < tkī̄-; также предполагается развитие с’ < *kī̄- < tkī̄- [Olsen 1999: 197], опирающееся на предположение Г. Клингеншмитта о том, что luc’anem ‘зажигать’ восходит к каузативу *lōčk-je/o-, и *kī̄ теоретически может давать арм. с’ [Klingenschmitt 1982: 194]), греч. ἰκτῖνος ‘коршун’⁸⁹ [Schindler 1967: 198].

Как можно видеть, все надежные этимологии для немотивированных⁹⁰ начальных кластеров вида *ТК- ограничены греко-армяно-индоиранскими соответствиями. Кроме того, исследования последних лет показывают, что начальные кластеры, восходящие к *tk- и *tk̄-, с большой вероятностью существовали во фригийском. Форма глагола ektetoу трактуется А. Лубоцким как 3 л. ед. ч прошедшего времени (скорее всего, аориста), реконструируется как *h₁e-k̄th₁-to-i и сравнивается с греч. ион. κτέομαι ‘владею’ [Lubotsky 1997:

⁸⁸ Альтернативная этимология – *h₃kseH- от и.-е. *h₃eks- ‘глаз’ [LIV 2001: 619].

⁸⁹ Нужно отметить, что данный корень признается важным греко-армяно-индоиранским лексическим схождением [Широков 1980: 83; Широков 1983b: 141; Martirosyan 2013: 96]. О. С. Широков вообще отмечал, что к греко-армяно-индоиранской диалектной лексике относится значительное количество названий диких животных и птиц [Широков 1980: 82-84]. Иногда предпочитается праформа *kīeHino- [EWAia II 1996: 662; Mayrhofer 2005: 75] на основании возведения этого слова к праиндоевропейскому корню *kīeh₁- со значением ‘черный, темный’, представленному в др.-инд. śyāmá- ‘черный, темный’, śyāvā- ‘темно-коричневый, черно-коричневый, темный’ [EWAia II 1996: 661], но подобная гипотеза не так правдоподобна ввиду данных греческого, на основании которых явно реконструируется ТК-кластер.

⁹⁰ Приведенные выше этимологии вроде *tkej- < *tek̄- предположительны.

125]. Безусловно, хотя другие формы данного глагола неизвестны, логично предполагать, что некоторые из них начинались сочетанием *kt-*; в частности, Ф. Ваудхёйзен приводит в списке фригийско-греческих соответствий основу данного глагола в виде *kte-* [Woudhuizen 2008-2009: 187]. Еще одно фригийское слово объясняется как рефлекс подобного начального сочетания Р. Вудхаусом. Согласно интерпретации исследователя, фригийский титул *proitavos kcianaveyos* переводится как ‘предводитель поселенцев, предводитель поселения’, а форма *kcianaveyos* < **kcianēveyos* интерпретируется как прилагательное ‘относящийся к поселению’ и сравнивается с греч. *κτίζω* ‘населять’ [Woodhouse 2008]. Вероятно, существительное, от которого произведена рассматриваемая форма, могло представлять параллель в образовании и семантике греч. *κτοίνα* или авест. *šaiiana-*.

Для слов с начальными кластерами структуры **ТК-*, оба согласных в которых являлись глухими, предлагались сближения с формами других индоевропейских языков, но их, как показывает этимологический анализ, невозможно признать надежными.

Так, Й. Гуннарссон предположил, что др.-исл. *hnøggva* ‘унижать; бить, ударять’, др.-в.-нем. стоит возводить к корню **tken-* (< **tkn-ec-*) и отделять от греч. *κνύω* ‘скребу, царапаю’ [Gunnarsson 1971: 49]. Подобная реконструкция в дальнейшем была поддержана рядом словарей; в частности, именно такая этимология предлагается для нидерландских слов *pauw* ‘узкий, тесный’ (= др.-исл. *hnøgg* ‘скупой’; омонимичное существительное имеет значение ‘толчок, удар’) и *benauwen* ‘зажимать, подавлять’ в «Этимологическом словаре нидерландского языка» [Philippa 2003-2009]; также др.-исл. *hnøggva* перечисляется среди рефлексов и.-е. корня **tken-* в «Словаре индоевропейских глаголов» [LIV 2001: 645]. Тем не менее, на наш взгляд, др.-исл. *hnøggva* и *hníta* ‘бить’ нельзя отделять от греч. *κνύω* ‘скребу, царапаю’, лтш. *knūdēt* ‘зудеть’ и, соответственно, от греч. *κνίζω* ‘чешу,

скоблю' и лтш. *knidēt* 'зудеть' ввиду безупречного формального совпадения [Orel 2003: 180-181; Kroonen 2013: 235-236]. Напротив, реконструкция праформы **tĕkn-ey-* с переходом в **xnew-* в прагерманском кажется менее правдоподобной. Во-первых, возможность существования в индоевропейском праязыке начального кластера структуры **PPN-* сомнительна; во-вторых, развитие подобного кластера путем отпадения первого согласного неожиданно ввиду того, что обычно все индоевропейские языки избегают подобных сочетаний путем вставки *schwa secundum* или замены нулевой ступени на полную (подробнее об этом явлении речь пойдет ниже). Если же напрямую сравнивать праформу **tĕkn-ey-* с засвидетельствованной в древнеиндийском основой **tĕkṇ-ney-*, как предлагает Р. Липп в «Словаре индоевропейских глаголов» [LIV 2001: 646], приходится прибегать к закону Зиверса-Эджертона. Однако, как показывают исследования Э. Зилера [Sihler 1969; Sihler 1971; Sihler 2006], закон Эджертона (то есть утверждение о том, что слоговые и неслоговые варианты в позиции *-CRV-* присутствовали в праиндоевропейском не только у глайдов *ī* и *ū*, но и у других сонантов) недостаточно обоснован даже на ведийском материале, не говоря уже о германском. В последней по времени монографии, посвященной закону Зиверса, П. Барбер отмечает, что «основная загадка здесь заключается в том, что, если когда-либо закон Зиверса действовал для плавных и носовых, совершенно непонятно, почему рефлексы слоговых аллофонов были в основном заменены неслоговыми» [Barber 2013: 44]. Более того, согласно закону Линдемана, в многосложных формах чередования по закону Зиверса исключаются.

Еще одно немаловажное формальное препятствие, заставляющее отвергнуть соотнесение Й. Гуннарссоном германского слова с и.-е. **tĕken-*, – наличие геминации, которая указывает на праиндоевропейский кластер с ларингалом в исходе рассматриваемого корня [Kroonen 2013: 235].

Кроме того, даже относительно семантической стороны сопоставления др.-исл. *hnøggva* с корнем **tken-*, из-за которой этимология Й. Гуннарссона и предпочитается некоторыми современными учеными, стоит отметить, что само древнеисландское слово и многие другие германские параллели (др.-в.-нем. *hniuwān* ‘толкать, пихать; растирать’, совр. нидерл. *benauwen* ‘зажимать, подавлять’, производное прилагательное **xnawwuz* со значением ‘узкий, тесный; скупой’, ср. др.-исл. *hnøggr* ‘скупой’, зап.-фриз. *paui* ‘узкий’ [Orel 2003: 179]) дают повод полагать, что первоначальное значение прагерм. **xnewwan(an)* – не столько ‘бить’, сколько ‘давить’. Такая семантика германских производных говорит в пользу связи с греческими и балтийскими когнатами. Возможно даже, она является исходной, и в греческом и латышском произошло развитие ‘давить’ > ‘скрести, царапать, зудеть’, а в германских ‘давить’ > ‘толкать’ > ‘бить’.

В той же работе Й. Гуннарссон предложил еще одну этимологию: исследователь связал др.-ирл. *teinnim* ‘резать, ломать, разбивать’ и отглагольное имя *teinnt* ‘разрезание’ с тем же корнем **tken-* [Gunnarsson 1971: 49]. Данная этимология еще слабее: древнеирландский глагол надежно связывается с и.-е. **ten-d-*, представленным лат. *tondeō, -ēre* ‘стричь, брить, обрезать’ и греч. *τένδω* ‘грызть’ [LEIA T-U: 51; de Vaan 2008: 622]. Семантически древнеирландские формы определенно ближе к латинскому и греческому глаголам: в частности, засвидетельствован такой контекст, как *teinntet ruir na fine* ‘срезал виноградные лозы’ [eDIL T: 119].

Кроме приведенных этимологий, связывающих с и.-е. **tken-* др.-исл. *hnøggva* ‘унижать; бить, ударять’ и др.-ирл. *teinnim* ‘ломать, разбивать’, существуют некоторые сопоставления, предполагающие возведение к корням, в которых реконструируются начальные глухие **ТК*-кластеры, итальянского материала. С корнем **tkei-* сравниваются лат. *sinō, -ere* ‘отпускать, позволять’ и *rōnō, -ere* (< **po-sinō*) ‘класть, размещать’ [de Vaan 2008: 566-567; LIV 2001: 643]. На наш взгляд, подобное сближение

формально сомнительно. Переход $*t\hat{k} > s$ в $sin\bar{o}$, $*d^h g^{uh} > s$ в $sitis$ ‘жажда’ (< $*d^h g^{uh} i-ti-$) понятен, если реконструировать спиранты Бругмана, и труднообъясним с точки зрения современных представлений. М. де Ван предлагает сценарий $*d^h g^{uh} > *g^{uh} d^h > *k\beta > s$ [de Vaan 2008: 568], но почему подобное развитие не произошло в словах $humus$ ‘земля’ и $heri$ ‘вчера’? Другие примеры перехода $*TK > s$ в латыни также не являются убедительными. Выведение лат. $ursus$ ‘медведь’ непосредственно из $*h_2rtk\hat{o}$ - не является единственно возможным решением, возможно, $ursus <$ диал. $*h_2rtk\hat{i}o$ ⁹¹ [Szemerényi 1962: 180-181; Sihler 1995: 225] или даже латинское слово вообще стоит отделять от $*h_2rtk\hat{o}$ - и возводить к $*ur\hat{g}^hso-$ (ср. др.-инд. $varh-$ ‘ранить’) [Kloekhorst, в печати: 6]. Идея о том, что латинское слово может быть заимствовано из диалекта или претерпеть значительные изменения в своем фонетическом облике под влиянием каких-либо корней, на наш взгляд, не лишена здравого смысла, поскольку обозначение ‘медведя’ подвержено табуированию во многих индоевропейских языках (ср. праслав. $*medv\hat{e}d\hat{y}$, прагерм. $*ber\bar{o}n$). Что касается латинского глагола $tex\bar{o}$, $-ere$ ‘ткать, плести’, который ранее анализировался как относящийся к корню $*te-t\hat{k}$ - [Brugmann 1897: 790], более поздние исследования показали, что он восходит к $*t_e k-s-$ [LIV 2001: 619]. Латинский переход $TK > s$ также отвергается А. Клухорстом на основании сходных аргументов [Kloekhorst, в печати: 5-6].

Соответственно, латинский переход $*TK- > s-$ не может считаться верным, и все случаи с начальными кластерами $*tk-$ и $*t\hat{k}$ - обнаруживаются исключительно в армянском, фригийском, греческом и индоиранских языках.

⁹¹ Возможно, что в армянском названии медведя на определенном этапе тоже появился суффикс $-i\bar{o}$ -, в результате чего произошел переход $*ardy- > ar\hat{i}$ ‘медведь’ [Beekes 2003: 200].

4. 1. 2. И.-е. $*(d)k̑mtóm$ ‘сто’

Данное числительное уверенно реконструируется для большинства индоевропейских языков в виде $*k̑mtóm$: тох. A *kānt*, тох. B *kante*, др.-инд. *śatám*, авест. *satəm*, греч. *ἑκατόν*, лат. *centum* ‘сто’ и т. д. [MA 1997: 405].

Числительное $*k̑mtóm$ ‘сто’ давно уверенно связывается всеми исследователями с и.-е. $*dékm̑$ ‘десять’ и, соответственно, возводится к $*dk̑mtóm$ [Brugmann 1890: 2-3; Streitberg 1895; Osthoff 1901: 226].

Нетрудно заметить, что, если бы в слове ‘сто’ был в праязыке был начальный кластер $*dk̑-$, а затем бы произошла ассимиляция по глухости, получилась бы форма $*tk̑mtóm$, которую, любопытно отметить, и приводил еще в 1901 году Г. Остгоф [Osthoff 1901: 226]. Она же, как теперь известно, должна была дать в древнеиндийском форму с начальным кластером *kṣ-* и *kt-* – в древнегреческом. Й. Шиндлер решил данную проблему следующим образом: исследователь предположил, что в праязыке действовало правило $TK̑ > K̑$, соответственно, им объясняются греческие слова *χαμαί* ‘на земле, внизу’ $< *d^hḡ^hm̑h_2ai-$ [Rau 2009: 17; Najnal 1992 apud Martirosyan 2010: 622], *καίνω* ‘убивать’ $< *k̑iō < *tk̑i-$, формы вроде вед. род. п. *j̑mās* ‘земли’ $< *ḡ^hm̑és < d^hḡ^hm̑és$ а также, собственно, и $*k̑mtóm$ ‘сто’ $< *tk̑mtóm$ [Schindler 1977a: 31-32]. Тем не менее, кажется более подходящим решением считать развитие, наблюдаемое в *χαμαί* и *καίνω*, исключительно греческим явлением, хотя и весьма древним, с еще не случившейся метатезой, поскольку в противном случае приходится считать начальный кластер отглагольного существительного $á-kṣata-$ и др.-перс. *a-xšata* ‘неуязвимый’, а также *ḡṣaṇóti* ‘убивает’, аналогичным, что маловероятно ввиду того, что в Ведах форма аориста *ḡṣaṇiṣṭhās* (AV 10, 1, 16) встречается всего один раз, а ведь именно аористная основа должна была бы послужить источником подобной аналогии [LIV 2001: 365]. Более того, в самом греческом есть слова, в которых *кта-* $< *tk̑-$ (аор. инф. *κτανεῖν*, *κτάσθαι* ‘убивать’, аор. *ἔκτατο* ‘убил’, *ἀνδρο-κτασία* ‘убийство человека’), так что условия появления форм *χαμαί* и *καίνω*

нуждаются в уточнении. Формы же вроде др.-инд. *j́mās* должны объясняться не из праформы $*\hat{g}^h mēs < d^h \hat{g}^h mēs$ (по закону Линдемана), а представляют собой фонетически ожидаемую редукцию тяжелого начального триконсонантного кластера $d^h \hat{g}^h m$ ⁹². Таким образом, к $*\hat{k}m̥tóm$ ‘сто’ неприменимо правило Шиндлера.

Существует также традиция трактовать греч. *ἑκατόν* как $*h_1 \hat{k}m̥tóm <$ и постулировать праязыковое развитие $*h_1 < *d$ в данном числительном, а также в морфеме $*d\hat{k}omt-$ / $*d\hat{k}m̥t-$ ‘-дцать’ на том основании, что перед последней наблюдается долгий ‘неокрашенный’ гласный [Kortlandt 1983]. Недавно А. Лубоцкий предложил ряд этимологий, которые должны доказывать, что чередование $*d \sim *h_1$ происходило в исходе ряда корней [Lubotsky 2014]. Все же подобная гипотеза не в состоянии объяснить густое придыхание в греческом, в то время как возведение $\acute{e}-$ к $*sm̥-$ ‘один’ $> *á-$ с дальнейшим переходом в $\acute{e}-$ под влиянием $\epsilon\acute{\iota}\varsigma, \acute{\epsilon}\nu\acute{o}\varsigma$ или к $*sem-$ с потерей носового согласного, хотя и предполагает некоторые перестройки изначальной формы, позволяет получить придыхание из самого обычного источника [Sihler 1995: 423; Rau 2009: 17]. В отношении же форм, обозначающих числительные 20-90, можно просто предполагать компенсаторное удлинение [Kümmel 2012: 302] (подробнее ниже).

Итак, можно констатировать, что объяснения, обсуждаемые выше, не могут считаться верными. Соответственно, необходимо рассмотреть подробнее случай и.-е. $*\hat{k}m̥tóm$ ‘сто’ и родственных ему форм.

Как уже упоминалось выше, $*\hat{k}m̥tóm$ ‘сто’ родственно и.-е. $*dék̥m̥$ ‘десять’. Также морфема для обозначения десятков в словах для 20-90 в различных индоевропейских языках реконструируется как $*(d)\hat{k}m̥t-$ и $*(d)\hat{k}ont- < *d\hat{k}omt-$ (авест. *vī-sa¹t-i-* ‘двадцать’, греч. *τριάκοντα* ‘тридцать’ и т. д.). Характер отношений между этими формами предполагает, что $*dek̥om(t)-$

⁹² Показателен тот факт, что в ведийском не встречается форма вроде $\#jamās$.

/ *d(é)k̂m(t)- служили исходными формами, иначе надо предполагать вторично развившийся аблаут с о-ступенью от изначально имевшего только нулевую ступень слова, что неправдоподобно [Szemerényi 1960: 130-132]. Дж. Рау реконструирует амфикинетическую t-основу *dék̂om(t)- / *dk̂m(t)- и полагает, что праформа dk̂omt- получилась путем аналогического переноса первой нулевой ступени в основу *dék̂om(t)- [Rau 2009: 16]. На наш взгляд, такая реконструкция невероятна: во первых, две полных ступени против двух нулевых – ненормальное явление, во-вторых, приходится постулировать удивительное по избирательности выравнивание парадигмы, в результате которого только первая из нулевых ступеней обобщилась в парадигме, а вторая сохранилась и продолжала чередоваться с о-ступенью. Кажется, правильное решение в целом предложено О. Семереньи: исходный аблаут в морфеме (слове), используемом в разных группах языков для обозначения десятков в числительных 20-90 выглядел следующим образом: dek̂ómt- / dék̂mt-, соответственно, возникновение непосредственно засвидетельствованных морфем k̂ónt- / k̂mt- связано с нерегулярным усечением в часто употребляющихся словах [Szemerényi 1960: 132; 135-136]. В таком случае и удлинение в первых частях слов, обозначающих 20-90, в индоевропейских языках, может быть вызвано не только компенсаторным удлинением, но и гласным е основы, оставшимся после выпадения начального согласного d-.

Подобные явления в различных языках подробно исследованы В. Манчаком в целом ряде работ, в том числе монографических, посвященных в основном индоевропейским языкам, распространенным в Европе, как древним, так и современным [Mańczak 1980; Mańczak 1987]. Исследователь убедительно на обширном материале показывает, что частотные слова во всех рассмотренных языках подвергаются нерегулярным усечениям. Для числительных же мы располагаем такими примерами, как совр. рус. тринадцать < др.-рус. три на десяте, лат. mille ‘тысяча’ < *sm-ih₂-ĝ^hes-l-ih₂- c

дальнейшим развитием в праит. $smī\check{x}eslī > mīhēli > mīhīle > mīlle$ (ср. nihil ‘ничто’ с факультативным стяжением в nīl) [de Vaan 2008: 380], буквально ‘одна тысяча’, причем $*sm-ih_2$ и $*\hat{g}^hes-l-ih_2$ в праформе, вероятно, были отдельными словами.

Не исключено, что числительное ‘сто’ также появилось в результате подобного усечения. При этом в данном случае существует несколько сценариев появления рассматриваемой праформы $*\hat{k}m\acute{t}om$. Если данное слово обозначало ‘большая десятка’ и *to-* является амплификативным суффиксом, можно думать о праформе $*dek\acute{m}t\acute{om}$ с усечением первого слога. Не менее вероятно, что первоначально сто значило ‘десять десятков’, и раннеиндоевропейской праформой мог быть композит вида $d\acute{e}k\acute{m}t-komt(H)-$ (подробное рассмотрение этого и других возможных сценариев в книге [Sihler 1995: 422-423]) или даже словосочетание $*d\acute{e}k\acute{m}(t) dek\acute{m}t\acute{om}$, где второе слово – родительный множественного [Szemerényi 1960: 140].

Таким образом, числительное $*\hat{k}m\acute{t}om$ ‘сто’ не содержало праязыкового начального кластера структуры ТК-.

4. 1. 3. Начальные кластеры структуры КТ-

В праиндоевропейском языке в инлауте наряду с ТК-кластерами, рассмотренными выше, существовали, как уже говорилось, кластеры структуры КТ-, отличающиеся характером своих рефлексов, что лучше всего доказывается праформой числительного $*h_3ek\acute{t}eh_3-$ ‘восемь’, в котором $-\hat{k}t-$ не претерпевает изменений, свойственных сочетаниям согласных типа ТК- [Kloekhorst, в печати: 1]. Также подобные сочетания многочисленны в различных формах, где между -К- и -t- содержится морфемный шов, например, в др.-инд. *uk-tá-* ‘сказанный, произнесенный’ (от *vak-* ‘говорить’), греч. $\pi\epsilon\lambda\tau\acute{o}\varsigma$, лат. *coctus* ‘вареный, печеный’ (от и.-е. $*pek^u-$ ‘печь’).

Данные для предположительной реконструкции таких кластеров в абсолютном начале слова ограничиваются формами праиндоевропейского числительного ‘четыре’:

И.-ир. *tur(ī)ja- (< *k^hturja-) ‘четвертый’: др.-инд. turīya- ‘четвертый’, авест. tūriia- ‘четвертый’ [MA 1997: 401].

В авестийском языке также засвидетельствована форма наречия ā-xtūiīm ‘четыре раза’, которую Й. Шиндлер справедливо считает ‘определенно не старой’ [Schindler 1977a: 34]. Соответственно, отсутствие начального х- в прилагательном tūriia- ‘четвертый’ имеет ту же природу, что и отсутствие начального р- в авестийской форме tā- ‘отец’ (подробнее об этом и подобных ему авестийских примерах ниже). Это свидетельствует о том, что в праиранском в слове ‘четвертый’ был начальный кластер, позже упростившийся и сохраненный только в форме с приставкой ā-xtūiīm-. Единственное, в чем неправ Й. Шиндлер, ошибочно считавший кластеры ТК- и КТ- дающими одинаковые рефлексy (см. выше его трактовку праязыкового слова ‘вчера’), это в том, что указанные иранские формы имеют аналогическую природу (он считал, что на них влияла форма *k^hetwores ‘четыре’) [там же].

Индоиранские формы имеют относительно близкие параллели в греческом и армянском. Это греч. τρά-πεζα, мик. греч. to-pe-za- [tor-peza] ‘стол’, буквально ‘четырёхножник’, где тра- < *k^htur⁹³ [Beekes 2010: 1499], а также греч. эпич. τρυ-φάλαια ‘шлем с четырьмя фάλοι, металлическими

⁹³ Э. Зилер полагает, что за тра- скрывается *tr-, форма числительного ‘три’ без -eī/-i-: данный формант исследователь считает суффиксом; основным доводом в пользу данной этимологии он считает тот факт, что стол в древности имел три ноги, а мебель с четырьмя появляется сравнительно поздно вместе с ровными поверхностями в пределах жилища [Sihler 1995: 411]. К. ле Февр резонно замечает, что формы без элемента -eī/-i- больше нигде не встречаются, и этимология Э. Зилера должна быть отвергнута по формальным соображениям [le Feuvre 2011: 26].

гребнями'; $\tau\rho\upsilon-$ < $*k^u\text{tru-}$ < $*k^u\text{t}\ddot{\text{u}}\text{r-}$ [Beekes 2010: 1513]; возможно, также, греческое личное имя $\text{T}\ddot{\text{u}}\text{rta}\acute{\text{i}}\omicron\varsigma$ обозначает 'четвертый', как лат. $\text{Qu}\acute{\text{i}}\text{n}t\text{us}$ 'пятый', и представляет собой ближайшую параллель др.-инд. $\text{tu}\acute{\text{r}}\acute{\text{i}}\text{ya-}$ и авест. $\text{t}\ddot{\text{u}}\text{i}r\text{ya}$ 'четвертый' [МА 1997: 401]. В армянском языке числительное $k^{\prime}a\acute{r}asun$ 'сорок' восходит к праформе $*k^u\text{t}\ddot{\text{u}}\text{r-}\hat{k}ont\ddot{a}_2-$ < и.-е. $*k^u\text{t}\ddot{\text{u}}\text{r-d}\hat{k}omt-h_2-$ [Klingenschmitt 1982: 68]. Хетт. $\text{kutru}\acute{\text{c}}an$ 'свидетель', предположительно этимологически связанное с числительным 'четыре', было подробно рассмотрено выше.

Примечательно, что только в праформах этих языков необходимо реконструировать начальный кластер с двумя глухими смычными. Близкие формы других языков, лат. $quattuor$, др.-чеш. $\acute{c}ty\acute{r}\acute{i}e$ (< $*\acute{c}ty\acute{r}\acute{i}e$) свидетельствуют о наличии вставного гласного неясной природы, *schwa secundum*.

На наш взгляд, подобные образования в ряде индоевропейских языков от числительного 'четыре', отличающегося в целом проблематичным аблаутом (по сути, речь идет об основе с двумя гласными полного образования, могущими чередоваться с *o* и нулем, а также с двумя сонантами, оба из которых могут быть слоговыми: др.-инд. им. п. множ. ч. $\text{catv}\acute{a}ras$ 'четыре' < $*k^u\acute{e}t\ddot{u}o\acute{r}es$; др.-инд. $\text{c}\acute{a}t\ddot{u}\text{-}pad-$ 'четырёхногий (животное)' < $*k^u\acute{e}t\ddot{u}\text{-}ped-$; арм. $k^{\prime}a\acute{r}asun$ 'сорок' < и.-е. $*k^u\text{t}\ddot{\text{u}}\text{r-d}\hat{k}omt-$ и т. д.), не являются регулярными, но связаны с усечением гласного в быстрой речи в распространенном слове в первом безударном слоге, как в др.-в.-нем. $hiutu$ < $hiu-ta\ddot{u}$ 'сегодня', рус. разг. $\text{с}\acute{e}д\ddot{н}я$ < $\text{с}\acute{e}г\ddot{о}д\ddot{н}я$ и т. п. Именно такое объяснение западнославянских форм приводится в «Этимологическом словаре старославянского языка» [ESJS-2 1990: 104]. Параллелью служит и.-е. $*\hat{k}mt\acute{o}m$ 'сто', рассмотренное в предыдущем разделе, а также уже упоминавшиеся там же примеры совр. рус. тринадцать < др.-рус. три надесяте, лат. $m\acute{i}lle$ 'тысяча' < $*sm-ih_2-\hat{g}^hes-l-ih_2-$.

Данное предположение, безусловно, остается гипотетическим в силу того, что нам неизвестна этимология индоевропейского числительного ‘четыре’: соответственно, мы не можем с уверенностью поделить праформу *k^het^her- как *k^he-t^her-, *k^het-^her или *k^het^h-er (надо отметить, что различными исследователями, пытавшимися этимологизировать данное числительное, предлагались все вышеперечисленные варианты [МА 1997: 401; Blažek 1998]). Но сам факт примечателен: кластеры без каких-либо вставных согласных реконструируются в формах, образованных от праиндоевропейского числительного ‘четыре’, только в греческом, армянском и индоиранских языках. Такая ситуация свидетельствует в пользу предположения о том, что формы числительного ‘четыре’ с начальным кластером *k^ht-, являются диалектной инновацией греко-армяно-индоиранского ареала.

4. 1. 4. Начальные кластеры *tp- и *pt-

Для следующих индоевропейских праформ реконструируются начальные кластеры *tp- и *pt-:

*tpersneh₂ ‘пята’: др.-инд. pāṛṣṇī, авест. pāšna-, греч. πτέρυνη, позднее πτέρυῃ, гот. fairzna ‘пята’; лат. perna ‘верхняя часть бедра, окорок’, хетт. parsna ‘верхняя часть бедра’, тох. В porsnai ‘пята, лодыжка’ [Gunnarsson 1971: 68; МА 1997: 265; Lubotsky 2006]. У греческого слова начиная с микенского времени засвидетельствованы технические значения. Мик. греч. pte-но предположительно трактуется как двойственное число pternō и обозначает какую-то часть колесницы, А. Хорро с вопросом переводит как ‘стремя, ступенька’ (исп. estribo), Н. Н. Казанский – как ‘выступающие части кузова колесницы’ [DM-2 1993: 165; ППСГЯ 1986: 109]. Также метафорическое значение ‘нога, нижняя часть’ сооружения или машины засвидетельствовано и в более позднее время [LSJ 1996: 1546].

Данное слово однозначно относится к праязыку, поскольку засвидетельствовано в хеттском и тохарском, а также в большинстве других древних языков. В статье, посвященной данной лексеме, А. Лубоцкий предложил реконструкцию *pd-sper(H)-sn-eh₂-, где pd- – нулевая ступень корня *ped- ‘нога’, а (s)per(H)- – корень, от которого происходит ст.-слав. перж, пьрати ‘топтать, давить’ [Lubotsky 2006: 1009]. На наш взгляд, подобная реконструкция невероятна, потому что корень *ped- встречается в нулевой ступени только в поздних греческих и индоиранских образованиях, и то не в начале слова (ura-bd-á ‘шум от шагов, топот’, авест. fra-bda- ‘передняя нога’; греч. ἐπί-βδα ‘послепраздничный день’) [ГИ 1984: 155]; также трудно представить четырехсложный кластер в индоевропейском праязыке. Тем не менее, сама идея о возможном присутствии основы со значением ‘нога’ в обозначении ‘пяты’ не кажется надуманной. Можно предположить, что сложение выглядело как *ped-per-sn-eh₂- и существовало только в греческом и, возможно в индоиранском⁹⁴. При этом и.-е. *persneh₂- могло само по себе иметь значение ‘пяты’: поиск корневых этимологий для рассматриваемой лексемы необязателен ввиду того, что подобные сложения, в которых оба элемента являются названием части тела, существовали в тохарских языках (ср. тох. А ak-mal ‘лицо’, где ak- ‘глаз’, а mal- – ‘нос’, в тохарском А употребляется во множественном числе в форме malañ [Schulze 1966 (1927)]⁹⁵), в хеттском (zasgarais- ‘анус’, где zasgar- – ‘экскременты’, в исходной форме обычно sakkar-/ zakkar-, а -ais- – ‘рот’ [Kloekhorst 2008:

⁹⁴ Й. Гуннарссон указывает одно место из Атхарваеды, где краткий слог, предшествующий слову ráṅṣṇī, должен читаться долго [Gunnarsson 1971: 68].

⁹⁵ Впрочем, нельзя исключать, что тохарские композиты такого рода появились под влиянием уральских языков, ср. венг. orca (orca) ‘щека, лицо’ < orr ‘нос’ + szá(j) ‘нос’ [Schulze 1966 (1927): 256; Krause 2014 (1951): 448].

1032]), в славянских (ст.-слав. челюсть – композит из #čelь ‘лоб’⁹⁶ и оуста ‘рот’ [ESJS-2 1990: 102]) а также собственно в греческом, где ὄφρυς ‘бровь’ может происходить из *h₃k^h-bruH- [Mayrhofer 2005: 31]. В ходе исторического развития композит *ped-per-sn-eh₂- превратился в *tpernā- из-за гаплогонии с последующей метатезой в греческом и отпадением начального t- в индоиранской ветви.

Параллелью подобному образованию в греческом может служить мик. греч. pe-qa-to-, форма, которая может трактоваться как pegg^waton < ped-g^waton и которая, что особенно замечательно, имеет сходное с мик. греч. pte-no- значение ‘подножка, ступенька (колесницы)’ (исп. ‘fondo, suelo (plataforma) del carro’) [ППСГЯ 1986: 109; DM-2 1993: 100].

Также не исключено, что начальный кластер в греческом – инновация, возможно, под влиянием других слов, начинающихся в греческом языке кластером πт- [Furnée 1972: 314].

*tpeῖs- ‘очищать от шелухи, веять, молотить’: др.-инд. pi-ná-ṣṭi ‘молотит’, авест. pišant- ‘молотящий’, лат. pinsō, -ere ‘толочь, молотить’, лит. paisyti ‘молотить; шастать’, ст.-слав. пьхаѡ, пьхати ‘бить, толкать’ [МА 1997: 581].

В данном случае греческий начальный кластер является инновацией и мог иметь экспрессивную окраску. Согласно анализу Й. Гуннарссона, ведийская метрика указывает на то, что в слове pináṣṭi не было начального кластера, поскольку перед начальным согласным p- рассматриваемого слова в Ведах краткие слоги никогда не находятся в той позиции, где метр требует долготы [Gunnarsson 1971: 68].

*tperóm ‘перо’: греч. πτερόν ‘перо, крыло’, ст.-слав. перо ‘перо’ [Иллич-Свитыч 1963: 121].

⁹⁶ В старославянском, как и в других славянских языках, засвидетельствовано только имя среднего рода чело ‘лоб’.

Сравнение греческого и славянского слов может предполагать реконструкцию *tpeǝóm или *ptǝóm; с другой стороны, В. М. Иллич-Свитыч признает и возможность реконструкции *peǝóm, указывая на греч. πτόλις ‘город’, которое связывается с греческим же πόλις ‘то же’ и другими формами индоевропейских языков без -t- (лит. pilis ‘замок’, др.-инд. pur(a)- ‘город, крепость’) [там же].

Необходимо указать, что данная этимология, скорее всего, является ошибочной при всей своей привлекательности. Греч. πτερόν относится к и.-е. *pet- ‘летать, падать’ (об этом ниже). Славянское развитие *pt- > p- выглядит в таком случае подозрительно. Более того, праслав. *peǝo связывается с лит. spaĩnas ‘крыло’, др.-инд. parṇá- ‘крыло’, хетт. partāuar- ‘крыло’ и, далее, с и.-е. (s)per- ‘летать’ (ср. рус. переть, парить) [ЭСРЯ III: 243; Beekes 2010: 1248; EWaia II 1996: 97], в связи с чем реконструкция *tpeǝóm для греческого и славянского делается невероятной.

*pte_h₂k- ‘робеть (?)’: греч. πτήσσω ‘прятаться, бояться’, арм. t‘ak‘č‘im ‘прятаться’, лат. taseō, -ēre, гот. þahan ‘молчать’ [Clackson 1994: 169-170; LIV 2001: 495].

Данное сравнение кажется семантически и формально привлекательным, но О. Хакштайн показал, что греч. πτήσσω необходимо сравнивать с тох. руāk- ‘бить’ и возводить к *p_h₂eh₂k- [Hackstein 1992]. В таком случае, даже если латинские и германские формы связаны с армянской, отпадает потребность реконструировать начальный кластер. М. Кюммель в своих дополнениях и исправлениях ко второму изданию «Словаря индоевропейских глаголов» соглашается с реконструкцией, предложенной О. Хакштайном, и заменяет корень *pte_h₂k- на *p_h₂eh₂k- для греческого (и тохарского) и на *te_h₂k- для армянской, готской и латинской форм [Kümmel: *p_h₂eh₂-; *te_h₂k-].

В авестийском на синхронном уровне существуют начальные кластеры pt- и fǝr- /fθr/ (< *ptr-) в различных формах и.-е. ph₂ter ‘отец’. В Гатах

засвидетельствованы формы им. п. *ptā* (один раз *tā*) и дат. п. *fəðrōi* /*fθrai*/ [Beekes 1988: 86].

Существует мнение, что начальные кластеры **pt-* и **ptr-* существовали и в праславянском, а затем перешли соответственно в **st-* и *str-*:

праслав. **strǫjь* ‘дядя по отцу’ < **ptru(ǫ)jō-*, ср. др.-инд. *pitruvya*, лат. *patruus* ‘дядя по отцу’;

**pa-storǫkь* < **rǫ-p(ə)tor-*;

**jastrǫbь* ‘ястреб’ < **jasь-strǫbь* < **ōku-ptro-* ‘быстро летящий’;

др.-рус. Стрибогъ < **ptrei-* + **bogь* [Vey 1931; Vey 1953; Pohl 1980].

Все предложенные этимологии не могут быть приняты. Как показал Ф. Кортландт, слово **strǫjь* не может быть отделено от лит. *strūjus* ‘дядя’, др.-ирл. *sruith* ‘старый’, а **pastorǫkь* – от лит. *pāstaras* ‘последний’, а Стрибогъ – образование, скорее всего, параллельное Даждьбогъ и восходящее к **Strǫzi-bogь* ‘Сторожи-бог’ [Kortlandt 1982: 26]. Праслав. **jastrǫbь* можно возводить также к **Nōk-ro-* [Le Feuvre 2011: 29]. Соответственно, мнение о наличии славянского начального **pt* > (**pst-*) > **st-* не подтверждается. Исследование Й. Гипперта, посвященное этимологии **strǫjь*, благодаря привлечению иранского материала (ср.-перс. *stwl* ‘доверенное лицо, опекун’, для которого реконструируется изначальное значение ‘дядя’) добавляет уверенности в сопоставлении **strǫjь* ~ лит. *strūjus* ‘дядя’, др.-ирл. *sruith* ‘старый’ [Gippert 2001].

Против перехода **pt* > (**pst-*) > **st-* в праславянском говорит и тот факт, что в случае образования нулевых ступеней с двумя согласными в праславянском вставляется редуцированный, обычно *ь*, соответственно, слова с начальным *pt-* в праславянском должны давать рефлексы **t-* либо **rьt-* [Shevelov 1964: 93-96; Orr 2013: 156]. На этот факт обращает внимание и Ф. Кортландт в упомянутой работе [Kortlandt 1982: 26], хотя его утверждение о том, что слову *pitruvya* отразилось бы в праславянском как

#tʁvɫ'ь, несколько неточно, в действительности ожидаемый рефлекс – #(pʁ)tʁvɫьь (относительно суффикса смотри [Gippert 2001: 239]).

4. 1. 5. Начальный кластер *r̥k̥- и и.-е. *k̥(u)u̯ōn- ‘собака’

Существует этимология, которая предполагает существование начального биконсонантного кластера *r̥k̥- в праязыке. Обозначение собаки в праиндоевропейском надежно реконструируется в виде *k̥(u)u̯ōn-, род. п. *k̥unós (хетт. ^{LU}kuwan-/ kun- ‘человек-собака’, тох. В ku, вин. п. kwem; др.-инд. śvā́, род. п. śunás; греч. κύων; лит. šuõ, род. п. šuõs ‘собака’ и т. д. [МА 1997: 168]). Еще Г. Остгоф в 1901 году предположил, что данная форма производна от уже упомянутого выше имени *reku- ‘скот’ и восходит к праформе *(p)k̥u̯ō(n)-, (p)k̥u̯ō(n)- [Osthoff 1901: 220]. Позже некоторые индоевропейцы присоединились к мнению Г. Остгофа: праязыковое наименование собаки возводит к аналогичной праформе Э. Хэмп [Hamp 1980], добавляя к общепризнанным когнатам также праслав. *rьсь ‘собака’⁹⁷; в последнее время эту индоевропейскую реконструкцию и отнесение славянского названия собаки к и.-е. *k̥(u)u̯ōn- отстаивает Р. Орр [Orr 2013].

Имеет смысл подробно рассмотреть аргументы всех ученых, которые отстаивали подобную точку зрения.

Как подробно обосновал Г. Остгоф в уже упоминавшейся работе, семантическая сторона рассматриваемой этимологии не вызывает нареканий: даже в современных языках существуют слова вроде рус. овчарка, а в древних индоевропейских традициях (в частности, греческой, итальянской, иранской и германской) имеются многочисленные свидетельства восприятия собаки как ‘пастуха’, ‘сторожа стад’ и т. п., ср. греч. κύνας βοτῆρας ‘собаки-

⁹⁷ По мнению Г. Остгофа, когнатом *k̥(u)u̯ōn- в праславянском является *suka ‘сука’, а *rьсь представляет собой сокращенный впоследствии композит вроде *rьso-stražь ‘сторож скота’ (ср. domo-stražь ‘domi custos’) [Osthoff 1901: 265-266].

пастухи' (Soph. Ai. 297), лат. *pecuarius canis* 'собака-скотовод' и т. д. [Osthoff 1901: 208-215].

Однако, несмотря на достоверную семантику, данное сопоставление наталкивается на определенные формальные трудности. Во-первых, в авестийском засвидетельствована нулевая ступени от *rasu-* 'скот' в таких словах, как авест. *fšū-iiant-* 'скотовод', *fšū-šān-* 'приобретающий (имеющий) скот'; пехл. *šurān* и *šrān*, совр. перс. *šubān* 'пастух' < др.-перс. **fšū-rāna-*. Для объяснения такой ситуации Г. Остгоф приводит ряд примеров из авестийского, которые, как он считает, демонстрируют похожее развитие, то есть этимологические дублиеты в некоторых начальных кластерах. Это уже упоминавшиеся выше примеры вроде авест. *ptā-* ~ *tā-* 'отец' и авест. *tūriia-* 'четвертый' ~ наречия *ā-xtūriim-* 'четыре раза' [Osthoff 1901: 225]. Они, тем не менее, скорее указывают на ошибочность этимологии Г. Остгофа, потому что очевидно, что потеря первого согласного в авест. *tā-* и авест. *tūriia-* является собственно иранским процессом, а авест. *ptā-* и авест. *ā-xtūriim-* – формы с сохраненными рефлексам начальных кластеров. В то же время кажется неправдоподобным, что праиндоевропейское название собаки, которое засвидетельствовано в том числе в хеттском и тохарских языках, и явно является более древним, нежели собственно иранские (индоиранские) лексемы *fšū-iiant-*, *fšū-šān-* и т. д., сохранилось только без начального *p-*, а в последних этот первый согласный всюду сохранился. Такая ситуация могла бы теоретически указывать на тот факт, что в праязыке начальный кластер структуры *PP-* всегда упрощался, а в иранских появлялись новые нулевые ступени, в которых удерживались оба согласных.

Но и такой сценарий не представляется вероятным. Как правильно указывает Э. Хэмп, слово с фонетическим обликом **rk̂-uo-* должно было автоматически получить вставной гласный *e* между двумя первыми согласными и превратиться в **rek̂-uo-* [Hamp 1980: 36]. Параллелью могут служить случаи вроде греч. *πυλτός* 'вареный, печеный' (< **pek̂^u-tó-*), которые

будут подробнее рассмотрены ниже. Соответственно, исследователю для объяснения начального кластера $r\hat{k}$ -, впоследствии упростившегося, приходится прибегать к реконструкции парадигмы $*rek\hat{u}on-$ / $*r\hat{k}un-$ и предполагать аналогичное распространение косвенной основы по всей парадигме [Напр 1980: 42]. В праславянском $*r\hat{y}sz$ Э. Хэмп видит как раз рефлекс $*r\hat{k}un-$ [там же].

Во-первых, возведение $*r\hat{y}sz$ к $*r\hat{k}un-$ совершенно невозможно ввиду того, что переход $*r\hat{k}un- > *k\hat{u}n$ должен был быть уже праязыковым, иначе рефлекс в виде начального кластера сохранились бы и в индоиранских языках. Во-вторых, гипотеза о праязыковом выравнивании парадигмы $*rek\hat{u}on-$ / $*r\hat{k}un-$ не кажется правдоподобной по следующим соображениям: слово с относительно похожей парадигмой, и.-е. $*d^he\hat{g}^hom-$ / $d^h\hat{g}^hm-es-$, сохранило следы обеих основ и подверглось выравниванию в различных группах языков по различному сценарию. Соответственно, ввиду отсутствия каких-либо вещественных доказательств наличия начального $r-$ в обсуждаемом названии собаки, необходимо отклонить этимологию, согласно которой и.-е. $*k(u)\hat{u}on-$ / $*k\hat{u}n\acute{o}s$ производно от $*r\acute{e}ku-$ ‘скот’.

4. 1. 6. Нулевые ступени корней структуры $*ReP-$

Поскольку некоторые из рассмотренных основ предположительно образованы от корней структуры $*ReP-$, имеет смысл рассмотреть все случаи нулевых ступеней от корней $*ReP-$ в различных индоевропейских языках, в том числе в абсолютном начале слова.

Список составлен нами прежде всего на основе «Индоевропейского этимологического словаря» Ю. Покорного [IEW 1959] и второго издания «Словаря индоевропейских глаголов» под редакцией Г. Рикса [LIV 2001]. При необходимости привлекаются и другие источники.

$*k\hat{e}k^{(u)}$ - ‘мочь, преодолевать; помогать’, полная ступень: др.-инд. $\acute{s}akat$, 3 л. ед. ч. конъюнктив ‘мог бы’, др.-ирл. $\acute{c}echt$ ‘сила’; нулевая ступень: др.-

инд. *śíkṣati* ‘хочет помочь, пытается’, *śíkṣate* ‘учится’, авест. *sixšəmna-* ‘учащийся’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: др.-инд. *śaknóti* ‘может’ (?) < **k̑ek̑*^(u)-*néu-*/ *nu-* [IEW 1959: 522; LIV 2001: 322].

**k̑ek̑*^(u)- ‘отправляться, достигать’ полная ступень: лит. *kankù, kàkti* ‘отправляться, направляться, держать путь’, серб.-хорв. *чѐкати* ‘ждать’, др.-англ. *bihagōn* ‘радовать, нравиться’ (?), ср.-в.-нем. *behagen* ‘подходить, быть правильным’ [IEW 1959: 522; LIV 2001: 347]. Данное сопоставление ограничивается балтийскими, славянскими и сомнительными германскими формами, нулевая ступень не засвидетельствована.

**k̑ek̑*^(u)- ‘казаться; видеть; показывать’, полная ступень: др.-инд. *kaśa* ‘видимость, знак’, греч. *τέκμαρ* ‘знак’, ст.-слав. *кажж, казати* (продленная ступень) ‘указывать; учить; приказывать’; нулевая ступень: др.-инд. *khyā-* ~ *kśā-* ‘смотреть’, *śakṣuṣ-* ‘глаз’ (< **k̑e-k̑k̑*^(u)-*us*), авест. *saxse* ‘выучил’, авест. *āxsō*, 1 л. ед. ч. инъюнктив ‘я посмотрел’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: авест. *xšāi* 1 л. ед. ч. конъюнктив ‘я воспринял бы’ [IEW 1959: 638-639; LIV 2001: 383-384].

rek̑*-1: от данного корня образовано имя **reku-* ‘скот’, засвидетельствованное во многих индоевропейских языках: др.-инд. *raśu-*, авест. *rasu-*, лат. *ресū* ~ *ресūs* ‘скот’, гот. *faíhu* ‘скот, имущество’, др.-прусс. *реску*, лит. *rėkus* ‘скот’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: др.-инд. *kṣu-mān-*, *kṣu-mant-* ‘снабженный кормом (пищей)’, *ригу-kṣú-* ‘богатый пищей, щедро одаряющий’, возможно, *kṣoní* ‘крик, рев (скота)’ < **psauní* [EWaia I 1992: 438-439]; авест. *fšu-iiant-* ‘скотовод’, *fšu-šan-* ‘приобретающий (имеющий) скот’ (*kṣu-*, *fšu-* < **rk̑u-*), *fšaoni-* ‘стадо мелкого рогатого скота’; греч. *Κύκλωψ* ‘циклоп’ (?) < (rk̑u-klops* ‘ворующий скот (овец)’) [IEW 1959: 797; ГИ 1984: 152-153]. Этимология имени *Κύκλωψ* была предложена в работе [Thieme 1951: 177-178] и обсуждается Р. Шмиттом, который приходит к выводу, что ее сложно признать убедительной из-за того, что слово,

которое отражало бы праформу *реку-, в греческом не представлено [Schmitt 1967: 168].

*рек^h-2 ‘чесать (шерсть)’⁹⁸, полная ступень: греч. πέκω ‘чесать (шерсть)’, лит. pešù, pèšti ‘дергать, шипать’, лат. pectō ‘чесать, расчесывать’, pecten ‘гребень’, др.-в.-нем. fechtan ‘сражаться’ (?), осет. fas ‘чесать, расчесывать’ (< *рок-éje-); нулевая ступень: арм. hiwsem ‘плести’ (?) (< *pí-rk^h-e-) [Klingenschmitt 1982: 133-4]; нулевая ступень в абсолютном начале слова: др.-греч. κτεῖς, род. п. κτενός ‘гребень’ (< *пктеν-) наряду с лат. pecten ‘гребень’ [IEW 1959: 797; LIV 2001: 467; ГИ 1984: 153].

*рек^h-3 ‘радоваться’, полная ступень: др.-англ. ge-fēon, др.-в.-нем. gí-fehan ‘радоваться’, лит. riuošiù, riuōšti ‘украшать’ (< *pōk^h-je-, продленная ступень) [IEW 1959: 796-797; LIV 2001: 467]. Производные от рассматриваемого корня ограничиваются балтийскими и германскими изоглосса, нулевая ступень не засвидетельствована.

*рек^h-1 ‘готовить (пищу)’, полная ступень: др.-инд. rācati, авест. rascāiti ‘готовит пищу, варит’, греч. s-аор. ἔπεξα ‘испек’, тох. А. rakāt 3 л. ед. ч. мед. ‘варил’, лат. соquiō, -ere ‘варить’, валл. роб- ‘печь’, алб. rjek ‘печет, жарит’, лит. керù, kèrti ‘печь, жарить’, ст.-слав. пекж, печи ‘печь, жарить’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: др.-инд. расуате ‘готовится’, греч. πέσσω ‘пеку’ (< *p^hek^h-je), греч. πεπτός, лат. соctus ‘вареный, печеный’ (< *p^hek^h-tó-) [IEW 1959: 798; LIV 2001: 468].

*рек^h-2 ‘доверять, нравиться’, полная ступень: др.-инд. rākā ‘добродушный’, греч. πέπων ‘мягкий, нежный, кроткий’, тох. В. raktār ‘доверяет’; нулевая ступень: rkwāntār 3 множ. ‘доверяют’ (< пратох. *p^hek^h- или *p^hekw-) (LIV 2001: 469; Kümmel: *pek^h-2). Возможно, корень *pek^h-2 не стоит отделять от *pek^h-, ср. рус. печься ‘заботиться’.

⁹⁸ К данному корню иногда возводят рассмотренное выше имя *реку- ‘скот’ [IEW 1959: 797]. Другие исследователи отвергают данное сопоставление [МА 1997: 23].

*pet-⁹⁹ ‘летать; падать’: др.-инд. *rátati* ‘летит, падает’, др.-греч. *πέτομαι* ‘лечу’; нулевая ступень: др.-инд. аор. *aparata* ‘улетел’, др.-греч. *πίπτω*, греч. аор. *ἔπτατο* ‘взлетел’ (< *e-pt-h₂-to- ?); нулевая ступень в абсолютном начале слова: греч. *πτήσις* ‘полет’ (< *pt-eh₂-ti?), греч. *πτερόν*, *πτέρυξ* ‘крыло’, арм. *t’iř* ‘полет’ (< *ptēr-) при др.-инд. *rātra* ‘крыло’, лат. *penna* ‘перо’ (< *pet-na) и др.-в.-нем. *fedara* ‘перо’, греч. *πτωτός* ‘падающий’ (< *pt-oH-tó- ?), авест. *tāta* (< *ptāta) ‘падающий (о дожде)’ [IEW 1959: 825-826; LIV 477-479].

Особо стоит отметить хеттскую форму *piddāi* ‘бежит, летит’, которую Д. Адамс возводит к *ptóh₁e₁- (МА 1997: 191), а А. Клухорст читает как *pattāi* < *pt(H)-oi/i [Kloekhorst 2008: 655-657]. Лучше сравнивать ее с греч. *πίπτω* [Kümmel: *pet-].

*peth₂- ‘простира́ться’, полная ступень: греч. *πετάνωμι* ‘простираю, расстилаю’, др.-валл. *etem* ‘сажень’ (< *peth₂imeh₂-), др.-прусс. *pette*, лит. *petỹs* ‘плечо’ (?); нулевая ступень: греч. перф. *πέπταται* ‘простерт’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: греч. *πίτνημι* ‘простираю, расстилаю’, лат. *randō*, -ere ‘простира́ть(ся), распространя́ть(ся)’ (< *pt-ne/η-h₂-), лат. *pateō*, -ēre ‘быть открытым, доступным, простира́ться’ (< *pth₂-h₁ǵé-) [IEW 1959: 824-825; LIV 2001: 478-479; МА 1997: 539].

*deġ- ‘воспринимать, ощущать’, полная ступень: др.-инд. *dāṣṭi* ‘прислуживает, почитает’ (продленная ступень), греч. *δέχομαι*, ион. *δέκομαι* ‘принимать, встречать, воспринимать’, арм. *tesanem* ‘видеть’; греч. *δοκεῖ* ‘кажется’, лат. *doseō*, -ēre ‘учить’ хетт. *dākki*, *takkanzi* ‘походить, иметь сходство’ (< *doġ-éje-); нулевая ступень: др.-инд. *dīkṣate* ‘приносится в жертву, посвящается’, лат. *discō*, -ere ‘учиться, изучать’ (< *di-dġ-se-);

⁹⁹ Когнаты, принадлежащие к данному корню, разделены «Словаре индоевропейских глаголов» на две словарных статьи: *peth₁- (греч. *πίπτω* ‘падать’) и *peth₂- (греч. *πέτομαι* ‘летать’) [LIV 2001: 477-479]. Тем не менее, в «Addenda und Corrigenda zu LIV» М. Кюммель переходит к реконструкции *pet- [Kümmel: *pet-].

нулевая ступень в начале слова: др.-инд. *dāśnóti*¹⁰⁰ ‘прислуживает, почитает’ (< *d_ek̂-нец-/ nu-), лат. *decet* ‘подобает, приличествует’ (< *d_ek̂-h₁je-) [IEW 1959: 189-190; LIV 2001: 109-112].

*tek-1 ‘зачинать, рождать’, нулевая ступень: др.-инд. *tákman-* ‘отпрыск, ребенок’, греч. буд. *τέξω* ‘рожу’, *τέκνον* ‘ребенок’, др.-исл. *þegn* ‘свободный человек’; нулевая ступень: греч. *τίκτω* ‘рожаю’ (< *ti-tk-); нулевая ступень в абсолютном начале слова не засвидетельствована [IEW 1959: 1057; LIV 2001: 618].

*tek-2 ‘простирать руки, получать, достигать’, полная ступень: лит. *tenkù, tèkti* ‘достаться, прийтись’, укр. *тякнути* ‘трогать, касаться’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: греч. *κτῶμαι* ‘приобретаю, наживаю’ (?) (< *tk-eh₂-je-), др.-исл. *þiggja* ‘получать, брать’ (*t_ek-je-) [IEW 1959: 1057-1058; LIV 2001: 618-619].

*tek-3 ‘ткать, плести’, полная ступень: арм. *t’ek’em* ‘вращать, плести, ткать’; нулевая ступень в абсолютном начале слова: хетт. *takkeszi, taksanzi* ‘предпринимать’¹⁰¹, лат. *texō, -ere* ‘ткать, плести’, ср.-в.-нем. *dehsen* ‘трепать, мять (лён)’ (< *t_ek-s-) [IEW 1959: 1058; LIV 2001: 619-620].

*tek^u- ‘течь’, полная ступень: др.-инд. *tákti* ‘мчится’, авест. *taca*¹⁰² ‘бежать, течь’, алб. *n-djek* ‘преследует’, др.-ирл. *-teich* ‘убегает’, лит. *tekù, tekéti* ‘бежать, течь’, ст.-слав. *текж, теши* ‘бежать, течь’; нулевая ступень: хетт. *wa-tkuzzi* ‘вытекать, течь’; авест. *tixšənti* ‘хотят убежать’, др.-ирл. 1 л. ед. ч. буд. вр. *tess* ‘убегу’ [IEW 1959: 1059-1060; LIV 2001: 620-621; ГИ 1984: 153].

*ter- ‘быть теплым, горячим’, полная ступень: др.-инд. *tápati* ‘горит, является горячим, обжигает’, *tápas* ‘жар’, лат. *teror* ‘тепло’, *terpidus* ‘теплый’,

¹⁰⁰ Корневой вокализм по аналогии с *dāṣti* [LIV 2001: 111].

¹⁰¹ В хеттском вставной гласный а перед группой согласных, ср. род. п. *taknaz* ‘земли’ [Oettinger 1979: 218].

¹⁰² Этот глагол в авестийском частично тематизирован [Kellens 1984: 87].

др.-ирл. *tē* ‘горячий’, ст.-слав. *теплъ* ‘теплый’; нулевая ступень: алб. *f-toh* ‘охлаждает’ (?) (< *vi-t_ep-s^hke/o-* ?); нулевая ступень в абсолютном начале слова: авест. *tafsaṭ* ‘стал горячим, нагрелся’ (?) (< **t_ep-s^hke/o-*¹⁰³), лат. *tereō*, *-ēre* ‘быть теплым, горячим’ (< **t_ep-h₁ié-*) [IEW 1959: 1069-1070; LIV 2001: 629-630].

Анализ вышеприведенного материала показывает, что:

1) Как корни структуры *PeP-*, так и корни структуры **VeP-*¹⁰⁴ способны образовывать нулевые ступени в середине слова в различных группах индоевропейских языков. Так, от корня **tek^h-* ‘бежать, течь’ образуются такие формы, как хетт. *wa-tkuzzi* ‘вытекать, течь’, мл.-авест. *tī-xšənti* ‘хотят убежать’, др.-ирл. *tess* ‘убегу’; от корня **dek-* ‘воспринимать, ощущать’ – др.-инд. *dīkṣate* ‘приносится в жертву, посвящается’, лат. *discō*, *-ere* ‘учиться’.

2) Все формы с нулевой ступенью вида **PP-* в абсолютном начале слова от корней структуры *PeP-* / **VeP-* ограничены греко-индо-иранским диалектным ареалом. Надежными случаями можно считать следующие:

**k^hk-*: др.-инд. *khyā-* ~ *kṣā-* ‘смотреть’, авест. *xsaī*;

**r^hku-*: древнеиндийские (*kṣu-mant-*, *puru-kṣú-* и т. д.) и авестийские формы (*fšu-iiant-* и т. д.); возможно, греч. *Κύ-κλωψ* ‘циклоп’ (?) < **r^hku-klops*;

**pt-*: греч. *πτήσις* (< **pt-eh₂-ti-* ?), греч. *πτερόν*, *πτέρυξ*, арм. *t’ir* (< **ptēr-*); греч. *πτωτός* (< **pt-oH-tó-* ?), авест. *tāta-* (< **ptāta*); авест. *ptā-* ‘отец’;

3) Кроме того, существуют случаи, когда морфологически ожидаемая нулевая ступень в начале слова содержит гласный:

¹⁰³ *tafsaṭ* может быть и иранским новообразованием с итеративным суффиксом *-sa-* [LIV 2001: 630].

¹⁰⁴ Противоположная точка зрения изложена в [ГИ 1984: 156], что объясняется авторами «фонологически недопустимостью в контактной последовательности, возникающей в нулевой ступени» [там же]. Тем не менее, такой вывод был сделан на ограниченном материале (4 корня), а приводимые нами примеры однозначно доказывают обратное.

др.-инд. *pacuate* ‘готовится’, греч. *πέσσω* ‘пеку’ (< *p_ek^h-iē-);
 греч. *πυλτός*, лат. *coctus* ‘вареный, печеный’ (< *p_ek^h-tó-);
 греч. *πίτυμι* ‘простираю, расстилаю’, лат. *randō*, -ere ‘простирать(ся), распространять(ся)’ (< *pt-ne/η-h₂-);
 лат. *pateō*, -ēre ‘быть открытым, доступным, простираться’ (< *pth₂-h₁ié-);
 др.-инд. *dāśnóti* ‘прислуживает, почитает’ (< *d_ek̄-neu-/nu-);
 лат. *decet* ‘подобает, приличествует’ (< *d_ek̄-h₁ié-);
 др.-исл. *þiggja* ‘получать, брать’ (*t_ek̄-ié-);
 хетт. *takkeszi*, *taksanzi* ‘предпринимать’, лат. *texō*, -ere ‘ткать, плести’, ср.-в.-нем. *dehsen* ‘трепать, мять (лён)’ (< *t_ek̄-s-).

Гласный в корне может рассматриваться как *schwa secundum*. Проблема данного объяснения в том, что рефлексы *schwa secundum* не единообразны в индоевропейских языках, на что часто обращали внимание [Schindler 1977a: 31; Sihler 1995: 128, 527; Barber 2013: 194]. Тем не менее, реконструкция *schwa secundum* необходима только для греч. *πίτυμι*, лат. *randō*, *ere*, лат. *pateō*, -ēre и хетт. *takkeszi*, *taksanzi*. Закономерность появления вставного *ι* в греческом (ср. *σκίδνημι* < *skd-neh₂-, *ἰδρύω* < *sd-rū), и *a* в латинском показана Б. Вайном [Vine 1999: 10, 12-13], а впервые подобные случаи рассмотрены как содержащие *schwa secundum* Г. Гюнтертом [Güntert 1916: 19-31], которому и принадлежит заслуга введения в научный оборот данного термина.

Фонологическую мотивацию данного явления в рамках теории оптимальности предлагает Э. Бёрд: «если праиндоевропейский кластер нарушает MaxST (Maximum syllable template)¹⁰⁵, и нарушающие это правило согласные не могут быть реализованы как внеслоговые, происходит устранение первого согласного в том случае, если в результате получается

¹⁰⁵ Правило, согласно которому максимальный праиндоевропейский слог состоял из двух согласных в приступе и двух – в коде.

разрешенная последовательность согласных; в противном случае вставляется шва» [Byrd 2012: 47].

В остальных случаях можно реконструировать гласный *e. Некоторые исследователи объясняли формы вроде греч. *πέπτός*, лат. *coctus* как рефлекс *schwa secundum* [Güntert 1916: 19]. Однако, на наш взгляд, можно предположить, что речь идет о замене нулевой ступени на полную; для случаев вроде греч. *πέπτός*, лат. *coctus*. Именно такое решение предложено в работе [Petersen 1938: 41] и в [LIV 2001: 22]. В свете этих данных правило Берда для первого слога необходимо только скорректировать: во-первых, в начальных кластерах устранение первого согласного в том случае, если в результате получается разрешенная последовательность согласных, происходит далеко не всегда, и данный вопрос требует дальнейшего исследования; а во-вторых, вставляется шва или *e, то есть нулевая ступень заменяется полной, и контекст также на данный момент не до конца ясен.

4. 1. 7. Выводы

Исследование показывает, что начальные кластеры структуры *PP- могут быть реконструированы исключительно на материале древнегреческого, армянского, фригийского и индоиранских языков. Данный факт ставит перед важным вопросом: являются ли данные кластеры в рассматриваемом диалектном ареале архаизмом или инновацией?

Возможными аргументами в пользу их архаической природы могли бы служить следующие:

1) В рассматриваемых языках (кроме армянского) рефлекс кластеров структуры *V^hV^h- также отражаются в виде сочетаний согласных;

2) Кластеры структуры *TK- со звонкими придыхательными в рассматриваемых языках показывают параллельное развитие с кластерами *TK-, состоящими из глухих смычных, то есть характеризуются метатезой в греческом и переходом в kç- в древнеиндийском.

В пользу их инновативной природы, напротив, свидетельствуют следующие факты:

1) Если бы речь шла о сохранении кластеров *tk-, *tĕk-, *pt-, *tp- и *pĕk- в греко-армяно-индоиранском, должны были сохраниться этимологические соответствия в других языках с упрощенными группами согласных, как в случае с кластерами структуры *V^hV^h-, а их нет;

2) Лексемы с рассматриваемыми кластерами в ряде случаев представляют собой инновации. Мы уже отмечали, что (*tĕkiN(i)no- ‘хищная птица’) выглядит как ареальный термин. Также достойна внимания следующая изоглосса: авест. šaуana ~ греч. κτοίνα ~ фриг. kсіanaveуos. Между данными лексемами нет полного формального соответствия, но они образованы от одного корня с похожими по семантике суффиксами. Вообще, корень *tĕkej- ‘селиться, жить’ характеризовался семантикой, связанной с колонизацией новых территорий, и может отражать типичное греко-армяно-индоиранское кочевое понятие. Греч. πτερόν может быть производным от архаичного гетероклитического имени *pót-ŕ / -n- (хетт. pattar, лат. penna), для него можно предполагать следующую деривацию:

*pót-ŕ / -n- > *pt-er-o- (adj.) > *pt-er-o-^m (subst.) [Николаев 2010: 39].

Соответственно, начальные кластеры *tk-, *tĕk-, *pt-, *tp- и *pĕk- не могут быть реконструированы на праязыковой уровень, как это делается в работах [МА 1997; LIV 2001; Byrd 2010: 164], а должны считаться греко-армяно-индоиранской инновацией.

4. 2. Начальные кластеры структуры *TN-

Начальные кластеры структуры смычный + сонант были широко распространены в праязыке. Относительно древности и многочисленности кластеров структуры смычный + плавный нет сомнений: они представлены в таких корнях, как kĕeц- ‘слышать’ и pĕkĕ- ‘спрашивать’. Несколько иная

картина, как мы намереваемся показать, реконструируется в отношении начальных кластеров структуры смычный + носовой.

Традиционно считается, что для праиндоевропейского языка можно реконструировать начальные кластеры структуры *KN-, *PN- и *TN- (где К – любой гуттуральный смычный, Р – любой губной смычный, Т – любой дентальный смычный, а N – любой носовой сонорный). Так, Э. Бёрд реконструирует для праязыка начальные кластеры *ġn-, *ġ^hn-, *gn-, *g^hn-, *g^{uh}n-, *pn-, *dm- и *d^hm- [Byrd 2010: 164].

Реконструкция кластеров вида *KN- на праязыковой уровень не вызывает сомнений. Например, форма 3 лица множественного числа глагола со значением ‘бить, убивать’ однозначно восстанавливается в виде *g^{uh}nenti на основании таких засвидетельствованных форм, как др.-инд. ghnánti ‘они бьют’ и хетт. kuananzi ‘они убивают’. Совершенно незыблема реконструкция корня со значением ‘знать’ в виде *ġneh₃- уже в праязыке на основании данных значительного числа языков: др.-инд. jñātár ‘тот, кто знает’ < *ġneh₃-ter, ст.-слав., рус. знать (сущ.), греч. γνῶσις ‘знание’, лат. nōtiō < *ġneh₃-ti [MA 1997: 337].

Существует два примера, доказывающих наличие в праязыке начальных кластеров вида *PN-: это корень *pneц- ‘дуть’, реконструируемый на основании греческих и германских данных: греч. πνέω ‘дуть, веять’, др.-исл. fnýsa ‘пыхтеть, фыркать’, др.-англ. fnēosan ‘чихать’ [MA 1997: 82] и корень *pneцH-(s)-, встречаемый только в хеттском и греческом, приблизительное праязыковое значение которого – ‘осознавать’: хетт. rpnuszi ‘спрашивает; расследует’, греч. πέ-πνῶμαι ‘быть разумным’ [LIV 2001: 489]. Первый из рассматриваемых корней несколько сомнительно ввиду звукоизобразительной семантики и несовпадения значений, но с формальной точки зрения сопоставление достоверно.

Наконец, обратимся к начальным сочетаниям согласных вида *TN-. Основанием для реконструкции начальных кластеров *dm- и *d^hm- в

прямые формы, образованные от корня *dem- ‘строить’, а также корень *d^hemH- / *d^hmeH- ‘дуть’.

4. 2. 1. Производные корня *dem- ‘строить’

*dem- ‘строить’ – предполагаемые производные с нулевой ступенью: авест. dāmana ‘дом, жилище; семья’; др.-инд. dāma ‘служанка’; хетт. dam(m)eta(r) ‘изобилие’, иер.-лув. tamihit ‘изобилие, процветание’; лат. māteriēs ‘дерево как строительный материал; строевой лес; материя’ (< *dmeH₂-tes-) [Николаев 2010: 157-181].

Прежде чем приступать к анализу интересующих производных корня *dem- ‘строить’, следует сказать несколько слов о его реконструкции. Презентная глагольная основа засвидетельствована, в частности, в греческом δέμω ‘строить’, иер.-лув. tamata, tamaⁿta ‘построил, построили’, гот. ga-timan ‘подобать, подходить’ и т. д. [LIV 2001: 114]. А. С. Николаев убедительно доказывает в ряде работ, посвященных реконструкции данного корня, что он должен реконструироваться без конечного ларингального [Николаев 2005; Николаев 2010: 150-156; Nikolaev 2011]. Этот вывод принимается как заслуживающий внимания М. Кюммелем в его исправлениях к второму изданию «Словаря индоевропейских глаголов» [Kümmel AC: 1. *demh₂-/*dem-].

У данного глагола существуют важные производные имена со значением ‘дом, жилище’: акростатическое имя *dóm-/ *dém-, и-основа *domi- (др.-инд. dāmīnas ‘домашний’, ст.-слав. домъ ‘дом’, й-основа) и тематическое существительное *dóto- (греч. δόμος). Также необходимо отметить, что корень dem- похож по фонетическому облику на другой индоевропейский глагольный корень, *demh₂- ‘укрощать’, соответственно, в ряде случаев может иметь место контаминация.

Рассмотрение форм, могущих содержать нулевую ступень *dm-, мы начнем с иранского материала. Авест. dāmāna- ‘дом, жилище; семья’

встречается достаточно часто уже в Гатах и продолжает употребляться в Младшей Авесте в виде *nmāna-*. Метр однозначно указывает на фонетическую интерпретацию [*dmāna*] [Monna 1978: 139-140]. Данная авестийская лексема бесспорно восходит к индоир. **dmāna-* < и.-е. **dm-eh₂-no*. В этом слове наличие нулевой ступени от корня **dem-* не вызывает сомнения.

Греч. *δμῶς*, *δμῶς* ‘служанка’, слово, употребительное уже в гомеровском эпосе (Ил. 18, 28, Од. 4. 644 и т. д.), сложнее для интерпретации, потому что данное слово может быть связано как с корнем **dem-* ‘строить’ и существительным **dōms*, род. **dems* ‘дом’ [Fraenkel 1953: 23], так и с глагольным корнем **demh₂-* ‘укрощать’ (ср. греч. *δάμνημι* и *δαμάζω* ‘укрощать’) [DELG 1968-1980: 290]. Первая этимология в семантическом отношении основана на представлении о служанке как о домашней прислуге.

Вторая основывается на одной интересной поэтической формуле, употребительной в эпосе:

δμῶαί δ' ἄς Ἀχιλεὺς ληΐσσατο Πάτροκλός τε (Ил. 18, 28).

Служанки, которых украли Ахиллес и Патрокл.

αὐτὰρ ἐγὼν οἴκοιο ἄναξ ἔσομ' ἡμετέροιο

καὶ δμῶων, οὗς μοι ληΐσσατο δῖος Ὀδυσσεύς (Од. 1, 397-398).

И я буду владеть своим собственным домом.

И служанками, которых мне украд божественный Одиссей.

Как можно видеть, в приведенных местах из гомеровских поэм служанки являются объектом для похищения, и можно предполагать изначальную семантику ‘захваченная, укрощенная’.

Если верна первая интерпретация, реконструкция слова должна выглядеть как **dm-d̥u-s*, подобно *πάτωρ* ‘брат отца, дядя по отцу’ < **ph₂trōus* (род. падеж **ph₂truos*), *μήτωρ* ‘брат матери, дядя по матери’ < **méh₂trōus* (род. **meh₂truos*) [MA 1997: 335], а также *θῶς*, *θῶς* ‘шакал’ < **θωus*, **θωf-ος* [Buck-Petersen 1944: 26]. Другими словами, *δμῶς* ‘служанка’ в

традиционной индоевропеистике относится к основам на долгий дифтонг -ō; это может доказываться др.-инд. *dāmūnas* ‘домашний’ с соответствующей нулевой ступенью чередования [Buck-Petersen 1944: 26; MA 1997: 335]. Современная теория акцентно-аблаутных парадигм предполагает реконструкцию амфикинетической и-основы **ph₂tr-ou-/ *ph₂tṛ-ū-*, которая реализовывалась в следующих падежных формах:

Им. п. **ph₂trōus*;

Вин. п. **ph₂trōm*;

Род. п. **ph₂tṛuo/es*;

Дат. п. **ph₂tṛuei* [Rau 2011: 1-2].

Вторая интерпретация подразумевает праформу типа **dmā-(σ)-os < *dmh₂-(s)-os*, буквально ‘укрошенная, подавленная’. Похожее по структуре праиндоевропейское существительное – **snusós* ‘невестка, сноха’. Существует предположение, что основа **snusó-* этимологически связана с глаголом **sneub^h-* ‘выходить замуж’, представленным лат. *nūbō, -ere*, в последнее время оно отстаивается в работе [Безлепкин 2013]. Согласно такой интерпретации, исходным глаголом был *sneū-*, а *-bh-* – праязыковой суффикс, так что в слове **snusós* корневая морфема **snu-*. Впрочем, такая гипотеза не может считаться единственной, см. [DELL 2001: 449; de Vaan 2008: 417].

На наш взгляд, с формальной точки зрения первая интерпретация предпочтительнее, а семантическая привязка в эпосе к глаголу *δάμνμι* ‘укрощать’ может быть поздним народным осмыслением рассматриваемой лексемы.

Хетт. *dam(m)eta(r)-* ‘изобилие’ и иер.-лув. *tamihit-* ‘изобилие, процветание’ возводятся А. С. Николаевым вслед за К. Уоткинзом к корню **dem-* [Николаев 2010: 157; 169-175]. Этимология эта зиждется прежде всего на трактовке хеттского словосочетания *iyata damēta* ‘движимое и недвижимое имущество’, в котором первое слово считается происходящим от индоевропейского корня **(h₁)eǵ-* ‘идти, ходить’ [Николаев 2010: 157].

Необходимо отметить, что формально облик хеттского и лувийского слов не позволяет с уверенностью говорить о наличии в них начального кластера *dm-*, то есть а мог быть и не ‘пустым’ гласным, который использовался исключительно для записи начального кластера. Более того, существуют и другие этимологии для анатолийских лексем, причем более привлекательные семантически. Например, ряд исследователей предлагает сравнивать *dam(m)eta(r)-* с греч. *δημός* ‘жир’ [Tischler-3 1993: 81-82].

Говоря об интерпретации хетт. *dam(m)eta(r)-*, нельзя не упомянуть и о попытке А. Клухорста усмотреть начальные кластеры типа *TN-* в целом ряде хеттских лексем (а также вообще большого количества начальных кластеров в хеттском языке). Например, для хетт. *tamās-zi* 3 л. ед. ч. наст. вр. ‘подавляет’ исследователь приводит праформу **dmeh₂-s-ti* [Kloekhorst 2008: 822-823], а для *tame(n)k-zi* 3 л. ед. ч. наст. вр. ‘добавлять, прикреплять’ – праформу **tm-en-k-ti* [Kloekhorst 2008: 824-825]. Однако стоит учитывать, что соответствующие формы других индоевропейских языков образованы несколько иначе (например, др.-инд. *damāyāti* ‘подчиняет, подавляет’ < **demh₂-eh₂yé-ti*; др.-инд. *tanákti* ‘собирает, объединяет’ < **tm̥-né-k-ti*, где нулевая ступень не представляет собой начальный кластер из-за слогового характера корневого сонанта *m*). В связи с этим нельзя считать реконструкции А. Клухорста обоснованными.

Лат. *māteriēs* ‘дерево как строительный материал; строевой лес; материя’ А. С. Николаев вслед за Г. Остгоффом возводит к корню **dem-* и реконструирует как **dmeh₂-tes-* [Osthoff 1893 apud Николаев 2010: 177-178]. Тем не менее, существует традиционная, еще античная этимология, согласно которой *māteriēs* – производное от слова *māter* ‘мать’ [Maltby 1991: 371]. Этой же версии придерживаются и современные ученые, которые видят в этом слове технический термин [Solmsen 1902: 1140-1141] или обозначение ствола дерева в противоположность коре и листьям, которое только позже вошло в строительный жаргон, где стало обозначать ‘дерево как

строительный материал' [DELL 2001: 390]. Опровергая эту точку зрения, А. С. Николаев утверждает, что «семантическая сторона традиционной этимологии явно неудовлетворительна», поскольку обычно дериваты от слова 'мать' в техническом жаргоне имеют два значения: «1) 'мать' как главный, несущий элемент конструкции и 2) [Николаев 2010: 177]. Согласно мнению исследователя, обе эти метафоры не могут в результате дать значение 'строевой лес'. На наш взгляд, подобное рассуждение не отражает действительного положения вещей. Во-первых, *māteriēs* может быть просто собирательным существительным, и тогда его исходное значение – 'собрание балок, бревен', а во-вторых, еще более вероятно изначальное значение 'ствол', которое также есть у близкого слова *mātrīx*, *īcis* (Suet. Aug. 94, 11), определенно производного от *māter* 'мать' и имеющего первое значение 'самка-производительница'.

Кроме того, если бы даже слово *māteriēs* действительно было связано с корнем **dem-*, праформой могла служить и **dm̥-h₂-tes-*, хотя появление ларингала, аналогичного тому, что встречается в греч. *δέμας* 'строение тела, тело', потребовало бы дополнительного обоснования.

Предшествующий анализ показывает, что только в двух производных от корня **dem-* 'строить', в авест. *dəmana-* 'дом, жилище; семья' и греч. *δμῶς*, *δμῶός* 'служанка', можно видеть нулевую ступень и реконструировать начальный кластер *dm-*.

4. 2. 2. Производные корня **d^hemH-* / **d^hmeH-* 'дуть'

Индоевропейский корень **d^hemH-* / **d^hmeH-* 'дуть' реконструируется прежде всего на основании др.-инд. *dhāmati* 'дует' с пассивным перфектным причастием *dhmātá-*. С этим древнеиндийским глаголом сопоставляются славянские и балтийские формы. В старославянском засвидетельствован глагол *дѣмж*, *дѣти* 'дуть', в литовском – *dumiù*, *dùmti* 'дуть'. Очевидно, что балто-славянские формы не дают строгого основания для реконструкции

начального *d^hm-, поскольку очевиден прабалтийский и праславянский вокализм u, который не может быть объяснен из праформы *d^hemH- / *d^hmeH-. Скорее всего, его источник – контаминация с и.-е. *d^heu-, представленном в близком по форме и значению праславянском глаголе *duti (se) ‘дуть(ся)’.

Таким образом, имеющиеся языковые данные показывают, что начальные консонантные кластеры *dm- и *d^hm- надежно реконструируются только в греко-армяно-индоиранском диалектном ареале, соответственно, вовсе не обязательно являются праязыковым наследием.

В пользу диалектного происхождения подобных начальных консонантных сочетаний свидетельствуют два соображения. Имя *doms в праязыке принадлежит к акростатической парадигме и имеет родительный падеж *dem-s. Похожим образом образовано существительное *rod-s, род. п. *red-s ‘нога’. Ожидаемыми формами родительного падежа были бы #dm-e/os и #bd-e/os, однако в них, как можно полагать на основании проведенного анализа слов, происходящих от корней *dem- ‘строить’ и *dhemH- / *dhmeH- ‘дуть’ присутствовали невозможные начальные кластеры, в связи с чем родительный падеж был образован другим способом – путем замещения морфологически ожидаемой нулевой ступени полной ступенью с огласовкой e, так что между основой именительного и косвенных падежей сохранялась разница.

Второе обстоятельство, которое также может служить аргументом в пользу того, что отсутствие начальных кластеров структуры TN- в индоевропейских языках (за исключением индоиранских и греческого), не является случайным, – формы вроде греч. μεσό-δμη ‘поперечная балка, поддерживающая потолок посередине’ < *med^hi_o-dm(e)h₂- ‘средняя / верхняя постройка или конструкция’ [Николаев 2010: 178-179] и авест. ha-dma- ‘тот же дом’. Здесь в композитах у слова ‘дом’ появляется нулевая ступень, более

нигде не засвидетельствованная, что говорит об исключительно греческом и (индо)иранском характере подобных форм.

Подводя итог, можно сказать, что у нас есть серьезные основания считать начальные кластеры структуры *TN- греко-армяно-индоиранской инновацией.

4. 2. 3. Выводы

Итак, исследование данных показывает, что начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и zB^(h)- не являются единственными инновативными группами согласных греко-армяно-индоиранского диалектного ареала. Одновременно с ними в праязыке были запрещены начальные кластеры *PP- и *TN-. Тем не менее, в данном случае не все так однозначно, по крайней мере, требует какого-либо объяснения удивительный факт, что начальные кластеры похожей структуры, *d^hG^h- (частный случай *B^hB^h-), а также KN- и PN-, были разрешены.

На наш взгляд, один любопытный факт может предоставить ключ к определению причины существования начальных кластеров *d^hG^h-, KN- и PN-.

Наблюдается интересная закономерность: в ауслaute кластеры *B^hB^h- принципиально невозможны (как и одиночный звонкий придыхательный), при этом группы из двух глухих смычных *pt- и *kt- допускаются, и наоборот. Точно так же в коде последнего слога возможна последовательность -nt (во вторичных глагольных окончаниях множественного числа), но не -NP и не NK-. За таким распределением могут стоять до сих пор не исследованные фонологические закономерности, определение которых – проблема для последующего изучения.

Наконец, начальные кластеры, состоящие из двух звонких придыхательных смычных, потому могли допускаться в праязыке при

запрете кластеров из двух глухих и двух звонких смычных¹⁰⁶ по той причине, что они обладали неким особым способом фонетической реализации, установить характер которого – также дело будущего.

¹⁰⁶ В данном случае речь идет, безусловно, о традиционной интерпретации, справедливость которой оспаривается. Новейший обзор и критическое рассмотрение различных вариантов реконструкции системы индоевропейских смычных содержится в работе [Kümmel 2012: 292-306].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие заключения:

1. Начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)- были запрещены в праиндоевропейском. Соответственно, в праязыке корни структуры *Pes-, *PesC- и *seB^(h)- не могли образовывать нулевые ступени в абсолютном начале слова (данные положения обоснованы в главах 1-3).

2. Начальные кластеры *zB^(h)- < *sB^(h)- не могут быть непосредственно реконструированы для праиндоевропейского в том числе по той причине, что в нем действовал закон Зибса, предполагавший звуковой переход *sB^(h)- > *sP^(h)- (см. раздел 3. 8).

3. Этимологическое исследование форм греческого, армянского и древних индоиранских языков показывает, что в греко-армяно-индоиранском диалектном ареале произошла инновация, в результате которой в перечисленных языках появились начальные кластеры структуры *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)-, а корни структуры *Pes-, *PesC- и *seB^(h)- получили возможность образовывать нулевые ступени в приступе первого слога словоформы.

В некоторых других группах индоевропейских языков, прежде всего в тех, в которых были представлены редуцированные звуки (славянские и тохарские), происходят инновации, позволяющие образовывать нулевые ступени от корней той же структуры. Несмотря на то, что морфологические последствия инноваций славянских и тохарских языков в целом схожи с зарегистрированными в греко-армяно-индоиранском ареале, фонетическая и фонологическая сущность их представляется совершенно иной, поскольку нулевые ступени в данных группах языков не представляли собой консонантные кластеры.

4. На данный момент не представляется возможным установить, какое изменение изначальной праязыковой структуры в рассматриваемой диалектной группе (греко-армяно-индоиранской) произошло раньше и/ или

предопределило последующее: морфологическое или фонологическое. Другими словами, неясно, снятие ли запрета на образование нулевых ступеней от корней вышеперечисленных структур стало причиной возникновения начальных кластеров *Ps-, *PsC- и *zB^(h)- < *sB^(h)-, или наоборот. Данный вопрос требует отдельного внимательного исследования, которое бы оперировало бóльшим количеством фактов.

5. Начальные кластеры, содержащие s, являющиеся основным предметом данного исследования, тем не менее, не являются уникальными. Как показано в главе 4-й, в праязыке существовал запрет и на другие виды начальных кластеров, в частности, структуры *PP- и *TN-, которые также появляются в греческом, армянском и индоиранских языках (а *PP- также во фригийском) как ареальная инновация.

Данные фригийского в данном случае особенно важны: наличие в нем корня *tkei- ‘населять’ дополнительно доказывает, что этот плохо засвидетельствованный древний индоевропейский язык входил в изучаемую диалектную группу.

6. Частные выводы, полученные на основании этимологизации материала, могут служить для предварительных выводов о структуре праиндоевропейского слога в целом и о перспективах ее дальнейшей реконструкции.

Во-первых, наше исследование подтверждает точку зрения, согласно которой максимальный индоевропейский слог мог состоять из двух согласных с приступе и двух – в коде [Keydana 2004; Byrd 2012]. Кроме того, нужно учитывать, что биконсонантные последовательности подчинялись в целом принципу восходящей звучности и, соответственно, представляли собой ограниченный класс. Для данного феномена может существовать типологическое объяснение: согласно предварительному исследованию Х. Токизаки и Й. Кувана, в языках мира может наблюдаться корреляция базового порядка слов OV и относительно простой слоговой структуры, что,

в свою очередь, по мнению авторов, предсказывается тем обстоятельством, что левоветвящиеся структуры характеризуются более плотным стыком, чем правоветвящиеся [Tokizaki-Kuwana 2012].

Во-вторых, фонологическая причина запрета в праязыке не всех вышеперечисленных кластеров (*zB^(h)-) представляется ясной: в приступе праиндоевропейского фонологического слога достаточно строго соблюдался принцип восходящей звучности (SSP, Sonority Sequencing Principle). Тем не менее, он нарушается, в частности, в начальных кластерах структуры sP(R)-, что заставляет современных исследователей считать начальный праиндоевропейский *s- внеслоговым (extrasyllabic) [Kobayashi 2004: 41-44] или «полуслоговым» (semisyllabic) [Keydana 2012]. При этом в праязыке полностью запрещены начальные кластеры структуры *Ps-, не нарушающие SSP. Интересно отметить, что это как раз та ситуация, которая наблюдается в современных романских и германских языках (греческие заимствования в расчет не берутся).

Из всех возможных типов начальных консонантных сочетаний, которые должны быть реконструированы для праязыка, остаются только два типа, в которых засвидетельствована одинаковая степень сонорности двух согласных в приступе первого слога¹⁰⁷: *RR- (засвидетельствованы только начальные кластеры *mn-, *mr-, *ml-, *mĭ-, *ur-, *ul-, *uĭ- [Byrd 2010: 163, 166]) и *D^(h)G^(h)-. В связи с этим обстоятельством возникает несколько вопросов: какова была относительная звучность индоевропейских сонорных, какие особенности характеризуют праиндоевропейские звонкие придыхательные в ряду других смычных и, наконец, допустимо ли утверждать, что праиндоевропейский является языком, в котором допускается плато сонорности (англ. Sonority Plateau).

¹⁰⁷ Начальные кластеры, содержащие ларингал, не учитываются в связи с тем, что фонетическая природа и степень сонорности данных согласных неясна.

Первая проблема, возможно, решается путем введения новой сравнительной шкалы сонорности для праиндоевропейского: $a \gg e, o \gg \dot{i}, \dot{u} \gg r \gg l \gg n \gg m \gg F \gg P$ [Byrd 2013].

Что касается второй проблемы, то, как уже отмечалось, ее решение может быть связано с исследованием праиндоевропейской системы смычных в целом. На сегодняшний день существует несколько конкурирующих подходов (традиционный, глоттальная теория, реконструкция звонких индоевропейских смычных как сильных, импловивных и т. д.).

Ответ на третий вопрос в значительной степени зависит от решения первой и второй проблемы.

Триконсонантные начальные кластеры были запрещены за возможным исключением кластеров $*sPR-$ и $*HPR-$; их допущение может объясняться особым, внеслоговым или «полуслововым» характером начального $*s-$ [Keydana 2012] и, возможно, $*H-$. Для начального ларингала нужно учитывать возможность автоматической вокализации или вставки schwa [Byrd 2012].

Кроме того, для начальных кластеров структуры $*sPR-$ также не исключено появление в рамках европейской диалектной общности [Schindler 1972: 8]. Данная тема требует, однако, специального исследования.

7. Еще один принципиально важный вывод проведенного исследования – при реконструкции праиндоевропейского слогаобразования и слоговой структуры необходимо обращать внимание на диалектную дистрибуцию форм, на основании которых делаются те или иные выводы. Так, в греко-армяно-индоиранском ареале наблюдаются значительные инновации не только в конце слова (где в индоарийских и армянском, а также в меньшей степени – греческом и иранских, наблюдается значительная редукция по сравнению с праязыковым состоянием), но и в абсолютном начале слова, где в результате ареальной инновации возникают би- и триконсонантные кластеры с типами структур, запрещенных в праязыке. Возможно, при

реконструкции праиндоевропейского слога основное внимание следует уделить анатолийским и европейским языкам (прежде всего, латинскому, отличающемуся особенно строгой структурой фонологического слога [Панфилов 1973; Панфилов 1980; Панфилов 1994]).

8. Также относительно праиндоевропейского аблаута и его последующего развития в разных диалектных и генетических группах индоевропейских языков может быть сделано следующее наблюдение: данные, приведенные во всех четырех главах работы, показывают, что нулевые ступени некоторых корней не могли встречаться в абсолютном начале слова в праиндоевропейском, но стали допустимы в определенных диалектных ареалах. Такая ситуация означает, что многие аблаутные чередования, автоматически приписываемые праязыку, могли появляться уже после его распада в отдельных диалектных и генетических группах.

9. Наконец, для индоевропейской диалектологии важен тот факт, что в греко-армяно-индоиранской общности присутствуют надежные изоглоссы не только в сфере морфологии (аугмент, родительный падеж **osjō-*) или лексики, но и в области ссиллабификации, а значит, шире – фонетики и фонологии.

Данные девять тезисов являются основными выводами диссертации. Тем не менее, в ходе работы над материалом приходилось решать некоторые сопутствующие проблемы индоевропейской сравнительно-исторической фонетики и морфологии, а также заниматься этимологией отдельных корней и лексем. Представляется необходимым перечислить основные частные результаты, полученные в ходе исследования, а затем изложить основные этимологии, которые предлагаются, опровергаются или доказываются в работе.

Получены следующие результаты в области индоевропейской фонетики и морфологии:

1. Нормальным греческим соответствием и.-е. *t^h (др.-инд. th) служит τ, но не θ, как утверждается в некоторых современных работах [Peters 1991-1993; Mayrhofer 2005: 112-113; Николаев 2010: 133] (раздел 1. 3. 11).

2. Весьма вероятно наличие в праязыке фонемы *t^h (раздел 1. 3. 11).

3. В греческом начальный прагреческий кластер *pst- дает πτ-, но не στ- (разделы 2. 1. 1, 2. 1. 3).

4. В хеттском языке праанатолийские начальные триконсонантные кластеры не теряют первый согласный, но в позиции между первым и вторым согласным кластера вставляется гласный неясного тембра (2. 3. 5).

5. В праиндоевропейском не действовало правило *TKN̥ > *KN̥, предложенное Й. Шиндлером [Schindler 1977b] (4. 1. 2).

6. В праславянском не происходил звуковой переход *pt > *(pst) > *st (4. 1. 4).

7. Если форма предполагает нулевую ступень в начале слова, а последняя недопустима по фонетическим причинам, происходит либо вставка schwa secundum, либо замена нулевой ступени на полную (4. 1. 6).

8. Возможно, акростатическое склонение праиндоевропейских имен *dom-s, род. п. *dem-s ‘дом’ и *pod-s, род. п. *ped-s ‘нога’ предопределено тем обстоятельством, что формы генетивов #dm-es и #bd-es содержали недопустимые начальные кластеры (4. 2. 2).

Предлагаются, опровергаются или доказываются следующие этимологии (в список включены только самые важные и замечательные):

1. Греч. ξηρός ‘сухой’ не связано с греч. ξερόν ‘сухое (место), суша’. Также невозможно сопоставление данного слова с др.-инд. kṣāyati ‘жжет, сжигает’ (< *d^hg^{uh}-eh₁-), с лат. serēnus ‘ясный (о небе)’, др.-в.-нем. serawēn ‘исчезать, уменьшаться, слабеть’ и тох. А ksär ‘утром’. Единственный возможный когнат – арм. չոր ‘сухой’. Греч. ξερόν ‘сухое (место), суша’ этимологически связано с ἡ χέρσος ‘суша, материк; берег’ (1. 3. 1).

2. Праслав. *xudъ ‘злой, плохой; худой; бедный’ не является когнатом др.-инд. kṣudrā- ‘маленький; бедный, нищий’ и других близких индоиранских формы и не заимствовано из восточноиранских языков, ср. осет. fyd / fud ‘плохой, злой, дурной’ [Иванов 2008: 545]. Наиболее вероятной представляется связь этого прилагательного с праслав. *хуль ‘хилый, слабый’ (1. 3. 9).

3. Др.-греч. ψέφας ‘тьма’ не может быть достоверно сопоставлено с др.-инд. kṣar- ‘ночь’ и авест. хšar-, хšarā-, хšarar- / хšaran- ‘ночь’ на основании всех известных фонетических законов. Точно так же не могут быть связаны индоиранские формы и хетт. ispan- ‘ночь’, что делает невозможной праформу *k^hsep- ‘ночь’ (1. 3. 11; 2. 3. 5).

4. Праиндоевропейская лексема ‘женская грудь’ представляла собой композит и должна реконструироваться как *p(e)h₃-stēn- (где *p(e)h₃- – корень ‘пить’, а *stēn- – собственно ‘женская грудь’) (2. 1. 1).

5. Лат. pouācula ‘бритва’ имеет праформу *sneh₁(a)-tlo- (от корня sneh₁(i)- ‘прясть’), родственно праслав. *snova-dlo- ‘сновало’ и герм. *nēplō- ‘игла’ и первоначально обозначало заостренный инструмент для прядения, а впоследствии стало называть острый нож и бритву (2. 2. 1).

6. Начальный согласный в греч. σβέννυμι ‘гасить’ объясняется на собственно греческой почве (3. 2).

7. Праформа числительного *k̂mtóm ‘сто’ не содержала праязыкового начального кластера структуры ТК- (4. 1. 2).

8. Греч. πτέρυγ ‘пята’ и, возможно, др.-инд. pārsṇī-, авест. pāšna- ‘то же’ представляли собой композит *ped-persn-eh₂-, который превратился в *tpernā- из-за гаплогонии с последующей метатезой в греческом и отпадением начального t- в индоиранской ветви. (4. 1. 4).

9. И.-е. *k̂(u)ṛōn- ‘собака’ не связано с и.-е. *rēku- ‘скот’ и не восходит к *rk̂(u)ṛōn-; праслав. *ръсь ‘собака’, соответственно, не может быть когнатом др.-инд. śvā-, лит. šuõ ‘собака’ и т. д. (4. 1. 5).

10. Лат. *māteriēs* является производным от лат. *māter* ‘мать’, а не образовано от корня **dem-* ‘строить’ и не восходит к праформе **dmeh₂-tes-* [Osthoff 1893 apud Николаев 2010: 177-178] (4. 2. 1).

Библиография

Словари

Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический осетинского языка: в 4 т. Т. 1. А – К'. М.-Л., 1958.

Абаев 1989 – Абаев В. И. Историко-этимологический осетинского языка: в 4 т. Т. 4. У – Z. Л., 1989.

Георгиев 1955 – Георгиев В. Словарь крито-микенских надписей. София, 1955.

ППСГЯ 1986 – Казанский Н. Н., Казанскене В. П. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986.

Срезневский III 1912 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912.

ССЯ IV 2006 – Словарь старославянского языка. Том IV. С-V. (Репринтное издание). СПб., 2006.

Стеблин-Каменский 1999 – Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

ЭСРЯ I – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1986.

ЭСРЯ II – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1986.

ЭСРЯ III – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1987.

ЭССЯ-3 1976 – Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 3 (*bratъсь – *съгку). М., 1976.

ЭССЯ-7 1980 – Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 7 (*golvaць – *gyžati). М., 1980.

ЭССЯ-8 1981 – Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 8 (*ха – *jъvьlga). М., 1981.

ЭССЯ-13 1987 – Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 13 (*kromežirь – *kyžiti). М., 1987.

Adams 1999 – Adams D. A dictionary of Tocharian B. Amsterdam; Atlanta, 1999.

Adams 2013 – Adams D. A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged. Amsterdam; NY, 2013.

Bartholomae 1904 – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston, 2010.

Böhtlingk-Roth 1855-1875 – Böhtlingk O., von Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. Theil 1-7. Sankt-Petersburg, 1855-1875.

Boisacq 1916 – Boisacq, Emile. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1916.

Buck 1949 – Buck C. D. A Dictionary of selected Synonyms in the principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.

Buck-Petersen 1944 – Buck C. D., Petersen W. A reverse index of Greek nouns and adjectives. Chicago, 1944.

ChWdW9 2008 – Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Zweiter Band. Der Wortschatz des 9. Jahrhunderts. Berlin; NY, 2008.

Cheung 2007 – Cheung J. Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden; Boston, 2007.

DELG 1968-1980 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980.

DELL 2001 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4me ed., Paris, 2001.

Demiraj-Dayan 1997 – Demiraj B., Dayan A. Albanische Etymologien. Amsterdam, 1997.

Derksen 2008 – Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.

DM 1985-1993 – Jorro A. Dictionario Micénico. Madrid, 1985-1993.

eDIL – Electronic Dictionary of Irish Language. www.dil.ie (дата последнего обращения 29.01. 2015).

ESJS-2 1990 – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1990.

EWaia I 1992 – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I. Heidelberg, 1992.

EWaia II 1996 – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. II. Heidelberg, 1996.

Feist 1939 – Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gothischen Sprache. Leiden, 1939.

Fraenkel 1962-1965 – Fraenkel E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962-1965.

GEW 1960-1970 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960-1970.

Grassmann 1873 – Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.

HAB 1971-1979 – Ačařyan H. Hayerēn armatakan bařaran. Yerevan, 1971-1979.

HAB 4 1979 – Ačařyan H. Hayerēn armatakan bařaran, 4. Yerevan, 1979.

Horn 1893 – Horn P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.

Hübschmann 1897 – Hübschmann H. Armenische Grammatik. Erster Teil: Armenische Etymologie. Leipzig, 1897.

IEW 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.

Jahukjan 2010 – Jahukjan G. Hayeren stugabanakan bařaran. Yerevan, 2010.

KEWA 1956-1980 – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. 4 Bde. Heidelberg, 1956-1980.

Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.

Köbler 1993 – Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. 4te Aufl. Gießen-Lahn, 1993.

Kroonen 2013 – Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.

Lehmann 1986 – Lehmann W. P. A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.

LEIA D – Lexique étymologique de l'Irlandais ancien de J. Vandries. Lettre D. Par les soins de P.-Y. Lambert. Paris, 1996.

LEIA T-U – Lexique étymologique de l'Irlandais ancien de J. Vandries. Lettres T-U. Par les soins de E. Bachellery et P.-Y. Lambert. Paris, 1976.

LIV 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben. 2 Aufl. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden, 2001.

LSJ 1996 – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English lexicon. Oxford, 1996.

MA 1997 – Mallory, J. P., Adams, D. Q. (ed.) Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

Maltby 1991 – Maltby R. A lexicon of ancient Latin etymologies. Leeds, 1991.

Martirosyan 2010 – Martirosyan H. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2010.

Matasović 2008 – Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston, 2008.

Monier Williams 1899 – Monier Williams M. A. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1899.

NIL 2008 – Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.

- Orel 1998 – Orel V. [E.] Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston, 1998.
- Orel 2003 – Orel V. [E]. A handbook of Germanic etymologies. Leiden; Boston, 2003.
- Philippa 2003-2009 – Philippa M. et al. Etymologisch Woordenboek Van Het Nederlands // Amsterdam, 2003-2009.
- Puhvel-2 1984 – Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Volume 2: Words Beginning with E and I. Berlin; NY, 1984.
- Puhvel-4 1997 – Puhvel J. Hittite etymological dictionary. Volume 4: Words Beginning with K. Berlin; NY, 1997.
- Schrader 1917-1929 – Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. I-II. Berlin; Leipzig, 1917-1929.
- Seebold 1970 – Seebold E. Vergleichendes und Etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague, 1970.
- Smoczyński 2007 – Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Tischler-1 1983 – Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Teil I. A-K. Innsbruck, 1983.
- Tischler-3 1993 – Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Teil III. Lieferung 8. T, D/1. Innsbruck, 1993.
- Tischler-2 2004 – Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Teil II/2. Lieferung 13. S-1. Innsbruck, 2004.
- Trautmann 1923 – Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Uhlenbeck 1898-1899 – Uhlenbeck Chr. C. Etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898-1899.
- de Vaan 2008 – Vaan de M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. Leiden; Boston, 2008.

de Vries 1977 – Vries de J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte Auflage. Leiden, 1977.

WH 1938 – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearbeitete Auflage von J. B. Hoffmann. Heidelberg, 1938.

Издания текстов¹⁰⁸

Die Hymnen des Rigveda / Hrsg. von Th. Aufrecht. 4 Bde. Bonn, 1877.

Atharva Veda Sanhita / Hrsg. von R. Roth und W.D. Whitney. Berlin, 1856.

Avesta: the Sacred Book of the Parsis / Hrsg. von K. F. Geldner. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1886–1896. 3 Bde.

The Gathas of Zarathustra / Ed. S. Insler. Téhéran-Leiden, 1975.

The Gathas of Zarathustra. A reconstruction of the text / Ed. M. C. Monna. Amsterdam, 1978.

Die Altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung / Hrsg. von R. Schmitt. Wiesbaden, 2009.

Homeri Ilias / Recensuit, testimonia congescit M. L. West. 2 vol. Lipsiae; Stuttgartiae, 1998–2000.

Homeri Odyssea / Recognovit P. von der Mühl. Basileae, 1946.

Homeri Odyssea / Recognovit H. van Thiel. Hildesheim; Zürich; New York, 1991.

Sophoclis fabulae / Edd. H. Lloyd-Jones et N. G. Wilson. Oxonii, 1990.

Sophoclis Ajax / Denuo recensuit brevique annotatione critica instruxit F. H. M. Blaydes. Halis Saxonum, 1908.

Hesychii Alexandrini Lexicon / Post Ioannem Albertum recensuit M. Schmidt. 5 vol. Ienae, 1858–1868.

¹⁰⁸ Издания текстов располагаются в следующем порядке: древнеиндийские – древнеиранские – греческие – латинские. Приводятся издания тех текстов, которые цитировались в работе.

Hesychii Alexandrini Lexicon / Ed. K. Latte; post Kurt Latte continuans recensuit et emendavit P. A. Hansen. Hauniae, 1953–1966 (Vol. 1: A–Δ; Vol. 2: E–O); Berlin; New York, 2005–2009 (Vol. 3: Π–Σ; Vol. 4: □Τ–Ω).

Lucreti De rerum natura / Latin text Books I–VI. Comprehensive commentary by C. Bailey. Oxford, 1947.

Lucreti De rerum natura libri VI / Recognovit versibusque Rossicis convertit Theodorus Petrovski. Л., 1946.

Suetonius. The Life of the Caesars. 2 Vols. / With an English translation by J. C. Rolfe. London; Cambridge, MA, 1959.

Специальная литература

Безлепкин 2013 – Безлепкин А. С. Об этимологии лат. *nūbere* ‘выходить замуж’ и ПИЕ **snusó-* ‘невестка’ // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г.

Бурлак 2000 – Бурлак С. А. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.

Бенвенист 1955 – Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Болотов 2012 – Болотов С. Г. Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г.

Вайан 1952 – Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Герценберг 2010 – Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010.

ГИ 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тбилиси, 1984.

Джаукян 1982 – Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.

Иванов 1965 – Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965.

Иванов 2002 – Иванов В. В. Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте в неславянском окружении. М., 2002. (перепечатано в Иванов 2008).

Иванов 2008 – Иванов В. В. Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты // Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Том 2. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008.

Иванов-Топоров 1974 – Иванов В. В. Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

Иллич-Свитыч 1961 – Иллич-Свитыч В. М. Один из источников начального х- в праславянском (Поправка к «закону Зибса») // Вопросы языкознания 1961. №4.

Иллич-Свитыч 1963 – Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

Касьян-Живлов-Старостин 2014 – Касьян А. С., Живлов М. А., Старостин Г. С. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное сравнение реконструированной базисной лексики // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVIII (чтения

памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г.

Князев 1999 – Князев С. В. О критериях слогаделения в современном русском языке: теория волны сонорности и теория оптимальности // Вопросы языкознания 1999. № 1.

Лома 2000 – Лома А. Праслав. *xaloga < др.-греч. φάλαγγ- и скифский переход f > x // Этимология 1997-1999. М., 2000.

Льюис-Педерсен 1954 – Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.

Мейе 1938 – Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Мельничук 1968 – Мельничук А. С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. М., 1968.

Надь 2002 – Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.

Николаев 2005 – Николаев А. С. Тох. A śamantär и индоевропейский претерит с продленной ступенью аблаута в корне // Вопросы языкознания 2005. № 5.

Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.

Николаев 1985 – Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.

Орел 1997 – Орел В. Двадцатилетие «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1–21, 1974–1994) // Этимология 1994-1996. М., 1997.

Панфилов 1973 – Панфилов Е. Д. Фонологические слоги классической латыни. Ч. 1. Односложные словоформы. Л., 1973.

Панфилов 1980 – Панфилов Е. Д. Фонологические слоги классической латыни. Ч. 2. Многосложные словоформы. Л., 1980.

Панфилов 1994 - Панфилов Е. Д. Место слога в словоформе. (Исследования в области силлаботактики на материале классического латинского языка). СПб., 1994.

Потебня 1891 – Потебня А. А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. III. С. 117-128.

СГГЯ-2 1962 – Макаев Э. А. (ред.) Сравнительная грамматика германских языков. Том 2. Фонология. М., 1962.

Старостин 2013 – Старостин Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1. Методология. Койсанские языки. М., 2013.

Топоров 2005a – Топоров В. Н. Числовой код в заговорах (по материалам сборника Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания») // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.

Топоров 2005b – Топоров В. Н. Ночь и день. Их противостояние и взаимная тяга. Об и.-е. *nok^w-t- (*nek^w-t-) & *dejn-/ *din- (*dejen-) и *dejn-/ *din- (*dejen-) & *nok^w-t- (*nek^w-t-) // *Hrdá mánasā*: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга. СПб., 2005.

Трофимов 2014a – Трофимов А. А. Проблема реконструкции праиндоевропейских начальных кластеров *pst- и *bzd- // *Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI*. Памяти Л. Г. Герценберга. (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 1). 2014.

Трофимов 2014б – Трофимов А. А. Праиндоевропейские начальные кластеры с двумя глухими смычными: праязыковое наследие или диалектная инновация? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология- XVIII* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г.

Трофимов 2014в – Трофимов А. А. К этимологии праславянского *хидь (опыт сравнительно-исторического исследования) // Вестник МГОУ, серия «Лингвистика» 2014, № 6.

Трубачев 2008 – Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (1966) // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Том. 3. М., 2008.

Фортунов 1956 – Фортунов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1956.

Фридрих 1952 – Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.

Цымбурский 2002 – Цымбурский В. Л. Греч. πύργος ‘башня’ и слав. *porǫgъ ‘порог, притолока’: к возможности сопоставления // ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Вып. XII. М., 2002.

Шацков 2009 – Шацков А. В. К вопросу о вокалической анаптиксе в хеттском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология- XIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г.

Широков 1980 – Широков О. С. Место армянского языка среди индоевропейских и проблема армянской прародины: автохтонность армян по данным сравнительно-исторического языковедения // Lraber hasarakakan gitut‘yunneri 1980, № 5.

Широков 1983а – Широков О. С. История греческого языка. М., 1983.

Широков 1983б – Широков О. С. Греко-армянские лексические встречи и проблема малоазиатской прародины // Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования. М., 1983.

Allen 1968 – Allen W. S. Vox Graeca. A guide to the pronunciation of Classical Greek. Cambridge, 1968.

Bammesberger 1984 – Bammesberger A. Studien zur Laryngaltheorie. Göttingen, 1984.

Barber 2013 – Barber P. J. Sievers' Law and the History of Semivowel Syllabicity in Indo-European and Ancient Greek. Oxford, 2013.

Bartholomae 1891 – Bartholomae Chr. Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte. Heft 2. Halle, 1891.

Beekes 1969 – Beekes R. S. P. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague; Paris, 1969.

Beekes 1972 – Beekes R. S. P. H₂O // Die Sprache 1972, Bd. 18.

Beekes 1988 – Beekes R. S. P. A grammar of Gatha-Avestan. Leiden; NY, 1988.

Beekes 2003 – Beekes R. S. P. Historical phonology of Classical Armenian // Armeniaca. Comparative notes / F. H. H. Kortlandt with an appendix by R. S. P. Beekes. Ann Arbor, 2003.

Benveniste 1937 – Benveniste E. Forme indo-européenne du gr. $\chi\theta\acute{\omega}\nu$ // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. von Ginneken. Paris, 1937.

Benveniste 1962 – Benveniste E. Hittite et indo-européen. Études comparatives. Paris, 1962.

Blažek 1998 – Blažek V. Indo-European 'four' // IF 1998, Bd. 103.

Bloomfield 1895 – Bloomfield M. On Assimilation and Adaptation in Congeneric Classes of Words // The American Journal of Philology 1895, vol. 16.

Bolling 1900 – Bolling G. M. The etymology of ΣΘΕΝΟΣ // The American Journal of Philology 1900, vol. 21.

Bozzone 2013 – Bozzone Ch. Initial "Yod" in Greek and the etymology of Gk. ἵππος 'horse' // Proceedings of the 24th Annual UCLA Indo-European Conference. Bremen, 2013.

Brückner 1923 – Brückner A. Slavisches ch- // KZ 1923, Bd. 51.

Brugmann 1890 – Brugmann K. Die Bildung der Zehner und der Hunderter in den indogermanischen Sprachen // K. Brugmann, H. Osthoff. Morphologische

Untersuchungen auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. 5 Teil. Leipzig, 1890.

Brugmann 1892 – Brugmann K. Etymologisches // IF 1892, Bd. 1.

Brugmann 1897 – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen I/1. Einleitung und Lautlehre. 2-e Bearbeitung. Strassburg, 1897.

Brugmann 1911 – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. II/2. Lehre von Wortformen und ihre Gebrauch. 2-e Bearbeitung. Strassburg, 1911.

Buck 1955 – Buck C. D. The Greek Dialects. Grammar – selected inscriptions – glossary. Chicago, 1955.

Būga 1922 – Būga K. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922.

Burrow 1959 – On the phonological history of Sanskrit *kṣám-* ‘earth’, *ṛkṣa-* ‘bear’ and *likṣā-* ‘nit’ // Journal of the American Oriental Society 1959, vol. 79.

Byrd 2010 – Byrd A. M. Reconstructing Indo-European Syllabification. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Indo-European Studies. Los-Angeles, 2010.

Byrd 2012 – Byrd. A. Predicting Indo-European syllabification through phonotactic analysis // The new sound of Indo-European. Copenhagen, 2012.

Byrd 2013 – Byrd A. Schindler’s exceptions & PIE *kur- ‘foal’ // ECIEC XXXII - Poznań, Poland. 2013.

Carruthers 1933 – Carruthers C. H. More Hittite words // Language 1933, vol. 9.

Cheung 2002 – Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Wiesbaden, 2002.

Clackson 1994 – Clackson J. The Linguistic Relationship Between Armenian and Greek (Publications of the Philological Society, 30). Oxford, UK & Cambridge, USA, 1994.

Clackson 2007 – Clackson J. Indo-European linguistics. An introduction. Cambridge, 2007.

Collinge 1985 – Collinge N. E. The laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Cowgill – Cowgill W. Evidence in Greek // Evidence for laryngeals. The Hague, 1965.

Debrunner 1938 – Debrunner A. Indoiranisches // IF 1938, Bd. 56.

De Decker 2010 – de Decker F. J. What is the Greek counterpart of Sanskrit *th*? https://www.academia.edu/4434218/2010_What_is_the_Greek_counterpart_of_Indo-Iranian_Sanskrit_th (дата последнего обращения 29.01. 2015).

Delamarre 2008 – Delamarre X. Ardasina, Titiluxsa, Uxesina, grec παρθένος, avestique *ərəduuafšnī*-. Une dénomination indo-européenne de la jeune femme: ‘celle qui a les seins hauts’ // KZ 2008, Bd. 121.

Deroy 1956 – Deroy L. La valeur du suffixe préhellénique *-nth-* d’après quelques noms grecs en *-vθος-* // Glotta 1956, Bd. 35.

Duchesne-Guillemin 1936 – Duchesne-Guillemin J. Les composés de l’Avesta. Paris, 1936.

Eichner 1973 – Eichner H. Die Etymologie von heth. *mehur* // MSS 1973, Bd. 31.

le Feuvre 2011 – le Feuvre C. Gr. *τρυγών* ‘1. Turtledove; 2. Stingray (fish)’: one word or two words? // Studia Etymologica Cracoviensia 2011, vol. 16.

Fick 1868 – Fick A. Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache. Göttingen, 1868.

Fraenkel 1953 – Fraenkel E. Zur griechischen Wortbildung // Glotta 1953, Bd. 32.

Friedrich 1940 – Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch. Heidelberg, 1940.

Frisk 1936 – Frisk H. Suffixales *-th-* im Indogermanischen // GHÅ 1936.

Furnée 1972 – Furnée E. J. Die wichtigste konsonantische Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972.

García Ramón 1982 – García Ramón J. L. La glosa de Hesiquio ζείναμεν: σβέννυμεν. Una aporía fonética y morfológica // Emerita 1982, vol. 50.

Gauthiot 1913 – Gauthiot E. Le fin de mot en Indo-Européen. Paris, 1913.

Gippert 2001 – Gippert J. Neues zu „Slavisch st aus älterem pt?“ // Namen, Sprachen und Kulturen. Imena, Jeziki i Kulture. Festschrift für Heinz Dieter Pohl zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Peter Anreiter, Peter Ernst und Isolde Hausner unter Mitwirkung von Helmut Kalb. Wien, 2001.

Goetze 1951 – Goetze A. On the Hittite words for ‘year’ and the seasons and the ‘night’ and ‘day’ // Language 1951, vol. 27.

Goetze-Pedersen 1934 – Goetze A., Pedersen H. Muršilis Sprachlähmung. Danske Vidensk. Selskab, hist.-filol. Meddelelser 21/1. København, 1934.

Gunnarsson 1971 – Gunnarsson J. On the Indo-European ‘dental spirants’ // NTS 1971, Bd. 24.

Güntert 1916 – Güntert H. Indogermanische ablautprobleme: Untersuchungen über schwa secundum, einen zweiten indogermanischen Murrelvokal. Strassburg, 1916.

Güterbock 1988 – Güterbock Bilingual moon omens from Boğazköy // A Scientific Humanist. Studies in Memory of Abraham Sachs (ed. E. Leichty). Philadelphia, 1988.

Hackstein 1992 – Hackstein O. Eine weitere griechisch-tocharische Gleitung: Griechisch πτηξαι und tocharisch B pyäkti // Glotta 1992, Bd. 70.

Hackstein 2002 – Hackstein O. Uridg. *CH.CC > *C.CC // KZ 2002, Bd. 115.

Hajnal 1992 – Hajnal I. Griechisch χαμαί. Ein Problem der Rekonstruktion? // Rekonstruktion und relative Chronologie. Akten der VIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Leiden, 31. August - 4. September 1987. (ed. Beekes R. S. P. et al.). Innsbruck, 1992.

Hamp 1960 – Hamp E. Avestan fštāna // KZ 1960, Bd. 76.

- Hamp 1970 – Hamp E. Morpho-syntax as Proof in Etymology // Papers from the Sixth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1970.
- Hamp 1980 – Hamp E. IE. *(p)kuon- ‘dog’ // IF 1980, Bd. 85.
- Hamp 1989 – Hamp E. Hittite *alpu* and *dampu* // KZ 1989, Bd. 102.
- Hermann 1923 – Hermann E. Silbenbildung im Griechischen und in den andern Indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1923.
- Herzfeld 1938 – Herzfeld E. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.
- Hiersche 1964 – Hiersche R. Untersuchungen zur Frage der Tenues Aspiratae im Indogermanischen. Wiesbaden, 1964.
- Hilmarsson 1991 – East Tocharian *ksär* “in the morning” from Indo-European *ǵ^hd^hjestro- // L. Isebaert (ed.) *Studia Etymologica Indoeuropaea: Memoriae A.J. Van Windekens (1915-1989) Dicata*. Louvain, 1991.
- Hoffmann 1954 – Hoffmann K. Jungawestisch *zazāite* // MSS 1954, Bd. 4.
- Hoffmann 1968 – Hoffmann K. The Avesta fragment FrD 3 // *Indo-Iranian Journal* 1968, vol. 10.
- Hoffmann 1992 – Hoffmann K. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. 3. Wiesbaden, 1992.
- Hoffmann-Forssman 1996 – Hoffmann K., Forssman B. Avestische Laut- und Flexionslehre. Innsbruck, 1996.
- Hollifield 1980 – Hollifield P. H. The phonological development of final syllables in Germanic (Part I) // *Die Sprache*. 1980, Bd. 26.
- IG 1986 – Cowgill W., Mayrhofer M. *Indogermanische Grammatik. Band I*. Heidelberg, 1986.
- Insler 1975 – Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Leiden, 1975.
- Janko 1979 – Janko R. The etymology of *σχερός* and *ἐπισχερώ*: a Homeric misunderstanding // *Glotta* 1979, Bd 57.
- Jespersen 1922 – Jespersen O. *Language. Its Nature. Development and Origin*. London, 1922.

Jasanoff 2006 – Jasanoff J. The ending of the PIE 2 sg. middle imperative // Die Sprache 2006, Bd. 46.

Jasanoff 2008 – Jasanoff J. H. *g^wes-, *(z)g^wes- or *(s)g^wesh₂-? The PIE root for ‘extinguish / go out’ // Morphology and Language History. In Honour of Harold Koch / Ed. by C. Bown, B. Evans and L. Miceli. Amsterdam; Philadelphia, 2008.

Kager 1999 – Kager R. The Optimality Theory. Cambridge, 1999.

Kammenhuber 1969 – Kammenhuber A. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Altkleinasiatische Sprachen (= Handbuch der Orientalistik, 1. Abt., 2. Bd, Lfg. 2). Leiden; Köln, 1969.

Kassian-Yakubovich 2002 – Kassian A., Yakubovich I. The reflexes of IE initial clusters in Hittite // Anatolian Languages / Ed. V. Shevroskin and P. Sidwell. Canberra, 2002.

Katz 1998 – Katz J. T. Topics in Indo-European Personal Pronouns: Ph. D. dissertation. Harvard University, 1998.

Katz 2000 – Katz J. Evening Dress: The Metaphorical Background of Latin uesper and Greek ἑσπερος // Jones-Bley, K, Huld, M E. and Della Volpe, A. (eds.) Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference (Los Angeles June 4–5, 1999). Los-Angeles, 2000.

Kellens 1984 – Kellens J. Le verbe avestique. Wiesbaden, 1984.

Kellens-Pirart 1995 – Kellens J., Pirart E. Liste du verbe avestique. Wiesbaden, 1995.

Kent 1950 – Kent R. Old Persian. New Haven, 1950.

Keydana 2004 – Keydana G. Silbenstruktur und Phonotaktik im Indogermanischen // Kozianka M., Lühr R. & Zeilfelder S. (eds.) Indogermanistik – Germanistik – Linguistik. Hamburg, 2004.

Keydana 2012 – Keydana G. Evidence for non-linear phonological structure in Indo-European: The case of fricative clusters // The sound of Indo-European. Copenhagen, 2012.

Kimball 1999 — Kimball S. Hittite Historical Phonology. Innsbruck, 1999.

Klingenschmitt 1974 – Klingenschmitt G. Gr. παρθένος // Antiquitates Indogermanicae: Studien zur indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker (Gedenkschrift für Hermann Güntert) / Hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt. Innsbruck, 1974 (перепечатано в Klingenschmitt 2005).

Klingenschmitt 1982 – Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden, 1982.

Klingenschmitt 2005 – Klingenschmitt G. Aufsätze zur Indogermanistik. Herausgegeben von M. Janda, R. Lühr, J. Matzinger und S. Schaffner. Hamburg, 2005.

Kloekhorst, в печати – Kloekhorst A. Proto-Indo-European “thorn”-clusters; to appear in Historische Sprachforschung. <http://www.kloekhorst.nl/KloekhorstPIETHornClusters.pdf> (дата последнего обращения 17.08. 2014).

Kluge 1908 – Kluge F. Gothische Miscellen // Zeitschrift für deutsche Wortforschung 1908, Bd. 10.

Kobayashi 2004 – Kobayashi, M. Historical phonology of Old Indo-Aryan consonants. Tokyo, 2004.

Kocharov 2012 – Kocharov P. Perfect Reduplication in Late Indo-European // The Indo-European Verb. Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010 / Ed. by H. C. Melchert. Wiesbaden, 2012.

Kortlandt 1982 – Kortlandt F. IE *pt in Slavic // FLH 1982. Vol. 3-1.

Kortlandt 1983 – Kortlandt F. Greek numerals and PIE glottal consonants // MSS 1983, Bd.

Krahe 1948 – Krahe H. Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen. Heidelberg, 1948.

Krause 1951 – Krause W. Zur Frage nach dem nichtindogermanischen Substrat des Tocharischen // KZ 1951, Bd. 69.

Krause 2014 – Krause W. Schriften zur Runologie und Sprachwissenschaft. Berlin; Boston, 2014.

Kretschmer 1932 – Kretschmer P. Χθών // Glotta 1932, Bd. 20.

Kronasser 1966 – Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966.

Kroonen – Lubotsky 2009 – Kroonen G., Lubotsky A. Proto-Indo-European *tsel- ‘to sneak’ and Germanic *stelan- ‘to steal, approach stealthily’ // Studia Etymologica Cracoviensia 2009, vol. 14.

Kuiper 1937 – Kuiper F. B. J. Die indogermanische Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937.

Kulikov 2000 – Kulikov L. I. The Vedic type *syāti* revisited // Forssman B., Plath R. (ed.) Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Wiesbaden, 2000.

Kulikov 2001 – Kulikov L. I. The Vedic -ya-presents. Amsterdam, 2001.

Kulikov 2005 – Kulikov L. I. Reduplication in the Vedic verb: Indo-European inheritance, analogy and iconicity // Hurch B. (ed.) Studies on reduplication. Berlin, 2005.

Kümmel – Kümmel M. Addenda und Corrigenda zu LIV². <http://www.indogermanistik.uni-jena.de/dokumente/PDF/liv2add.pdf> (дата последнего обращения 15.09.2014).

Kümmel 2012 – Kümmel M. Typology and reconstruction // The new sound of Indo-European. Copenhagen, 2012.

Kuryłowicz 1956 – Kuryłowicz J. L’apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.

Lidén 1933 – Lidén E. Zur indogermanischen Terminologie der Milchwirtschaft // KZ 1933, Bd. 61.

Lubotsky 1985 – Lubotsky A. The PIE word for ‘dry’ // KZ 1985, Bd. 98.

Lubotsky 1997 – Lubotsky A. New Phrygian inscription No. 48: palaeographic and linguistic comments // Gusmani, R., Salvini, M., Vannicelli, P. (Eds.), *Frigi e Frigio. Atti del 1 Simposio Internazionale*. Roma, 1997.

Lubotsky 2000 – Lubotsky A. Indo-Aryan ‘six’ // Ofitsch M., Zinko Chr. (ed.) *125 Jahre Indogermanistik im Graz*. Graz, 2000.

Lubotsky 2001 – Lubotsky A. The Indo-Iranian substratum // Early contacts between Uralian and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations. Edited by Chr. Carpelan, A. Parpola and P. Koskikallio. Helsinki, 2001.

Lubotsky 2006 – Lubotsky A. Indo-European ‘heel’ // Studi linguistic in onore di Roberto Gusmani, a cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. Alessandria, 2006.

Lubotsky 2014 – Lubotsky A. The Indo-European development $*d > *h_1$ and its chronology // Space, culture, language and politics in South Asia: common patterns and local distinctions. Roma, 2014.

Mailhammer 2007 – Mailhammer R. The Germanic Strong Verbs. Foundations and development of the new system. Berlin; NY, 2007.

Mańczak 1980 – Mańczak W. Irregular sound change due to frequency in Latin. *Language Sciences* 1980, vol. 2-1.

Mańczak 1987 – Mańczak W. Frequenzbedingter unregelmässiger Lautwandel in den germanischen Sprachen. Wrocław, 1987.

Martirosyan 2013 – Martirosyan H. The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian // *Вопросы языкового родства* 2013, т. 10.

Matasović 2009 – Matasović R. *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb, 2009.

Mayrhofer 2005 – Mayrhofer M. *Die Fortsetzung der idogermanischen Laryngalen im Indo-Iranischen*. Wien, 2005.

Meillet 1898 – Meillet A. *Étymologies arméniennes* // *MSL* 1898, vol. 10.

- Melchert 1994 – Melchert H. C. Anatolian historical phonology. Amsterdam; Atlanta, 1994.
- Monna 1978 – Monna M. C. The Gathas of Zarathustra. A reconstruction of the text. Amsterdam, 1978.
- Nikolaev 2009 – Nikolaev A. [S.] The Germanic word for ‘sword’ and delocative derivation in Proto-Indo-European // JIES. 2009. Vol. 37.
- Nikolaev 2011 – Nikolaev A. Indo-European *dem(h₂)- ‘to build’ and its derivatives // KZ 2011, Bd. 123.
- Nussbaum 1986 – Nussbaum A. Head and Horn in Indo-European. Berlin; NY, 1986.
- Nussbaum 1998 – Nussbaum A. J. Severe problems // Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins / Ed. by J. Jasanoff, H. C. Melchert and L. Oliver. Innsbruck, 1998.
- Oettinger 1979 – Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
- Oettinger 1980 – Oettinger N. Die n-Stämme des Hethitischen und ihre indogermanischen Ausgangspunkte // KZ. 1980, Bd. 94.
- Oettinger 2003 – Rec. ad. op.: S.E. Kimball, Hittite Historical Phonology, Innsbruck, 1999 // IF 2003, Bd. 108.
- Olsen 1999 – Olsen B. The noun in Biblical Armenian. Berlin; NY, 1999.
- Orel 2000 – Orel V. [E.] A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Orr 2013 – Orr R. Combining Hamp and Holzer – Gentlemen, you are both right // Canadian Slavonic Papers 2013, Vol. LV.
- Osthoff 1893 – Osthoff H. Osthoff H. Lateinisch materies // Festgruss Rudolf von Roth zum Doktor-Jubiläum 24. August 1893 von seinen Freunden und Schülern. Stuttgart, 1893.
- Osthoff 1901 – Osthoff H. Etymologische Parerga. Erster Teil. Leipzig, 1901.

- Pedersen 1895 – Pedersen H. Das indogermanische *s* im Slavischen // IF 1895, Bd. 5.
- Pedersen 1900 – Pedersen H. Die Gutturale im Albanesischen // KZ 1900, Bd. 36.
- Pedersen 1909 – Pedersen H. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Erster Band. Einleitung und Lautlehre. Göttingen, 1909.
- Pedersen 1933 – Pedersen H. Hittitische Etymologien // Archiv Orientalny 1933, 5.
- Peters 1991-1993 – Peters M. Ὅρεσθ- neben Ὅρεστ(ᾱ)- // Die Sprache 1991–1993. Bd. 35.
- Petersen 1938 – Petersen W. The evidence for schwa secundum in Latin and Greek // Language 1938, vol. 14.
- Petersson 1916 – Petersson H. Beiträge zur lateinische Etymologie // Glotta 1916, Bd. 8.
- Philps 2011 – Philps D. Reconsidering phonæstemes: Submorphemic invariance in English ‘*sn-* words’ // Lingua 2011, vol. 121.
- Pohl 1980 – Pohl H. D. Slavisch *st* aus älterem *pt*? // Die Sprache 1980, Bd. 26.
- Pokrowskij 1897 – Pokrowskij M. Zur lateinischen Wortbildungslehre // Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge. 1897, Bd. 52.
- Prince-Smolensky 2004 – Prince A., Smolensky P. Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. Blackwell Publishing, 2004.
- Pronk-Tiethoff 2013 – Pronk-Tiethoff S. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam; NY, 2013.
- Puhvel 1987 – Puhvel J. All our ‘yesterdays’ // Cardona G., Zide N. H. (eds.) Festschrift for Henry Hoenigswald. On the Occasion of his Seventieth Birthday. 1987.

Puhvel 2003 – Puhvel J. Eventide in Hatti-land // Bisang W., Hock H. H. Language in time and space. A Festschrift for Werner Winter on the occasion of his 80th birthday. Berlin; NY, 2003.

Rasmussen 1989 – Rasmussen J. E. Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache. Innsbruck, 1989.

Rasmussen 1999 – Rasmussen J. E. On the status of the aspirated series and the Indo-European phonation series// Rasmussen J. E. Selected papers on Indo-European linguistics, Vol. II. Copenhagen, 1999.

Rau 2009 – Rau J. Indo-European nominal morphology: the decads and the Caland system. Innsbruck, 2009.

Rau 2012 – Rau J. Indo-European kinship terminology: *ph₂tr-ou- / ph₂tr̥- and its derivatives // KZ 2012, Bd. 124.

Reichelt 1909 – Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.

Rieken 1996 – Rieken E. Beiträge zur anatolischen Sprachgeschichte // Altorientalische Forschungen 1996, Bd. 23.

Rieken 1999 – Rieken E. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen. Wiesbaden, 1999.

Risch 1974 – Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. 2. Auflage. Berlin, 1974.

Rix 1992 – Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. 2., korrigierte Auflage. Darmstadt, 1992.

Schindler 1967 – Schindler J. Das idg. Wort für ‘Erde’ und die dentalen Spiranten // Die Sprache 1967, Bd. 13.

Schindler 1969 – Schindler J. Die idg. Wörter für ‘Vogel’ und ‘Ei’ // Die Sprache 1969, Bd. 15.

Schindler 1972 – Schindler J. Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen. Inaugural-Dissertation. Würzburg, 1972.

Schindler 1977a – Schindler J. A thorny problem // Die Sprache 1977, Bd. 23.

Schindler 1977b – Schindler J. Notizen zum Sievers'schen Gesetz // Die Sprache 1977, Bd. 23.

Schmidt 1973 – Schmidt G. Die iranischen Wörter für 'Tochter' und 'Vater' und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen // KZ 1973, Bd. 87.

Schmidt 1978 – Schmidt G. Stammbildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina. Wiesbaden, 1978.

Schmidt 1976 – Schmidt V. Griechisch σβέννυμι // Die Sprache 1976, Bd. 22.

Schmitt 1967 – Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.

Schmitt 2009 – Schmitt R. Die altpersische Inschriften Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung. Wiesbaden, 2009.

Schrijver 1991 – Schrijver P. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta, 1991.

Schulze 1966 – Schulze W. Kleine Schriften. 2., durchgesehene Auflage mit Nachträgen; herausgegeben von Wilhelm Wissmann. Göttingen, 1966.

Schwyzler 1939 – Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939.

Seebold 1982-1983 – Seebold E. Die Vertretung der indogermanischen Labiovelare im hethitischen Anlaut // KZ 1982-1983, Bd. 96.

Seebold 1983 – Seebold E. Hat es im Indogermanischen ein Höflichkeitspronomen gegeben? // Die Sprache 1983, Bd. 29.

Shevelov 1964 – Shevelov G. Y. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

Siebs 1904 – Siebs Th. Anlautstudien // KZ 1904, Bd. 37.

Sievers 1878 – Sievers E. Zur Accent- und Lautlehre der germanischen Sprachen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur 1878, Bd. 5.

- Sievers 1881 – Sievers E. Gründzüge der Phonetik. Leipzig, 1881.
- Sihler 1969 – Sihler A. Sievers-Edgerton phenomena and Rigvedic meter // Language 1969, vol. 45.
- Sihler 1971 – Sihler A. Word-initial semivowel alternation in the Rigveda // Language 1971, vol. 47.
- Sihler 1995 – Sihler A. L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. NY; Oxford, 1995.
- Sihler 2006 – Sihler A. Edgerton's Law: The Phantom Evidence. Heidelberg, 2006.
- Solmsen 1902 – Solmsen F. Rec. ad op.: Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen // Berliner Philologische Wochenschrift 1902, Bd. 22.
- Solta 1960 – Solta G. R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen. Wien, 1960.
- SOT 2003 – Féry, C., Vijver van de R. (eds.) Syllable in Optimality theory. Cambridge, 2003.
- Specht 1939 – Specht Fr. Griechische Miscellen // KZ 1939, Bd. 66.
- Stang 1966 – Stang Chr. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
- Steer 2013 – Steer T. Uridg. *d^h(e)ǵ^hōm 'Erde' und *ǵ^h(e)ǰōm 'Winter' // IF 2013, Bd. 118.
- Steriade 1982 – Steriade D. Greek Prosodies and the Nature of Syllabification. Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Sterling 2004 – Sterling G. E. Armenian Paradigms. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004.
- Streitberg 1895 – Streitberg W. Zum Zahlwort // IF 1895, Bd. 5.
- Szemerényi 1958 – Szemerényi O. Greek γάλα and the Indo-European termin for 'milk' // KZ 1958, Bd. 75.

Szemerényi 1960 – Szemerényi O. Studies in Indo-European system of numerals. Heidelberg, 1960.

Szemerényi 1962 – Szemerényi O. Principles of etymological research in the Indo-European languages // II. Fachtagung für Indogermanische und Allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10-15. Oktober 1961. Innsbruck, 1962.

Taillardat 1977 – Taillardat J. Images et matrices métaphoriques // Bulletin de l'Association Guillaume Budé 1977, vol. 36.

Thieme 1951 – Thieme P. Etymologische Vexierbilder // KZ 1951, Bd. 69.

Tokizaki-Kuwana 2012 – Tokizaki H., Kuwana Y. Limited consonant clusters in OV languages // A. Alexiadou, T. Alan Hall (ed.) Consonant clusters and structural complexity. Berlin; Boston, 2012.

Trautmann 1922 - Trautmann 1922 – Trautmann R. Über die Behandlung der Anlautsgruppe spr- im Urslavischen // KZ 1922, Bd. 50.

Vey 1931 – Vey M. Slave st- provenant d'i.-e. *pt- // BSL 1931, T. 32.

Vey 1953 – Vey M. Le nom de l'«autour» en slave // BSL 1953, T. 49.

VG 1984 – Pechenino M., Sorrentino A. Verbi greci. Verbi e forme verbali. Torino, 1984.

Vine 1999 – Vine B. Greek ρίζα 'root' and 'schwa secundum' // UCLA Indo-European Studies 1999, vol. 1.

Viredaz 1997 – Viredaz R. Six en indo-européen // IF 1997, Bd. 102.

Yakubovich 2009 – Yakubovitch I. Anaptyxis in Hitt. *spand- 'to libate': One More Case of Luvian Influence on New Hittite // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІІІ (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г.

Wahrmann 1914 – Wahrmann P. σφέλας, σφάλλω // Glotta 1914, Bd. 6.

Watkins 1974 – Watkins C. I-E 'star' // Die Sprache 1974, Bd. 20.

Walde 1897 – Walde A. Die verbindungen zweier dentale und tönendes z im Indogermanischen // KZ 1897, Bd. 34.

Weiss 2009 – Weiss M. Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin. Ann Arbor, 2009.

Werba 1997 – Ch. H. Verba Indoarica: die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache. Wien, 1997.

Whitney 1865 – Whitney W. D. On the relation of vowels and consonants // Journal of the American Oriental Society 1865, vol. 8.

Witczak 2012 – Witczak K. T. IE *g^{uh} in Germanic. A supplement to Verner's Law // Индоевропейское языкознание и классическая филология- XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г.

Woodhouse 2008 – Woodhouse R. Old Phrygian kcianaveyos. Studia Etymologica Cracoviensia 2008, vol. 13.

Woudhuizen 2008-2009 – Woudhuizen F. C. Phrygian & Greek // Talanta 2008-2009, vol. XL-XLI.

Zair 2012 – The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Celtic. Leiden; Boston, 2012.